

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Москва
2006

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск двадцать восьмой)
М., 2006, 266 стр.

Ответственный редактор

А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-161-6

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-161-6

© Институт Ближнего Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

В.Я.Архипов	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АВСТРАЛИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА.....	5
Н.С.Глебова	
АРАБСКИЕ СМИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ.....	20
Б.В.Долгов	
ИСЛАМИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ ТУНИСА).....	34
А.И.Куприн	
ВЛАСТЬ И СВЕТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ТУНИСЕ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ БЕН АЛИ.....	55
П.Н.Мамед-заде	
ЕГИПЕТ И ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	69
И.В.Масюкова	
ЗАКОН О ВОЗВРАЩЕНИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА.....	76
Е.С.Мелкумян	
СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ.....	92
Д.А.Нечитайло	
ИСЛАМ В ГОЛЛАНДИИ.....	102
П.А.Рассадин	
РАЗВИТИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЛИВАНЕ И ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	119
А.А.Ткаченко	
ЕС – СЕВЕРНАЯ АФРИКА: КОНТУРЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ..	151
 ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РФ	
Материалы конференции	
«Российско-сирийские отношения: традиции и перспективы», 19 января 2005 г.	
К.Н.Брутенц	
СЛОВО О ХАФЕЗЕ АСАДЕ.....	184
Ю.Е.Фокин	
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	187
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ г-на Вахиба Фаделя	189

Камнакш Фахд	
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА	
СОТРУДНИЧЕСТВА – ОБОЮДНАЯ ЗАДАЧА.....	195
В.М.Ахмедов	
СИРИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ.....	199
В.М.Ахмедов	
СИРИЯ ПРИ БАШАРЕ АСАДЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ	
С РОССИЕЙ.....	205
В.Е.Донцов	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКО-СИРИЙСКИХ	
ОТНОШЕНИЙ.....	223
А.О.Филоник	
РОССИЯ-СИРИЯ: НОВЫЕ РЕАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО	
СОТРУДНИЧЕСТВА.....	230

В.Я.Архипов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АВСТРАЛИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Заявленная автором тема не получала прежде достаточного освещения в российском востоковедении, хотя заслуживает пристального внимания в силу того, что в условиях глобализирующейся экономики возникают новые модели торговых связей, создается более развернутая и интенсивная система межхозяйственных и интерконтинентальных взаимодействий, на первые места выдвигаются межрегиональные контакты, формирующие в целом более сложную геоэкономическую картину мира. В этой палитре свое место могут найти и австрало-ближневосточные отношения, особенно если учесть экономический потенциал австралийского континента и растущие возможности арабского мира, способные увеличить число точек соприкосновения между ними и сделать торгово-экономическое партнерство регулярным и плодотворным.

В Австралии создана устойчивая, конкурентоспособная экономика. Страна располагает квалифицированной рабочей силой. Многие менеджеры и технический персонал приобрели научный и управленческий опыт работы на Западе. Почти половина трудовых кадров имеют дипломы различных учебных заведений, в том числе университетские, значительное число научных работников и технических специалистов получило международное признание.

Австралия обладает стабильными предпосылками для экономического, политического и социального роста. В последние годы это обусловило большой прирост иностранных капиталовложений в ее экономику. За сравнительно недолгий период произошла диверсификация экспортной базы страны. Хотя она продолжает оставаться преимущественно сырьевым экспортером (минералы и сельскохозяйственная продукция), постепенно расширяются предоставляемые внешнему миру

различные услуги и поставки разнообразных, в том числе сложных, видов промышленной продукции.

Правительство Австралии продолжает твердо придерживаться политики «открытых дверей» для инноваций. Быстрому экономическому росту в 90-е годы XX – начале XXI в. сопровождала незначительная инфляция, низкий банковский процент и непрерывное повышение производительности труда.

Страна находится на полпути к выполнению крупной инновационной программы, именуемой «Поддержание возможностей Австралии». Рассчитанная на пятилетие (2001–2005) и на финансирование в размере 2,9 млрд. австрал. долл., программа нацелена на улучшение социальных отношений в промышленности и экономике в целом, на стимулирование инновационных проектов, поддержание научно-исследовательских работ, новых идей и их внедрение в практику. Программа должна облегчить доступ австралийских компаний к новым технологиям, поощрять электронную коммерцию, способствовать обеспечению эффективности научно-исследовательских работ, проводимых в государственном секторе. В 2004 г. было решено продлить программу до 2011 г., выделив на ее реализацию дополнительно 5,3 млрд. долл.

Австралия демонстрирует сочетание западной предпринимательской культуры и квалифицированной рабочей силы, способной успешно оперировать широким спектром азиатских языков во всем регионе. Используя это преимущество, а также передовую информационную инфраструктуру, в Австралии разместились более 840 главных представительств иностранных компаний, действующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе, много других зарубежных фирм открыли филиалы для обслуживания своей клиентуры в Азии.

Австралия – единственная страна в мире, занимающая целый континент, она находится на шестом месте в мире по размерам территории (7,69 млн. кв. км). Многонациональное общество Австралии составляют сравнительно малочисленное коренное население (аборигены) и мигранты почти из 200 стран. Мигранты разной национальности оказали значительное влияние на все аспекты развития страны. За более чем 50-летнюю послевоенную плановую миграцию Австралия привлекла более 6 млн. человек, включая 600 тыс. беженцев, ее население за это время возросло с 7 млн. до 20 млн. чел.

Особо следует отметить исключительное богатство австралийских недр. В них содержатся громадные запасы бокси-

тов, угля, золота, свинца, цинка, железной руды, меди, никеля, марганца, урана, алмазов. Весьма велики запасы нефти и природного газа. Все эти природные богатства успешно разрабатываются и в большой мере экспортируются, принося очень крупные валютные доходы. Страна является крупнейшим в мире экспортером угля и весьма важным поставщиком урана. За рубеж направляется значительное количество легкой нефти (хотя в страну ввозятся ее тяжелые компоненты, употребляемые для производства дизельного топлива). Австралия выходит в ряд крупных поставщиков природного газа.

Исключительно большую, пожалуй, решающую роль в подъеме благосостояния населения неизменно играют теснейшие экономические связи Австралии с внешним миром, с многочисленными зарубежными государствами. Эти отношения охватывают взаимную торговлю и инвестиции, техническую помощь, разнообразные услуги, включая туризм, другие формы сотрудничества. Однако регион Ближнего и Среднего Востока все еще не имеет достаточно большого пятна контакта с австралийской экономикой, расширение которого, по убеждению австралийских экспертов, могло бы принести обоюдный положительный результат всем участникам процесса.

Страны Ближнего Востока являются сравнительно новым рынком для австралийских товаров и инвестиций, хотя с начала 90-х годов прошлого столетия интерес Австралии к этому региону неуклонно возрастает. Об этом свидетельствует нижеприведенная таблица.

Внешняя торговля Австралии с Ближневосточным регионом (в млн. австрал. долл).*

	1990 г.	2000 г.	2004 г.
Экспорт	2373,3	3275,7	4293,2
импорт	1604,7	2789,9	2434,7

* В августе 2004 г. 1 австралийский доллар = 0,71 доллара США.

Источники: Composition of trade Australia, 1990; Composition of trade Australia, 2004, May 2005.

Начало XXI в. ознаменовалось снижением мировых цен на нефть и, соответственно, ее добычи в странах ОПЕК (в 2001 г. на 3,5 млн. баррелей в сутки, или на 18,7%). Это привело к снижению темпов экономического роста в большинстве стран

региона. Положение усложнялось из-за сокращения международного туризма и воздушного сообщения вследствие террористического акта 11 сентября в США. Уменьшение числа туров особенно затронуло Египет и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Сильная засуха в регионе (четыре года подряд) тяжело отразилась на сельскохозяйственном производстве. Рост ВВП Саудовской Аравии – крупнейшего производителя нефти – в 2001 г. снизился до 2,3% против 4,5% в 2000 г., а ОАЭ – с 6,9 до 2,9%.

Повышение цен на нефть с конца 2002 г., сменившееся в дальнейшем их взлетом, значительно укрепило финансово-экономическое положение стран Ближнего Востока, что привело к большой активизации их внешнеэкономических связей, в частности, с Австралией.

В 2003 г. Австралия добилась значительных достижений в области экспорта на Ближний Восток, хотя поставки в регион несколько сократились, главным образом, в результате засухи. За пятилетие, закончившееся в 2003 г., товарный экспорт в этот регион увеличился на 25%, и это обстоятельство является весьма привлекательным для австралийских экспортеров.

В 2004 г. объем торговли Австралии товарами и услугами с Ближним Востоком достиг 11,4 млрд. долл., в том числе экспорт – 6,6 млрд. долл. Главными рынками были Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Ведущей статьей экспорта оставались легковые машины (26% всего экспорта). Наряду с ними, Австралия поставляет в регион сельскохозяйственную продукцию (пшеница, ячмень, другие зерновые, молочные и мясные продукты, живой скот). Австралийское правительство стремится поставить торговлю с Ближним Востоком на более прочную основу, в частности, путем подписания с рядом стран меморандумов о взаимопонимании относительно продажи живого скота. Австралийский экспорт в этот регион растет и за счет диверсификации услуг. Например, в 2004 г. экспорт услуг в ОАЭ составил 472 млн. долл.¹

Иран. Перспективы его развития сильно зависят от мировых нефтяных цен и способности привлечь иностранные капиталовложения. Однако проведенные в 2001 г. политические дебаты мало способствовали повышению доверия инвесторов. Американский закон о санкциях в отношении Ирана препятствует капиталовложениям в иранскую нефтяную промышленность. ВВП Ирана снизился на 5,8% в 2000 г. и на 5% в 2001 г.

Экономические и политические реформы в Иране улучшают условия для торговли с ним. Он проявляет заинтересованность в развитии торговли и инвестиционных отношений с Австралией. В 2001 г. последняя добилась значительного увеличения своего экспорта в эту страну (726 млн. долл.). Тем более, что растянувшаяся на годы засуха вызвала увеличение потребностей Ирана в продовольствии, особенно в пшенице, а также в средствах управления водными ресурсами (в виде сельскохозяйственного оборудования и соответствующих технологий).

Тем не менее, характерно, что, начиная с 2002 г. австралийский экспорт в Иран начал резко снижаться. Тогда он сократился до 615,9 млн. долл., в 2003 г. — до 263 млн. долл., а в 2004 г. упал до самой низкой точки за последнее десятилетие — 152,3 млн. долл. В 2004 г. импорт Австралии из Ирана составил 27,9 млн.долл. и был вдвое ниже, чем в 2003 г.²

Ирак. Страна сильно зависит от состояния мирового нефтяного рынка, хотя непризнание квот ОПЕК обеспечивало ей большую гибкость, чем странам-участницам этого объединения. Тем не менее, под давлением Ирак был вынужден уменьшить добычу нефти в 2001 г., что привело к падению ВВП на 6%.

После окончания военных операций в Ираке австралийское правительство предприняло весьма активные действия для восстановления своих торговых преимуществ в этой стране, несмотря на трудные условия бизнеса и отсутствие безопасности. В декабре 2003 г. с этой целью Багдад посетил австралийский министр торговли М.Вейл.

С отменой торговых санкций ООН против Ирака в мае 2003 г. для австралийских предпринимателей возникла возможность наладить долгосрочные торговые отношения со страной, особенно торговлю сельскохозяйственными продуктами, а также увеличить поставки промышленных товаров и оказание услуг. Еще в октябре 2002 г. австралийское правительство выделило 350 млн. долл. для поддержания экспорта в Ирак. Австралийская компания АВИЗ подтвердила свои контракты с иракским министерством торговли на основе программы «Нефть в обмен на продовольствие» на сумму 300 млн. долл.

Компания «Сагрик интернэшнл», являющаяся частью руководимого американцами консорциума, выиграла тендер на послевоенное восстановление иракского сельского хозяйства (стоимость контракта 155 млн. долл.). Австралийско-Новозеландский банк стал частью международного банковского кон-

сорциума, созданного для учреждения Торгового банка Ирака. Задача банка – стимулировать экономическое восстановление экономики страны путем облегчения условий импорта.

«ГРМ интернешнл» вместе с американской консультативной фирмой «Беаринг пойнт ЮЭсЭй» выиграла тендер на 100 млн. долл. для восстановления экономики Ирака, проведения реформ и поддержания устойчивого роста с акцентом на стимулирование международной торговли и увеличение занятости. «Патрик дефенс лоджистик» выиграла тендер на восстановление международного аэропорта Багдада. Наконец, австралийский поставщик услуг нефтяной промышленности «Ворлей груп» (часть концерна) добился контракта на восстановление в Северном Ираке нефтеразработок, насосных станций и нефтеочистительных предприятий на сумму примерно 1 млрд. долл. Компания предусматривает также оказание необходимой технической помощи иракской нефтяной промышленности.

Оборот австралийско-иракской внешней торговли за последнее десятилетие был весьма нестабильным. Экспорт в 2004 г. составил 467,8 млн. долл. против 244,6 млн. долл. в 1990 г. Однако в промежутке между этими годами он был в основном ниже. Что касается импорта Австралии, то он измерялся совсем низкими величинами – в несколько десятков млн. долл.

Египет. Экономика страны в 2001 г. пострадала от падения мировых цен на нефть и уменьшения доходов от туризма. Реакция на это выразилась в девальвации в декабре 2001 г. египетского фунта. По прогнозам МВФ, в 2002 г. рост ВВП Египта должен был остаться на уровне 3,3% по мере восстановления мировой экономики и туристической индустрии.

Египет рассматривается Австралией как растущий рынок. Приватизация государственной собственности и либерализация способствуют развитию его внешней торговли. Австралийский экспорт в Египет в 2001 г. достиг 740 млн. долл., увеличившись против 2000 г. на 34%. Долголетние торговые отношения Австралии с Египтом базируются главным образом на поставке сырьевых товаров. Кроме того, Египет представляет интерес как база переработки части австралийского сырья, особенно бобовых, и как страна–реэкспортер сельскохозяйственной продукции в соседнюю Ливию.

Израиль с его многоотраслевым хозяйством является важным торговым партнером Австралии. Торговые отношения с ним перешагнули традиционные связи по линии потребительской

продукции и теперь включают технологии и совместные проекты в сфере ирригации, телекоммуникаций и сельского хозяйства. В 2001 г. австралийский экспорт в Израиль достиг 278 млн. долл. С ограниченным экспортом в Израиль резко контрастируют значительно более высокие закупки Австралии в этой стране. В 2004 г. они составили 519,3 млн. долл. против 131,8 млн. долл. в 1990 г. Главные товары, закупленные Австралией в Израиле в 2004 г., это удобрения – более 60 млн. долл., драгоценные камни – 60 млн. долл., продукция химической и телекоммуникационной отраслей.

В начале XXI в. экономике Израиля нанесли большой ущерб неустойчивая ситуация в регионе и кризис в самой стране, что привело к значительному уменьшению доходов от туризма, потере доверия со стороны предпринимательских кругов и падению инвестиций.

Торговые связи Австралии со странами **Персидского залива** резко расширились и весьма диверсифицировались со второй половины 90-х годов. Например, в 1997/98 г. экспорт в страны региона и Ирак составил 2,6 млрд. долл., увеличившись за один год на 45%.

Торговля Австралии со странами региона в 2001 г. оценивалась в 7,9 млрд. долл., т.е. по сравнению с 2000 г. возросла на 39%. В 2001 г. она поглотила 6,4% всего австралийского экспорта, торговый баланс складывался в пользу Австралии. В 2002 г. ее экспорт в регион возрос на 75% по сравнению с 1999 г. И, тем не менее, это означало стагнацию, которая вызывалась, главным образом, замедлением экономического роста стран региона. Увеличение поставок австралийских товаров обусловливается устойчивой репутацией Австралии как надежного поставщика качественного продовольствия и сырьевых продуктов (пшеница, живой скот, молочные и мясные продукты, ячмень, рис, свежие овощи) по конкурентоспособным ценам. Структура австралийского экспорта диверсифицируется, более высокие темпы роста ныне присущи несельскохозяйственной продукции и инвестициям.

Структура внешней торговли Австралии различается по странам. Легковые автомашины составляют более половины экспорта в Саудовскую Аравию и почти $\frac{1}{4}$ в ОАЭ. Всего они поставляются в девять стран региона. Характерно, что в указанные страны направляется почти весь региональный автомобильный экспорт Австралии. В 1997/98 г. поставки автомашин

оценивались в 400 млн. долл., тогда как в 1994/95 г. они вообще отсутствовали; в 2000 г. их экспорт достиг 1,3 млрд. долл., а в 2003 г. – 1,8 млрд. долл.³ Австралия экспортирует также во все возрастающих количествах сельскохозяйственные машины, оборудование для медицинских, научных, информационных учреждений. Успешная их реализация в странах региона отражает высокую конкурентоспособность товаров, а также взаимосвязь между возможностями Австралии и региональными потребностями.

В торговле с другими странами региона продолжает доминировать сырьевой экспорт, преимущественно пшеница, мясо и живой скот. Значительно увеличились поставки австралийских молочных продуктов. Поскольку страны региона испытывают возрастающие потребности в сельскохозяйственной продукции и профессиональных услугах вследствие роста населения и расширения обрабатывающей промышленности, их спрос на сырье будет возрастать. Сокращение сельскохозяйственных субсидий европейским производителям обещает повышение конкурентоспособности австралийских товаров по сравнению с европейскими.

Все больший интерес к Ближнему Востоку проявляют австралийские инвесторы. Бренд «Малтиплекс» хорошо известен на строительных площадках Объединенных Арабских Эмиратов, а в Катаре австралийская консультативная компания ГХД вместе с «Аустрэйд» являлась главным консультантом по организации и проведению Азиатских спортивных игр в Дохе. Другие виды австралийских провайдерских услуг включают в себя консультации юридических фирм по найму рабочей силы, банков, фрахтовых компаний и др.

Главным торговым партнером Австралии среди стран Персидского залива является **Саудовская Аравия**. Рост австралийского экспорта в эту страну в 90-е годы XX в. и начале XXI столетия можно назвать поразительным. Если в 1990 г. он составлял 287 млн. долл., в 1996 г. – 468 млн., то в 2001 г. достиг 2,6 млрд. долл. В 2000 г. более 2/3 его (895 млн. долл.) приходилось на легковые автомашины, около 200 млн. долл. – на молочные продукты, преимущественно сыр и творог, более 60 млн. долл. – на мясо и около 23 млн. долл. – на цинк. В 2004 г. экспорт составил 2 млрд. долл.⁴ В 2004 г. Саудовская Аравия занимала 17-е место в товарообороте Австралии и 16-е в ее экспорте.

В августе 2003 г. экспорт живого скота в Саудовскую Аравию прекратился из-за ее отказа принять большую партию животных. С тех пор австралийское правительство упорно работает над тем, чтобы найти долгосрочное решение проблемы. Министр торговли Австралии в декабре 2003 г. обсуждал эти вопросы с представителями Саудовской Аравии.

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) Австралия рассматривает как одну из наиболее перспективных стран в регионе для развития торгово-экономических связей.

Наличествующий материал позволяет подробно остановиться на характеристике этих связей. Экономика ОАЭ стремительно развивается. Таможенные пошлины в стране сравнительно низки, валюта прочна, своевременно выплачиваются долги, в отличном состоянии находится транспортная инфраструктура.

В 2004 г. Двусторонняя торговля между Австралией и ОАЭ оценивалась в 2,2 млрд. долл., а оборот услуг составлял 1,5 млрд. долл. Экспорт Австралии в ОАЭ в 2004 г. Составил 1,3 млрд. долл. против 1 млрд. долл. в 2000 г. и 574 млн. долл. в 1996 г.⁵

В экспорте доминирует глинозем (окись алюминия) и легковые автомашины. Важную роль в экспорте также играют сельскохозяйственные продукты, металлы, и все более значительное место занимают услуги.

ОАЭ превратились в одно из наиболее процветающих государств региона, уступая по размерам ВВП лишь Саудовской Аравии и Египту. Весьма велика в стране доля ВВП на душу населения, составившая в 2004 г. 21 тыс. долл. США. Несомненно, что в хозяйстве ОАЭ и далее сохранятся на высоком уровне капиталовложения местных и иностранных инвесторов. Имеются весьма благоприятные перспективы в секторе услуг, особенно благодаря возросшей активности в туристическом бизнесе.

Быстро растет значение ОАЭ как регионального финансового, транспортного и торгового центра. Особенно наглядна в этом отношении роль Дубая, который стал в Персидском заливе основной базой торговли и услуг.

За последние 10 лет австралийский товарный экспорт в ОАЭ стал более диверсифицированным и менее зависимым от поставок сырья. Доля промышленных товаров сложной обработки в экспорте повысилась менее чем с 19% в 1994г. до более

37% в 2004 г. Экспорт легковых автомашин в поставках на рынки ОАЭ достиг ныне 18%.

Спрос ОАЭ на продукцию сложной обработки, включая автомашины и телекоммуникационное оборудование, должен возрастать в силу увеличения доходов домашних хозяйств и происходящей диверсификации экономики страны. Существуют также возможности для увеличения импорта из Австралии сельскохозяйственных товаров и минералов.

Быстрый рост населения и улучшающееся между Австралией и ОАЭ воздушное сообщение создают новые возможности для роста поставок продукции австралийского сельского хозяйства, особенно быстропортящихся и свежих товаров. Продолжающееся же расширение индустриальной базы увеличивает спрос на промышленную продукцию простой обработки, особенно на глинозем и сталь.

Сдвиги в экономике ОАЭ находят свое отражение и в продолжающемся росте торговли с Австралией в сфере услуг. Общий объем этих операций достиг в 2004 г. почти 1,5 млрд. долл. Экспорт Австралией услуг за один год возрос до 55% и составил в 2004 г. 472 млн. долл. В свою очередь, импорт услуг из ОАЭ достиг в 2004 г. 1016 млн. долл. главным образом благодаря транспортным расходам и туризму⁶.

В 2004 г. Австралию посетили почти 20 тыс. туристов из ОАЭ, и более одной трети их числа из стран Ближнего Востока и Африки. Австралия рассматривается в ОАЭ как одна из наиболее притягательных зарубежных стран. Ее считают безопасной и разнообразной в культурном отношении. К тому же страны соединены регулярными авиалиниями по маршрутам Перт, Сидней, Мельбурн и Брисбен.

Австралийские строительные фирмы усматривают возможности для развития туристического сектора ОАЭ. Инвестиции туда только в Абу-Даби планируются на грядущее десятилетие в сумме 11 млрд. долл. США, включая строительство отелей и благоустройство курортов.

В учебных заведениях Австралии количество учащихся из ОАЭ в 2004 г. возросло на 34% и достигло 627. Они обучаются в университетах, профессионально-технических училищах, средних школах и на курсах английского языка. Возрастает число краткосрочных стажеров, включая полицейских и учителей. По мнению австралийской стороны, имеются прекрасные возможности для экспорта знаний непосредственно в ОАЭ. Их население быстро

растет, и неуклонно увеличивается давление на местную образовательную базу. В стране грядет крупная перестройка системы начального и среднего образования. Это может иметь благоприятные последствия для австралийских провайдеров образовательных услуг, т.к. в ОАЭ высоко ценится австралийский опыт в этой области. В сентябре 2005 г. в Шардже открылась первая австралийская школа, где ведется обучение по учебным программам штата Квинсленд. Австралийские университеты Воллонгонга и Южного Квинсленда создали в ОАЭ два учебных кампуса.

ОАЭ признают Австралию в качестве важного партнера в области финансов, архитектуры и строительства. Промышленный сектор ОАЭ быстро растет по мере того, как производятся более сложные виды продукции, включая выпуск казначейских билетов, осуществляется финансирование инфраструктурных объектов. Это открывает новые возможности для австралийских финансовых компаний по использованию их особого опыта в оказании услуг как непосредственно, так и благодаря совместным предприятиям, опыт Австралии привлекается также в организации сотрудничества между государством и частным сектором.

Хотя данные об уровне австралийских инвестиций в ОАЭ отсутствуют, очевидно, что их потенциал весьма велик. Здесь в различных сферах деятельности функционируют свыше 100 компаний Австралии, занятых в поставках сельскохозяйственных продуктов, нефтяного оборудования, оказания банковских и архитектурных услуг. Взаимодополняемость двух хозяйств делает ОАЭ исключительно привлекательным партнером и региональной базой для австралийского бизнеса. Эта взаимная притягательность усиливается либеральной, рыночно-ориентированной стратегией ОАЭ. Страна предоставляет льготы иностранному капиталу при почти отсутствующем прямом налогообложении.

Правительство ОАЭ в настоящее время разрабатывает поправки к Закону о компаниях и Закону об агентствах, которые позволят иностранному капиталу владение более 49% акций в совместных предприятиях в некоторых отраслях и ослабят требования об обязательной деятельности только через посредство местных спонсоров или агентов. Эти изменения дадут большой простор австралийскому бизнесу для участия в новых отраслях экономики ОАЭ. Австралийские мелкие и средние предприятия предлагают услуги мирового уровня, которые, очевидно, охотно будут приняты частным сектором. Это послужит большему признанию возможностей австралийских компаний.

Дальнейшее укрепление отношений с ОАЭ может позволить австралийским экспортерам воспользоваться страной как трамплином для внедрения на рынок Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и на более крупный рынок Ближнего Востока с населением, превышающим 300 млн. чел.

ОАЭ уже стали ведущим торговым и предпринимательским центром Ближнего Востока с его обширными связями с Южной и Центральной Азией и Восточной Африкой. Резэкспорт – основа торговой системы ОАЭ (только один Дубай резэкспортирует в год товаров на сумму сверх 10 млрд. долл. США). Это дает возможность австралийскому бизнесу использовать ОАЭ как резэкспортный центр по товарам и услугам.

Очевидно, что экономика ОАЭ будет продолжать быстро развиваться, опираясь на усилия правительства по ее диверсификации и структурные реформы. Все это создает исключительные перспективы для австралийского предпринимательства по расширению торговых и инвестиционных связей с в странах Персидского залива и и Ближнего Востока в целом.

Доступ на рынок ОАЭ и возможности бизнеса Австралии будут в еще большей мере поощряться либеральной политикой и предстоящим заключением обширного соглашения о создании зоны свободной торговли между двумя странами.

Министр торговли Австралии в начале 2003 г. заявил о заинтересованности его страны в создании с ОАЭ свободной торговой зоны. После продолжительного изучения этого вопроса обе страны в марте 2005 г. приступили к подготовке соглашения, которое, по всей вероятности, будет заключено в недалеком будущем. В этом случае оно станет первым соглашением со страной Ближнего Востока.

Развитию торгово-экономических связей способствует налаживание межгосударственных отношений. В 1997 г. ОАЭ открыли посольство в Австралии, которая, в свою очередь, в 1999 г. восстановила посольство в Абу-Даби. В 1998 г. в Сиднее было открыто представительство Управления по содействию торговле и туризму ОАЭ. В сентябре 1998 г. в Мельбурне состоялось заседание совместной комиссии на уровне министров, в работе которой приняла участие большая делегация бизнесменов, банкиров, официальных лиц и представителей армии ОАЭ.

В 2004 г. австралийский экспорт в **Оман** составлял 240 млн. долл., в **Кувейт** – 518 млн., в **Катар** – 120 млн. и в **Бахрейн** –

110 млн. долл.⁷ Открываются перспективы для восстановления роли **Ливана** как центра банковских и других услуг, началась реализация программы экономических реформ в **Иордании**. Все это должно способствовать развитию их внешнеторговых отношений, в том числе с Австралией.

В регионе происходит резкое изменение демографической ситуации. Молодое поколение, выросшее в условиях нефтяного бума, одержимо большими ожиданиями в сфере социальных услуг, что совпадает со стремлением Австралии расширить предложение в области образования и здравоохранения, в потребительском секторе. Не случайно государственная торговая компания «Аустрэйд» разработала стратегию обеспечения розничного сектора ОАЭ новыми видами продовольствия и товарами разного назначения.

Ближний Восток продолжает оставаться растущим рынком для австралийского автопрома. Австралия изучает возможности расширения экспорта своего нефтяного и газового оборудования, технологий и услуг в области инфраструктуры и обороны не только в ОАЭ, Омане, Катаре, но и в **Йемене**.

В странах Персидского залива Австралия наталкивается на конкуренцию со стороны Европы и США, которые являются традиционными поставщиками туда оборудования и технологий, а также финансовых ресурсов, услуг по образованию, здравоохранению и туризму. На этом фоне в странах Персидского залива ощущается явная нехватка информации об Австралии как о надежном и конкурентоспособном партнере, и это проявляется во все еще недостаточно высокой ее доле в импорте стран субрегиона.

Целесообразно осветить положение с торгово-экономическими связями Австралии таких примыкающих к региону стран, как Пакистан и Бангладеш.

Пакистан. Несмотря на большую территорию и значительную численность населения (в 2002 г. свыше 147 млн.), Пакистан остается далеко не главным торговым партнером Австралии. В 2004 г. он занимал 37-е место в ее товарообороте, 31-е – в экспорте и 46-е – в импорте⁸. Товарооборот между двумя странами составил 660 млн. долл., а австралийский экспорт – 504,6 млн. долл. Последний характеризуется большой нестабильностью. Так, в 1999 г. он оценивался в 647,3 млн. долл., а за весь период 90-х годов возрос несколько более, чем в 2 раза.

Ведущими его статьями были свежие овощи, животные жиры, масличные семена, уголь, железная руда.

В обозримом будущем не намечается существенного увеличения торговли с Пакистаном. В 1996 г. ВВП этой страны (63,7 млрд. долл. США) лишь ненамного превышал 2/3 его размера в такой маленькой стране, как Сингапур, доход на душу населения составлял 487 долл.⁹, но, главное, страна отличается хронической политической и экономической нестабильностью. Военный переворот в октябре 1999 г. усилил эту неустойчивость. К этому надо добавить международные санкции, связанные с испытанием атомного оружия, и периодические конфликты на индо-пакистанской границе. МВФ продолжает кредитовать Пакистан, но мировое сообщество в экономических отношениях с этой страной пока занимает выжидательную позицию.

Не благоприятствует интересам Австралии и торговый режим, действующий в Пакистане. С начала 80-х годов в стране осуществляется серия торгово-промышленных реформ, но многие учреждения проводят старую торговую политику. Таможенные пошлины остаются высокими, отсутствует прозрачность при применении таможенного кодекса из-за многочисленных льгот, весьма произвольно используемых бюрократическим аппаратом. Нередко к одному и тому же продукту могут применяться различные таможенные тарифы, вся система их взимания подвергается манипуляциям. В 1996 г. максимальная таможенная пошлина составляла 65%, а средняя ставка уменьшилась с 27,5% в 1984 г. до 24,1% в 1993 г. Установленный законом размер пошлины значительно превысил ставку вследствие большого количества дополнительных обложений по таким товарам, как сахар, нефтепродукты, удобрения, химикаты, изделия из резины и производственное оборудование.

В Пакистане действует импортзамещающая модель, ущемляющая интересы иностранных экспортеров. В стране поддерживается режим протекционизма, она существенно отстает от многих других развивающихся стран по степени интеграции в мировую экономику.

Бангладеш. Несмотря на наличие в стране политической неустойчивости, рост ее экономики достаточно высокий. Развивающийся средний класс открывает существенные возможности для австралийского бизнеса. Однако, как и Пакистан, Бангладеш остается второстепенным партнером Австралии. В 2004 г. это государство занимало только 46-е место в ее товарообороте и

37-е в экспорте. Тем не менее, за 90-е годы австралийские товарные поставки в Бангладеш резко возросли: с 64,1 млн. долл. в 1990 г. до 269,5 млн. долл. в 2004 г.¹⁰ Завозятся, главным образом, молоко и сливки, свежие овощи, хлопок, масличные семена, цинк. Структура импорта Бангладеш из Австралии заметно диверсифицируется, что выражается в росте закупок промышленной продукции и промышленного сырья. Бедность населения (в 1996 г. доход на душу населения составлял всего 235 долл. США)¹¹ и слабость экономической базы существенно сдерживают дальнейший рост австралийского экспорта.

В последние десятилетия Австралия доказала свою способность противостоять кризисам в мировой экономике и трудностям в национальном хозяйстве и неуклонно продвигаться вперед. Ей отводится существенная роль в процессах мирового развития, и она может внести значительный вклад в динамизм глобальных торговых и экономических отношений, используя накопленный крупный производственный и информационный потенциал, позволяющий ей совершать трансакции на всем мировом экономическом пространстве. Это дает основания полагать, что в ближней и среднесрочной перспективе страна будет успешно развиваться, всемерно расширяя при этом свои внешнеэкономические связи, в том числе и со странами Ближнего и Среднего Востока.

¹ Trade 2005. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, Canberra, с. 39.

² Composition of Trade Australia, 1994 Commonwealth of Australia, 1995, с. 192; Composition of Trade Australia, Commonwealth of Australia, 2005, с. 187.

³ Composition of Trade Australia, 2003, Commonwealth of Australia, Canberra, 2003, с. 23.

⁴ Composition of Trade Australia, 2000, Commonwealth of Australia, Canberra, 2001, с. 245.

⁵ Trade 2005. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, Canberra, с. 26.

⁶ Trade Topics. A quarterly review of Australia's international trade. March quarter 2005, с. 15.

⁷ Composition of Trade Australia, May, 2005.

⁸ Composition of Trade Australia, May 2005, с. 43, 48, 54.

⁹ Shand Rick and U.N.Bhati. Economic Profiles in South Asia. Pakistan. Australian National University, Canberra, 1997, с. 31–32.

¹⁰ Composition of Trade Australia, May 2005, c. 137.

¹¹ Shand Rick and Mohammad Alluddin. Bangladesh. Economic Profiles in South Asia. Australian National University, Canberra, 1997.

**АРАБСКИЕ СМИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

Арабские СМИ, являясь неотъемлемой частью современного общества, отражают и те проблемы, с которыми сталкиваются страны Ближнего Востока и Севера Африки. Отсутствие единства негативно сказывается не только на развитии стран Арабского Востока. То же можно сказать и о средствах массовой информации, которые раздираемы противоречиями и желанием во что бы то ни стало уязвить другую сторону в лице западных коллег, действуют подчас в ущерб себе. Это ныне практически обыденное явление в отношениях между арабскими и западными СМИ, когда обвинения в шпиономании следуют как с одной, так и с другой стороны. Многочисленные интервью с представителями американской администрации на арабском телевидении стали представлять собой нечто среднее между игрой в теннис и игрой в поддавки.

Демонстрация арабскими телеканалами кадров, на которых запечатлен ход военной кампании в Ираке, во многом способствовала росту антиамериканских настроений в странах арабского Востока. В свое время Дж.Буш в одном из выступлений назвал арабские СМИ «ненавистной пропагандой». В качестве шага, призванного организовать противодействие этой пропаганде, можно расценить решение предоставить все возможности для успешной работы нового телеканала под многозначительным названием «Аль-Хурра», что означает в переводе с арабского «свободный», который вышел в эфир 14 февраля 2004 г.

Главной целью создания телеканала является изменение негативного отношения к Соединенным Штатам со стороны стран арабо-мусульманского мира. В «войне за сердца и умы» арабских зрителей создатели «Аль-Хурра» в первую очередь стремятся одержать победу над такими давними конкурентами

американских телекомпаний на ближневосточном рынке масс-медиа, как «Аль-Джазира» и «Аль-Арабийя».

«Очевидно, что администрация чувствует потребность донести американское послание мусульманскому миру с учетом тех изменений, которые произошли после начала войны против терроризма. Ближний Восток может и дальше относиться со скептицизмом ко всем инициативам, имея для этого все основания. Мы должны убедить его в том, что готовы представить нечто большее, чем лишь обычное послание», – заявил в интервью «Вашингтон Таймс» Чарльз Пена, ведущий исследователь оборонной политики Института Като (США)¹.

Появление «Аль-Хурра» на медийном рынке отчасти негативно отразилось на вещании таких известных радиостанций, как «Голос Америки», «Радио Свобода», «Радио Свободной Азии», поскольку в сфере интересов новой телестанции те же темы и тот же охват аудитории, который имеют перечисленные радиостанции.

Все выпуски программ выходят в свет после одобрения Совета, в который входят представители редакционной коллегии и американской администрации. Однако представитель руководства телестанции Джо О'Коннел заявил, что в дальнейшем редакционная коллегия намерена дистанцироваться от требований американской администрации. Многие ожидают, что и радиостанция «Сава» в скором времени предпримет схожую попытку избавиться от опеки властей. Эта радиостанция была создана в 2002 г. Особенно высокий рейтинг (42%) эта радиостанция имеет среди молодежи (от 15 до 29 лет), проживающей в странах Ближнего Востока. Этот довольно высокий рейтинг радиостанция приобрела за счет того, что из одного часа эфирного времени 55 минут приходится на англо- и арабоязычную популярную музыку, а оставшиеся 5 минут идут на информационные блоки, которые сродни телеграфным сообщениям.

Выход в эфир телеканала «Аль-Хурра» сразу вызвал язвительные комментарии со стороны практически всех ведущих СМИ Ближнего Востока. Газета «Аль-Кудс аль-Араби» крайне негативно отреагировала на начало работы этого нового арабоязычного телеканала². Корреспонденты газеты отметили прежде всего непрофессионализм своих американских коллег в представлении информации. Ими было отмечено, что этот спутниковый канал напоминает те, что действовали в период холодной войны как со стороны Советского Союза, так и стран

Запада. Первым гостем телеканала «Аль-Хурра» стал президент Дж.Буш, которого принимали так, словно он является одним из арабских лидеров. В ходе беседы с американским президентом журналист телеканала предпочел избежать неприятных президенту вопросов о существовании иракского оружия массового уничтожения и т.п.

Большинство критических замечаний характеризует то недоверие, с которым относятся к информации данного телеканала арабские зрители. Корреспондент иорданской газеты «Джордан Таймс» отметил, что «сладкоголосые речи и приятные глазу заставки не могут затмить реальность, которая такова: практически 37 лет израильской оккупации, хаос в Ираке и т.п. При этом все эти явления следует отнести к результатам американской внешней политики. Это настолько очевидно, что зрителям остается только позаимствовать и произнести расхожее в американском жаргоне словечко – «Уау»³

Эмиратская газета «Аль-Халидж» утверждает, что деятельность «Аль-Хурры» «не отличается от военного, политического и экономического вторжения... Если бы американская политика в регионе была продуманной и убедительной, то они не обратились бы к косметическому ретушированию ее образа»⁴.

«Негативная реакция в арабской прессе на начало работы телеканала «Аль-Хурра» связана с тем, что его (канал) воспринимают как средство для «промывки мозгов» арабскому населению. Вместе с тем необходимо отметить, что это не говорит в пользу нации, которая испугалась какой-то спутниковой станции вне зависимости от того, на чьи деньги она финансируется и чьи взгляды отражает. Уверенная в собственных силах нация посчитала бы появление подобного канала как добавление нового цвета к спектру ее свободы», – утверждает авторитетная арабоязычная газета «Аш-Шарк аль-Аусат», которая издается в Великобритании⁵.

Характерные вопросы, которые задавались многими арабскими наблюдателями, были отражены в статье Рами Хури, опубликованной в ливанской газете «Дейли Стар»: «Аль-Хурра» станет очередным интересным и дорогим проектом, построенным на обмане. Откуда они будут получать свои материалы? До каких пор будет продолжаться подобное издевательство?»⁶ Сирийское издание «Тишрин» также не осталось в стороне от обсуждения данного вопроса: «Эта станция является частью проекта повторной колонизации арабской Родины,

которую пытаются осуществить США, используя политику «кну-та и пряника»⁷.

Между тем были и те, кто приветствовал появление новой телестанции не столько потому, что были рады продвижению улучшенного имиджа США в странах Ближнего Востока, столько потому, что просто одобрили создание нового средства массовой информации. Большинство наблюдателей единодушны в том, что проблема состоит не в том, что возникла новая телестанция, а в сути американской внешней политики в отношении стран арабского мира, которую эта станция пропагандирует.

Важно отметить, что деятельность телеканала «Аль-Хурра» и радио «Сава» является предметом пристального внимания со стороны комиссии по международным отношениям и терроризму Комитета по международным отношениям Сената США. В рамках работы данного комитета неоднократно были заслушаны доклады, посвященные не только деятельности вышеупомянутых СМИ, но и других печатных и цифровых источников информации ближневосточного региона⁸.

Появление на свет арабоязычного телеканала «Аль-Хурра», работающего на средства американских налогоплательщиков, явилось своеобразным признанием США в том, что на информационном поле они проигрывают в войне идей с мусульманским миром, будучи не в состоянии успешно продвинуть свою идеологию в мусульманской среде. Во многих положениях это было отражено в докладе, сделанном экспертами консультативной группы Пентагона.

24 ноября 2004 г. Управление по оборонной науке Пентагона выпустило в свет доклад, в котором ряд аналитиков призвал руководство страны к созданию в структуре Белого Дома нового подразделения, которое должно заниматься стратегическими связями⁹. История работы Управления по оборонной науке насчитывает уже 40 лет, на протяжении которых им было выработано множество рекомендаций по реформированию вооруженных сил Соединенных Штатов в соответствии с требованиями времени. Главными целями создания данного Управления были преобразование существующих методов обороны, целесообразное использование финансовых средств, отпущенных на нужды военно-технического комплекса; выработка новых революционных технологий в области обороны. В докладе, выпущенном в 2004 г., содержалась рекомендация по изменению характера деятельности подразде-

лений по связям с общественностью и СМИ Пентагона и Госдепартамента США.

«Если мы действительно хотим иметь полное представление о мусульманском мире и арабском мире, в частности, мы должны убедить мусульман в том, что они не обязательно должны двигаться по американскому пути развития», – говорится в докладе¹⁰.

Авторы этого документа, используя тщательно подобранные выражения, пытались донести до своих читателей в основном из числа военного и политического руководства США, что до тех пор, пока попытки США объяснить свою внешнюю политику будут терпеть неудачу, будут проваливаться и все усилия по ее пропаганде, адресованной широким массам населения на Ближнем Востоке: «Мусульмане ненавидят не нашу свободу, а нашу политику»¹¹.

В арабском мире «подавляющее большинство возражает против того, что они называют «однобокостью», т.е. против поддержки США Израиля, а значит против палестинцев, и долгосрочной и усиливающейся поддержки авторитарных режимов, в частности, Египта, Иордании, Пакистана, Саудовской Аравии и других государств Персидского залива. Таким образом, многочисленные заверения американских дипломатов о готовности способствовать развитию демократии в исламских государствах выглядят не иначе, как корыстное лицемерие»¹². Таким образом, попытки администрации США представить войну в Ираке в качестве вынужденной необходимости ради достижения демократии в этом государстве, надеясь, что установившийся «демократический режим» будет скопирован другими государствами Ближнего Востока, на данный момент потерпели неудачу.

Как было отмечено в докладе, американское вмешательство в дела мусульманского мира, включая войны в Ираке и Афганистане, вызвало увеличение числа противников США: «По мнению мусульман, американская оккупация Афганистана и Ирака привела не к установлению там демократии, а лишь к воцарению хаоса. Американские действия представляются продиктованными скрытыми мотивами, нацеленными на реализацию национальных интересов США за счет самоопределения мусульманских государств»¹³.

В течение долгого времени в администрации США проходили дебаты относительно того, какие действия могут быть до-

пустимы в сфере обеспечения информацией союзников и противников государства.

В 2002 г. Министерство обороны США закрыло свой офис по стратегическому влиянию. Это произошло после того, как в адрес министерства стали звучать многочисленные обвинения в том, что оно создало эту структуру с целью распространения преднамеренной дезинформации. Представители Пентагона неоднократно заявляли, что «информационная кампания или, как это еще некоторые называют, «война идей» или «борьба за сердца и умы» является важной частью любых военных действий, а для объявленной США глобальной войны с терроризмом просто решающей. В этой войне ее (кампании) правильная реализация является важной задачей. При этом она во многом зависит от того, насколько успешно США смогут отделить большую часть миролюбивых мусульман от радикальных групп исламистов. На данный момент все американские усилия по решению поставленных задач в этой сфере не только потерпели неудачу, но и привели к прямо противоположному результату»¹⁴.

Несмотря на разностороннюю информацию, представленную в вышеупомянутом докладе, представитель Пентагона Брайен Витман заявил, что не было принято ни одного решения в соответствии с высказанными в нем рекомендациями. Он добавил, что «Пентагон не будет отклоняться от руководящего принципа представления информации»¹⁵. Исходя из этого, можно сделать вывод, что позиции «ястребов» в Пентагоне также сильны, как и в администрации США. Причем позиции последних заметно усилились после терактов 11 сентября 2001 г., которые подстегнули отторжение на интеллектуальном, социальном и культурном уровнях между многими представителями западной и арабо-мусульманской цивилизаций.

Многие попытки восстановить хрупкое равновесие и сделать возможным диалог между Востоком и Западом потерпели неудачу. В рамках процесса восстановления доверительных отношений между Востоком и Западом после названных событий четко выделились две группы арабских интеллектуалов и представителей арабских СМИ.

Первую группу можно обозначить как «бескомпромиссную». Представители этой группы утверждают, что западная аудитория имеет сложившееся представление об арабо-мусульманской цивилизации, которое далеко от истины, не подлежит трансформации и не восприимчиво к аргументации

мусульман. К данной группе следует отнести организацию под названием «Арабы против дискриминации» (АПД), созданную в Египте и тесно связанную с правительственной газетой «Аль-Ахрам». АПД также тесно сотрудничает с Центром политических и стратегических исследований (ЦПСИ), который публикует свои материалы на базе издательского дома «Аль-Ахрам». АПД была зарегистрирована в качестве общественной организации с тем, чтобы в судах стран ЕЭС отстаивать права арабских СМИ. Филиал АПД был открыт в Каире в рамках соглашения с египетским министерством иностранных дел. Также запланировано открытие отделения АПД в Вашингтоне. На страницах еженедельной египетской «Акбар аль-Адаб» было опубликовано интервью с главой АПД Имадом Джадом¹⁶. В некоторых своих положениях это интервью стало ответом на опубликованный в США «Глобальный отчет по проблеме антисемитизма»¹⁷. Отчасти публикация данного отчета подтолкнула Имада Джада к предложению установить этический кодекс для арабских СМИ.

В интервью Джад отметил, что представителями Центра политических и стратегических исследований на протяжении уже нескольких лет отмечалась активизация усилий различных сионистских организаций, действующих и публикующих свои материалы в различных столицах мира – Вашингтоне, Берлине, Москве, Тель-Авиве и т.д. Также в ЦПСИ и АПД обратили особое внимание на различные конфликтные ситуации, которые возникали с арабскими журналистами, которых обвиняли в разжигании межнациональной розни. В качестве примера можно привести обвинения в расизме, выдвинутые французскими властями в отношении известного египетского журналиста, главы Ассоциации арабских журналистов Ибрагима Нафие после опубликования им статьи под названием «Еврейская маца изготовлена из арабской крови».

Джад также обратил особое внимание на статью британского журналиста Брайена Уайтекера, в которой указывалось на то, что последний неоднократно получал по электронной почте от различных организаций выдержки из арабской прессы, переведенные на английский язык, в которых содержались утверждения явно антисемитского характера¹⁸. Изучив подлинные источники, из которых брались эти выдержки, Уайтекер пришел к выводу, что перевод был некорректным. В данной ситуации, по мнению британского журналиста, необходимо, чтобы арабские

СМИ самостоятельно переводили свои материалы на европейские языки, что позволит избежать ошибок, а подчас и открытого искажения смысла публикаций. Уайтекер отметил, что в настоящее время арабы предпочитают лишь «сидеть сложа руки и ворчать по поводу махинаций, которые осуществляют сионистские организации и израильские спецслужбы»¹⁹.

Джад утверждает, что АПД создана с целью противодействия тем организациям, которые утверждают в своих материалах, что существует «арабская антисемитская ненависть». Также АПД будет пристально исследовать публикации израильских СМИ, в которых проявляется расизм в отношении не только арабов, но и представителей стран Запада. Джад упомянул о том, что на вебсайте организации приведены примеры дискриминации в Израиле, грубо нарушающие международное право.

Многими отмечается тот факт, что арабские СМИ в освещении арабо-израильского конфликта настолько эмоциональны, что это подчас приводит к совершенно противоположным результатам, чем те, которых они добиваются. По мнению Джада, именно выработка этического кодекса для арабских СМИ может помочь в решении этой проблемы. Поскольку именно он (кодекс) лишит сионистские организации возможности использовать эти эмоциональные всплески арабских авторов в своих целях. Однако Джад не упомянул, на основе каких принципов будет формироваться этот этический кодекс, а также каким образом и в какие сроки будет организовано принятие этого кодекса.

Несмотря на упоминание об излишней эмоциональности коллег, само интервью Джада не стало исключением. Оно было полно стремлением обличить «пособников сионизма», являющихся основным препятствием для развития арабских СМИ²⁰. Двигаясь в этом направлении, в своем интервью Джад обратил особое внимание на деятельность Института изучения развития средств массовой информации Ближнего Востока. В последнее время работа этого института подвергается частой критике со стороны арабских и западных журналистов. Некоторые из них обращают особое внимание на тот факт, что институт возглавляет Игал Кармон, который в свое время был советником по терроризму Ицхака Рабина и Беньямина Нетаньяху, а также на то, что многие сотрудники – бывшие офицеры Моссад. Указывая на это, арабские и некоторые западные аналитики полагают, что этот институт не может представлять

подлинно объективную информацию о ситуации на Ближнем Востоке в целом и в арабских СМИ.

Другая группа интеллектуалов и представителей СМИ стран арабо-мусульманского мира ратует за «сближение любой ценой». Эта группа крайне чувствительно относится к реакции СМИ на собственные выступления, которые характеризуются предельно осторожными высказываниями. Представители той и другой групп признают, что уровень негатива в СМИ в отношении как государств арабо-мусульманского мира, так и стран Запада чрезвычайно высок. Так, в арабских СМИ антизападные, а точнее сказать, антиамериканские настроения имеют тенденцию к усилению. Согласно данным социологического опроса, проведенного организацией «Зогби Интернешнл», с апреля 2002 г. по июнь 2004 г. произошел значительный спад в отношениях между арабскими государствами и США. Были приведены, в частности, следующие данные: число марроканцев, имеющих крайне негативное отношение к США и политике этого государства, увеличилось с 61% (2002 г.) до 88% (2004 г.). В Египте, согласно тому же исследованию, число критически настроенных к США выросло с 76% до 98% за тот же период (98% – это также число сторонников президента Х.Мубарака, проголосовавших за него на последних выборах)²¹.

В продолжение данной темы в сентябре 2005 г. в журнале «Экономист» появилось интервью с Майклом Шерером, офицером ЦРУ, который в 90-е годы возглавлял группу, исследовавшую деятельность Бен Ладена и его сторонников. Он сделал любопытное замечание: «На свете найдется не много людей, готовых умереть за проведение выборов в штате Айова, но найдется достаточно людей, готовых сделать это оттого, что мы оказываем поддержку израильтянам, помогаем Путину в борьбе против чеченцев, или потому, что мы не даем повышать цены на нефть, тем самым не давая обогащаться многим мусульманам»²².

Ссылаясь на неназванный источник в Пентагоне, Джеймс Фаллоуз, исследователь данной проблемы в своей статье «Почему они ненавидят нас?» заявляет: «Усама бен Ладен ничего бы не смог сделать без нашей помощи. Своими действиями мы играли ему на руку, подтверждая все обвинения, которые он выдвигал против нас. А ведь он заявлял о том, что США пойдут на все с тем, чтобы подавить мусульман – займут их святые места, способствуют свержению исламских правитель-

ств, начнут единолично использовать их природные ресурсы. Стоит только приглядеться к тому, что происходит в Ираке, чтобы понять, что арабы получили подтверждение слов бен Ладена»²³.

Как и в любой другой стране мира, политические реалии во многом формируют контекст материалов СМИ арабо-мусульманского мира. Некоторые наблюдатели отмечают, что при отсутствии демократии в западном понимании этого слова, многие телевизионные передачи на арабском телевидении (особенно это касается ток-шоу) своеобразно заменяют общественные дебаты. Западные критики упрекают многие арабские рейтинговые программы в том, что последние не столько выполняют свою главную информационную функцию, сколько через компиляцию острых, провокационных фактов выпускают материалы, в основном касающиеся процессов, происходящих за пределами арабского мира. Данные упреки представляются недостаточно убедительными, поскольку подобная практика характерна для работы многих СМИ не только в странах арабского мира.

В настоящее время арабские СМИ находятся в состоянии активного роста за счет широкого распространения доступной спутниковой связи. Быстрое увеличение числа спутниковых каналов привело к тому, что расширился рынок электронных средств массовой информации, включив в себя не только региональные СМИ, но и расположенные в странах Запада.

Большинство новых медийных компаний видит своей главной целью охват потребителей всех стран арабо-мусульманского мира, а не только отдельных государств. Таким образом, можно говорить о реальных перспективах создания панарабского медийного рынка. Еще в 50–60-е годы Гамаль Абдель Насер, национализировавший египетские СМИ, говорил о необходимости их работы на благо всей арабской нации. Позже идея панарабизма перекочевала на страницы английских, французских газет и журналов, где европейские интеллектуалы, получившие образование в Сорбонне или Оксфорде, высказывали свое мнение о перспективах ее реализации. Кажется, что в настоящее время эта идея гораздо ближе к своей реализации, чем когда бы то ни было. По крайней мере, панарабские спутниковые каналы уже успешно конкурируют с западными и формируют общественное мнение по всему арабскому миру.

1 июня 2004 г. в Стамбуле прошел конгресс Мировой Ассоциации газет. В ходе работы конгресса выступили многие представители различных СМИ арабского мира. Саид ас-Сулами, возглавляющий Центр защиты свободы слова в СМИ в странах Ближнего Востока и Северной Африки, тоже выступил здесь с речью. Он особенно подробно остановился на проблеме, которая, по его мнению, является наиболее актуальной для арабских СМИ, а именно – противодействие цензуре властных структур в арабских странах. Также он считает, что многие иностранные государства опасаются укрепления позиций арабских СМИ и их влияния на формирование общественного мнения.

Известный палестинский журналист Дауд Куттаб полагает, что «во многих арабских странах СМИ предпочитают концентрировать внимание на палестинской проблеме, а в последнее время на положении в Ираке, нежели исследовать и представлять свое видение наиболее острых внутренних проблем»²⁴. Он также обратил особое внимание на то, что в некоторых арабских государствах существует до 30 различных законов, регулирующих деятельность средств массовой информации. Многие из этих законов – настоящие путы, связывающие руки журналистов, лишают их возможности действовать в интересах объективной подачи информации.

По мнению Куттаба, качество многих арабских газет и журналов является крайне низким. Во многом это объясняется тем, что самостоятельная оригинальная журналистика в этих изданиях практически отсутствует. Газеты и журналы в большинстве арабских стран занимаются лишь тем, что перепечатывают новости, выпускаемые национальными или международными информационными агентствами. Палестинский журналист обратил внимание собравшихся на тот факт, что в большинстве стран арабского Востока журналистские союзы являются «закрытыми» сообществами, подконтрольными официальным государственным структурам.

Саад аль-Баззаз, главный редактор иракской газеты «Аз-Заман» в ходе своего выступления указал на то, что в современном Ираке женщины-журналистки не могут в полной мере выполнять свои профессиональные обязанности. Аль-Баззаз заявил, что им приходится ежедневно сталкиваться со стремлением «религиозных и фанатичных» экстремистских группировок навязать свои условия для работы светских средств массовой информации Ирака.

Вместе с тем большинство исследователей отмечает, что арабские СМИ находятся в постоянном развитии. Следует признать, что это развитие носит крайне медленный характер, но тем не менее динамика очевидна. В определенной степени свидетельством тому является принятие в Иордании нового закона о статусе частных радио- и телестанций. Также в Иордании, а затем и в Бахрейне подверглись реорганизации министерства, в чье ведение входит наблюдение за деятельностью СМИ. Также перемены коснулись журналистских союзов в Египте и Марокко: там были проведены перевыборы руководства и изменены уставы этих организаций, что значительно облегчило их работу.

Представитель газеты «Йемен Таймс» Уалид ас-Сакаф полагает, что «изменения в арабских средствах массовой информации должны привести к изменению менталитета режимов Ближнего Востока. Они должны убедить их в том, что свободные СМИ не являются угрозой и могут сотрудничать с правительствами в борьбе с коррупцией и т.п.»²⁵

Приоритетной задачей, по мнению большинства участников конференции, является подготовка молодых независимых активных журналистов. Дауд Куттаб считает, что «Ближний Восток является тем единственным регионом, который получил наилучшее обучение в этой сфере при наименьшем результате. А именно: большинство из профессионально обученных журналистов работают в правительственных СМИ, где их инициатива и любознательность глушатся государственной цензурой»²⁶.

Взаимоотношения между представителями арабских СМИ, властными структурами и общественными организациями порой развиваются крайне драматически. В качестве примера можно привести убийство в июне 2005 г. ливанского журналиста Самира Касира, который был взорван в своей машине. Касир был чрезвычайно известным журналистом и общественным деятелем как в Ливане, так и за его пределами. Образование Касир получил во Франции, в Сорбонне, где защитил диссертацию доктора исторических наук. Также С.Касир преподавал политологию в Университете Св.Иосифа в Бейруте. Он также был одним из основателей ливанского Демократического левого движения и членом его Исполнительного совета. Он постоянно сотрудничал с несколькими газетами, среди которых была французская «Ле Монд Дипломатик», а также являлся редактором

арабоязычной версии этого издания. С 1988 г. Самир Касир – постоянный автор ежедневного издания «Ан-Нахар». В 2001 г. представители ливанских спецслужб конфисковали паспорт Касира, мотивируя тем, что им написаны «пасквили» в адрес ливанских вооруженных сил и служб безопасности. Необходимо отметить, что Касир был одним из самых видных и последовательных критиков пребывания сирийских войск на территории Ливана, а также политики президента Башара Асада в целом²⁷.

Другим примером взаимоотношений арабских СМИ с «окружающим миром» служит увольнение руководителя московского бюро «Аль-Джазиры» Акрама Хузама, о котором стало известно 20 сентября 2005 г. С самого начала своей деятельности канал «Аль-Джазира» претендовал на лидирующие позиции в составе СМИ в странах арабского мира, а также на объективное и разностороннее освещение наиболее актуальных проблем современности (одним из девизов телеканала «Аль-Джазира» является: «аргумент – контраргумент»).

На протяжении долгого времени этот телеканал являлся объектом критики со стороны мусульманской общественности как в арабском мире, так и в России, в частности. На данный момент уже опубликовано немало материалов, посвященных как телеканалу «Аль-Джазира», так и предполагаемым истинным причинам увольнения Хузама. Избегая возможности «увязнуть» в потоке версий, обвинений и ссылок на ту или иную сторону, автор данной статьи полагает: наиболее важным на данный момент является тот факт, что подобная ситуация во многом является следствием общей проблемы, характерной для информационного поля стран арабского мира. Практически все арабские СМИ разделены и принадлежат двум порой враждующим направлениям в представлении информации: либо сжато и динамично давать сухие факты, либо активно заниматься религиозной и/или политической пропагандой. Отсутствие единства давно является одной из наиболее острых и болезненных проблем арабского общества. Так что вряд ли можно было ожидать, что арабские СМИ не столкнутся с подобной проблемой в своем собственном развитии. Преодоление разобщенности в СМИ стран арабского мира, выработка универсальных этических норм поведения их представителей, обеспечение свободы слова и самовыражения имеют первостепенное значение и являются наиболее актуальными задачами развития арабских СМИ на современном этапе.

- ¹ Вашингтон Таймс, 02.12.2004.
- ² Аль-Кудс аль-Арабий, Великобритания, 17.02.2004.
- ³ Джордан Таймс, 16.02.2004.
- ⁴ Аль-Халидж, ОАЭ, 20.02.2004.
- ⁵ Аш-Шарк аль-Аусат, Великобритания, 15.12.2004.
- ⁶ Дейли Стар, Ливан, 20.02.2004.
- ⁷ Тишрин, Сирия, 23.02.2004.
- ⁸ Statement to the U.S. Senate Foreign Relations Committee, Subcommittee on International Relations and Terrorism. April 29, 2004.
- ⁹ Управление по оборонной науке состоит из числа гражданских специалистов, нанятых Пентагоном для научных исследований.
- ¹⁰ Defence Science Board, 2004 Autumn Study.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Defence Science Board, 2004 Autumn Study.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Аль-Джазира, 25 ноября 2004.
- ¹⁶ Акбар аль-Адаб, Египет, 19 декабря 2004.
- ¹⁷ После выхода в свет данного документа АПД опубликовала серию материалов, в которых подвергается жесткой критике западная практика определения антисемитизма в качестве деяний того или иного рода лишь в отношении евреев. // Аль-Ахрам, Египет, 28 января 2005.
- ¹⁸ Гардиен, 26 февраля 2002.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Акбар аль-Адаб, Египет, 19.12.2004.
- ²¹ <http://www.zogby.com>
- ²² Война за сердце Ислама // Экономист, 18–24 сентября 2005.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Би-би-си Ньюс, 01.06.2004.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Аш-Шарк аль-Аусат, Лондон, 03.06.2005.

**ИСЛАМИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ
В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ
(НА ПРИМЕРЕ ТУНИСА)**

Способность мусульманского мира и, в частности, арабских стран к демократизации является вопросом, от решения которого в достаточно весомой степени зависит дальнейший ход мирового развития. Совместимы ли демократия и исламские правовые и общественно-политические институты? Может ли демократия успешно развиваться в мусульманском обществе, где мусульманские морально-этические нормы, традиции и обычаи определяют образ жизни большинства населения и оказывают значительное влияние, в том числе, на общественно-политические институты? Не претендуя на всеобъемлемость, мы попытаемся тем не менее ответить на эти вопросы, проанализировав в качестве примера социально-экономическую и политическую ситуацию в Тунисе.

Прежде всего необходимо уточнить понятийный аппарат. Общеизвестно хрестоматийное определение демократии как формы государственного устройства, при которой осуществляется власть народа. Согласно концепции французского политолога и общественно-политического деятеля А.Токвиля (1805–1859), наиболее влиятельного в современных зарубежных социально-политических исследованиях, демократия – это не только определенная форма организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в нем. Философской основой демократии является соотношение свободы и равенства граждан как социально-политических ценностей, реальное воплощение которых происходит в соответствующих демократических институтах государства, прямых или представительных. Гарантией прав граждан является разделение функций власти – законодательной, исполнительной и судебной; децентрализация в социально-экономической и культурной сферах. При этом защиту прав граждан берут на себя демократические ассо-

циации – гражданские и политические. Они становятся посредниками между центральной властью и различными слоями общества, представляя интересы последних. Реализации прав человека в демократическом государстве служат также свобода печати и суд присяжных. Тем не менее известные социологи XX века, такие как Д.Шумпетер и У.Росту, дополняя концепцию Токвиля, уточняли, что все эти черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только в случае активного участия граждан в общественно-политической жизни, то есть в условиях сложившегося гражданского общества. Другой видный социолог и социальный философ XX века М.Вебер выделял роль христианской и, в частности, протестантской религии в становлении западноевропейского капитализма и соответствующей ему «хозяйственной этики» и стиля взаимоотношений между людьми, способствовавших формированию и развитию современного западного гражданского общества и присущего ему демократического государственно-политического устройства.

Что касается феномена исламизма, то имеется ряд его определений. Прежде всего необходимо различать понятия исламский фундаментализм и исламизм. Исламский фундаментализм можно рассматривать как явление религиозное, означающее обращение к истокам ислама и строгому соблюдению в повседневной жизни и общественной практике правил и норм, изложенных в Коране и Сунне. Исламизм же – политическое явление, использование ислама в политических целях. Исламизм или политический ислам – идеология исламистского движения – политического движения, стремящегося поставить процесс общественного развития в соответствие с нормами и догмами первоначального ислама¹. В то же время оба эти явления можно рассматривать как взаимосвязанные, так как они представляют собой элементы единой системы. Исламизм имеет умеренное и радикальное направления. Умеренный исламизм существует практически во всех арабских странах либо в форме политических партий, либо в виде общественно-просветительских или благотворительных организаций, ратующих за сохранение исламских ценностей. Радикальный исламизм представлен экстремистскими группировками, нередко прибегающими к террору для достижения своих политических целей.

В последнее время, особенно после громких террористических актов (в Нью-Йорке в сентябре 2001 г., в Мадриде в

2004 г., в Лондоне в 2005 г.), в СМИ, а также в некоторых зарубежных и отечественных исследованиях исламизм отождествляется с международным терроризмом. Причем в отдельных публикациях ислам трактуется как изначально агрессивная, не толерантная и обскурантистская религия, а исламские правовые и общественно-политические институты выставляются как препятствия на пути демократического развития. Некоторые авторы в качестве доказательства цитируют даже отдельные суры Корана. Тем не менее, во-первых, необходимо отметить, что в священных книгах любых религий, в том числе в Коране, Библии, Торе и т.д., можно найти как призывы к борьбе с иноверцами, так и высказывания о необходимости веротерпимости и толерантности. Во-вторых, можно согласиться с высказыванием современного американского исследователя Грехема Фуллера: «Не существует религии, которая по своей сущности совместима с демократией»².

Эволюция социально-экономической и общественно-политической ситуации в Тунисе за последние два десятилетия является, на наш взгляд, показательным примером развития демократических процессов в мусульманской стране. Тунис за эти годы достиг существенного прогресса как в экономическом развитии, так и в демократических преобразованиях. В то же время тунисскому руководству удалось, с одной стороны, подавить радикальный исламизм, и с другой, интегрировать часть умеренных исламистов в государственно-политическую систему. Необходимо отметить, что с момента завоевания независимости в 1956 г. в Тунисе были заложены необходимые основы для дальнейшего развития страны по демократическому пути. Первый президент независимого Туниса Хабиб Бургиба (1903–2000 гг.), воспринимавший исламские традиции как «тяжелый груз, затруднявший развитие страны»³, проводил решительную политику, направленную на секуляризацию и реформирование тунисского общества, во многом остававшегося традиционным. Хабиб Бургиба был признанным лидером тунисского национально-освободительного движения и руководителем, обладавшим безусловной харизмой. Наряду с Гамалем Абдель Насером, Ахмедом Бен Беллой и Хуари Бумедьеном он являлся наиболее ярким и талантливым государственным деятелем арабского мира в XX веке. Среди реформ, доставивших ему подлинную международную известность, на первом месте стоит «Кодекс гражданского состояния» (Маджалля аль-ахваль

аш-шахсыйа), принятый в 1956 г. По недавней оценке тунисского историка Мухаммеда Хеди Шерифа, этот «революционный закон, круто изменивший традиционный уклад и положивший начало женской эмансипации, оказался социально-правовой реформой с долговременными и необратимыми последствиями»⁴. Новый Кодекс коренным образом реформировал систему брачно-семейных отношений, запрещал многоженство, учреждал гражданскую регистрацию брака, вводил равенство обеих сторон при разводе. В дальнейшем тунисской женщине были предоставлены политические права и, в частности, права избирать и быть избранной. В рамках реформы упразднялись шариатские суды и устанавливалась единая система светского судопроизводства. Одновременно осуществлялась программа мер, направленных на уменьшение влияния мусульманского духовенства. Старейший, известный во всем исламском мире мусульманский университет аз-Зитун в Тунисе вместе с сетью коранических школ был передан в ведение Министерства образования.

Что касается экономической политики, то в первое десятилетие независимости в Тунисе делался упор на государственное регулирование экономики («дустуровский социализм»). Затем в 70-е годы экономическое развитие стало строиться на основе рыночных отношений и всемерного поощрения частного сектора. Частные инвестиции (национальные и иностранные) в экспортные отрасли промышленности, в том числе в обрабатывающую и аграрный сектор, а также в туристическую индустрию, дали свои плоды. Среднегодовой прирост ВВП составил 7,1%, ежегодные темпы прироста в аграрном секторе возросли в 80-е годы до 4,1%⁵.

Однако успехи в экономике не означали адекватного повышения уровня жизни большинства населения. Основная часть получаемой в условиях экономического подъема прибыли присваивалась привилегированной прослойкой, состоявшей из представителей крупного и среднего бизнеса, имевшей родственные связи с политической элитой, а также перераспределялась внутри правящей группировки. В 80-е годы в тунисском обществе нарастало социальное напряжение, чему способствовало также то, что Хабиб Бургиба (провозглашенный в 1975 г. пожизненным президентом) уже не мог контролировать ситуацию в стране, чем пользовались в целях личного обогащения члены его семьи и приближенные к ним кланы. Сложную соци-

ально-экономическую обстановку использовали исламисты для усиления своего влияния. Они выдвигали лозунги создания «исламского государства» на основе шариата, в котором, по их утверждениям, должна была восторжествовать «исламская социальная справедливость». В этот период исламистское движение в Тунисе быстро набирало силу. Необходимо отметить, что становлению исламизма в Тунисе в какой-то степени способствовала политика властей. С одной стороны, широкая секуляризация страны, не подкрепленная повышением уровня жизни основных социальных групп, вызывала сопротивление части населения, склонявшегося к поддержке исламистов. С другой стороны, власти, стремясь ослабить левое движение, особенно усилившееся в студенческой среде, пытались противопоставить ему исламистов. С этой целью было разрешено создание «Ассоциации в защиту Корана» и постройка мечети на территории столичного университетского комплекса, которая впоследствии стала одним из опорных пунктов исламистов. В это же время сформировалась «Исламская группа» (Джамаа исламийя), идеологи которой с разрешения властей начали издавать две газеты «Общество» (аль-Муджтамаа) и «Друг» (Хабиб), а также журнал «Знание» (Маариф). Один из лидеров «Исламской группы» Хабиб Мокни создал, кроме того, издательство «Знамя» (ар-Рая), которое во многом способствовало распространению фундаменталистской идеологии в Тунисе. Позже «Исламская группа» трансформируется в политическую партию под названием «Движение исламской направленности», которая впоследствии переименовывается в «Возрождение» (ан-Нахда). Председателем партии являлся известный (в том числе за пределами Туниса) идеолог исламизма Рашид Ганнуши, закончивший философский факультет Тунисского университета и получивший ученую степень профессора философии. В руководство «ан-Нахды» входили также видные исламисты Абд аль-Фаттах Муру, Хасан Годбани, юристы по образованию, а также Салах Каркар, выпускник экономического факультета того же университета. Лидеры исламистов сумели привлечь в свое движение достаточно большое число недовольных правящим режимом тунисских граждан, среди которых наряду с представителями неимущих слоев было немало безработных выпускников вузов, а также военнослужащих и работников правоохранительных органов. Подъему исламизма в 80-е годы в Тунисе (и в исламском мире в це-

лом) кроме внутренних причин способствовали такие внешние факторы, как победа исламской революции в Иране в 1979 г. и гражданская война в Афганистане (афганский джихад), где с правящим режимом, поддержанным советскими войсками, боролись как афганские муджахиды, так и добровольцы из многих мусульманских стран, в том числе из Туниса. Кроме того, в соседнем с Тунисом Алжире в этот период сформировалось самое мощное в арабском мире исламистское движение, возглавленное «Исламским фронтом спасения» (Джабха исламийя ли-ль-инказ), с которым лидеры «Ан-Нахды» имели постоянные контакты*.

Во второй половине 80-х годов тунисские исламисты проводили многочисленные антиправительственные манифестации и, согласно опубликованной впоследствии тунисскими властями официальной информации, готовились вооруженным путем захватить власть. В 1986 г. недалеко от столицы был обнаружен склад с оружием, принадлежавший вооруженному крылу «ан-Нахды», а в августе 1987 г. были совершены взрывы в четырех туристических гостиницах в курортных городах Тир и Монастир, в результате которых получили ранения около 20 иностранных туристов. Эти теракты, согласно официальной версии, также совершили боевики из радикального крыла «ан-Нахды»⁶. В ответ на исламистский террор правоохранные органы (министром внутренних дел с 1986 г. являлся генерал армии Зин аль-Абидин Бен Али) ответили массовыми арестами исламистских активистов. Сложная социально-политическая обстановка в стране усугублялась интригами внутри семейного клана и окружения Бургибы, которое некоторые исследователи определяли, как «придворную камарилью и сераль»⁷. В октябре 1987 г. президент Бургиба назначил Зин аль-Абидина Бен Али премьер-министром и генеральным секретарем Социали-

* Лидер «Ан-Нахды» Рашид Ганнуши неоднократно посещал Алжир, где проводил встречи с руководителями «Исламского фронта спасения» (ИФС) Аббаси Мадани и Али Бенхаджем. В конце 80-х годов в период репрессий в Тунисе против «Ан-Нахды» Рашид Ганнуши находился в Алжире в добровольном изгнании. В свою очередь во время массовых антиправительственных демонстраций сторонников ИФС в Алжире в 1990 г. Рашид Ганнуши направил им в поддержку несколько десятков тунисских активистов «Ан-Нахды»⁸.

стической дустуровской партии (СДП). Тем не менее вскоре в результате интриг своего окружения престарелый президент (Х.Бургиба род. в 1903 г.) решил сместить Бен Али с поста премьер-министра. Однако 7 ноября 1987 г. Бен Али при поддержке сторонников из числа военных отстранил Бургибу от власти, мотивируя эти действия ст. 56 конституции⁹, и объявил о временном возложении на себя обязанностей президента. В обращении к соотечественникам, позже названном «Манифестом 7 ноября»¹⁰, Бен Али высоко оценил роль Бургибы в завоевании Тунисом независимости и становлении его государственности, а также заявил о начале широких демократических преобразований. В частности, провозглашалось создание «институтов, основанных на многопартийности и принципе множественности общественных организаций», включения средств массовой информации в общественный процесс, а также упразднение пожизненного президентства.

В отношении исламистской оппозиции Бен Али проводил умелую и тонкую политику. Во-первых, сохраняя принципиальную преемственность с бургибовским наследием, он тем не менее отказался от открытой и иногда даже демонстративно провозглашавшейся его предшественником светскости и подтверждал арабо-исламскую самоидентификацию Туниса. Во-вторых, он четко разграничил свою политику по отношению к радикальным и умеренным исламистам. Если с первыми велась жесткая борьба и применялись репрессивные меры, то со вторыми Бен Али пытался достичь компромисса и интегрировать их в политическую систему. В результате экстремистские исламистские группировки из партии «ан-Нахда» были разгромлены, а их лидеры Рашид Ганнуши и Салах Каркар покинули Тунис и обосновались в Европе (тунисский суд заочно приговорил их к длительному тюремному заключению)¹¹. В то же время Бен Али предложил наиболее известным деятелям умеренной исламистской оппозиции войти в состав Высшего исламского совета и Социально-экономического совета*. Кроме того, по инициативе Бен Али был выработан «Национальный пакт», который провозглашал основные принципы политической системы Тунисской Республики и должен был способ-

* Социально-экономический совет является совещательным органом при правительстве Туниса.

ствовать достижению национального консенсуса. «Национальный пакт» подписали руководители наиболее значимых общественных и политических организаций страны, в том числе лидер умеренных исламистов Нур эд-Дин Бхири. «Национальный пакт» подтверждал основные реформаторские законы, принятые в период правления Бургибы, в том числе «Кодекс гражданского состояния». Наряду с этим подчеркивалась принадлежность Туниса к арабо-исламской цивилизации и вместе с тем заявлялось, что мечети должны контролироваться государством с тем, чтобы они «не превращались в трибуны политической пропаганды».

В конце 90-х годов многие заочно осужденные тунисские исламисты, покинувшие страну, обратились к президенту Бен Али с просьбой об амнистии и предоставлении возможности вернуться в Тунис. От имени желавших возвратиться выступал один из исламистских лидеров, главный редактор издающейся в Лондоне исламистской газеты «аль-Мустакылля» (Независимая) Хашеми аль-Хамди. Бен Али пошел им навстречу, обусловив возвращение запрещением политической деятельности амнистированных. Важным решением, направленным на уменьшение влияния исламистской идеологии, стала проводившаяся по инициативе президента реформа системы образования в Тунисе. Первыми мерами в этом направлении, предпринятыми вновь назначенным президентом министром по делам национального образования, высшей школы и научных исследований Мухаммедом Шарфи*, явились изъятие из школ учебников, в которых проповедовались идеи исламизма, а также запрещение ношения в учебных заведениях хиджаба и восстановление в лицеях совместного обучения юношей и девушек. Все вышеперечисленные шаги, сделанные президентом Бен Али, способствовали подавлению радикальных исламистов в Тунисе и значительному снижению влияния исламизма на общественное сознание.

В то же время новое тунисское руководство уделяло особое внимание решению экономических проблем, так как имен-

* Мухаммед Шарфи – юрист по образованию, является основателем и президентом Тунисской лиги по правам человека. Он известен также как непримиримый противник исламистской идеологии и сторонник развития Туниса по демократическому пути.

но социально-экономический кризис, охвативший Тунис во второй половине 80-х годов стал одной из основных причин широкого распространения фундаменталистской идеологии в стране. Было очевидно, что экономический подъем должен был сочетаться с некоторым перераспределением национального дохода, чтобы реально поднять уровень жизни неимущих слоев населения, являвшихся основной социальной базой исламистов. Необходимо отметить, что после прихода Бен Али к власти многие зарубежные исследователи предполагали, что он, как представитель военной элиты, в управлении страной будет опираться на репрессивный аппарат и принимать общие политические решения, передоверив экономические вопросы своему премьер-министру (как это было в эпоху Бургибы). Однако Бен Али опроверг этот прогноз. Достаточно быстро сориентировавшись в экономической проблематике, он сам проводил совещания по главным экономическим вопросам, приводя иногда в замешательство своих министров доскональным знанием сути обсуждаемой проблемы и нередко отправлял представляемый ему доклад на доработку*. Тем не менее детальную разработку экономических программ ведет финансово-экономический блок правительства во главе с премьер-министром. Однако стратегические решения по развитию экономики принимает президент. В экономической политике Бен Али главную роль отводит частному предпринимательству. В одном из своих выступлений он подчеркивал, что «необходимо дать возможность предпринимателям работать и создавать материальный достаток, который будет способствовать общему процветанию страны». Бен Али сумел эффективно использовать в экономике главные достижения своего предшественника Бургибы – развитие частной инициативы, достаточно высокий общеобразовательный и профессиональный уровень населения, эмансипацию женщины.

* По свидетельству одного из участников таких совещаний, на столе у Бен Али наряду с досье по обсуждаемой проблеме всегда лежало множество специальных карточек с информацией по отдельным вопросам, с которыми он постоянно сверялся, проводя дискуссию в деловом ритме, не тратя время на общие рассуждения. Такого же подхода к работе он требовал и от своих министров.

Тунисское руководство сумело в современных экономических реалиях мирового развития определить приоритеты для своей страны, каковыми согласно заявлениям президента, являются «адекватная интеграция в процесс глобализации и развитие экономики, основанной на высоких технологиях и современной науке». В рамках дальнейшей адаптации к рыночной модели тунисское правительство с помощью специалистов Всемирного банка разработало программу структурного реформирования экономики. Наряду с развитием традиционных отраслей национальной экономики, т.е. сельского хозяйства, легкой промышленности (в частности текстильной) и сферы услуг быстрыми темпами создавались крупные объекты базовой экономической инфраструктуры. За период с конца 80-х до начала 2000 годов были возведены несколько крупных плотин и водохранилищ, вода из которых использовалась как для снабжения населения, так и для нужд сельского хозяйства. Модернизировались и расширялись аэропорты, морские порты, железные дороги и автодороги. Если в 1987 г. протяженность автодорог в Тунисе составляла всего 50 км, то в 2004 г. уже 203 км, а к 2006 г. должна достичь 360 км. В то же время особый упор был сделан на развитие современных производств. Возникли новые индустриальные зоны, где на их предприятиях производилось электро-техническое и электронное оборудование, большая часть которого шла на экспорт¹². Причем в стране процветал настоящий культ производства на экспорт. По инициативе президента предприятиям-экспортерам предоставлялись значительные налоговые льготы и привилегии при открытии и регистрации производств. Одной из важных отраслей тунисской экономики, инфраструктура которой значительно расширилась в последние годы, продолжает оставаться иностранный туризм: Тунис ежегодно принимает до 5 млн. иностранных туристов, из них 3, 5 млн. из стран ЕС.

В развитии тунисской экономики важную роль играют иностранные инвестиции, привлечению которых способствовало также вхождение Туниса в 1995 г. в Европейский союз (ЕС) на правах ассоциированного члена и планируемое присоединение Туниса в 2008 г. к зоне свободного обмена капиталами и рабочей силой ЕС. В настоящее время на тунисском рынке работают более 2500 иностранных компаний, а тунисскими инвесторами являются такие известные международные корпорации, как «Бритиш газ», «Алкател», «Бенеттон», «Сименс» и др. Ши-

рокое развитие в последние годы получила банковская система, включавшая в себя к 2005 г. более 20 банков. В марте 2005 г. открылся Банк финансовой поддержки малых и средних предприятий, который наряду с функционирующим с 1997 г. Тунисским банком солидарности имеет целью оказывать финансовую поддержку малому и среднему бизнесу. Тунисское руководство проводит политику широкой приватизации и акционирования, в том числе в банковской сфере. Крупнейшими на тунисском финансовом рынке (так же, как и в других областях экономики) являются французские акционеры, в частности банк «БНП Пари» и «Сосьете женераль». Необходимо отметить, что реформирование экономики в Тунисе (в том числе широкая приватизация) проходило в достаточно здоровой социально-политической обстановке и не сопровождалось, как это имело место, например, в Алжире, Египте, а также в России и отчасти в Восточной Европе, ростом коррупции, преступности и другими негативными явлениями. Это подтверждается, в частности, отчетом, сделанным международной организацией «Transparency International» (Международная прозрачность), в котором указан индекс коррупции в различных странах (отчет охватывает 133 страны). Тунис, согласно данным исследованиям, получил в 2003 г. 4,9 баллов (наилучшим показателем является 10 баллов, причем 5 баллов представляют собой своеобразную границу: выше 5 баллов означает, что страна не имеет серьезных проблем с коррупцией, ниже 5 означает коррумпированность властных структур в значительной степени). Для сравнения можно указать, что Италия имеет 5,3 балла, Франция – 6,9, Финляндия – 9,7. В свою очередь Египет получил 3,3 балла, Марокко также 3,3, Алжир – 2,6 балла¹³. В то же время надо признать, что Тунис в своем социально-экономическом развитии сталкивается с достаточно серьезными трудностями. Это прежде всего большой процент безработных (14,3% в 2003 г.), в том числе дипломированных выпускников вузов. Основательным испытанием для тунисской экономики (в частности для текстильной промышленности) становится нарастающая конкуренция со стороны новых членов ЕС из Восточной Европы, которые увеличивают свой экспорт в страны ЕС, а также большая открытость тунисского рынка после присоединения страны к свободной зоне Союза. Тем не менее ретроспективный обзор развития тунисской экономики за последние полтора десятилетия показывает, что страна добилась впечатляющих результатов. Среднегодовой

прирост ВВП стабильно составлял свыше 5% (в 2003 г. 5,6%), объем ВВП с 1988 по 2003 гг. вырос более чем в два раза с 9 млрд. ам. долл. до 25 млрд. ам. долл., инфляция, составлявшая в период с 1980 по 1988 гг. в среднем 7,7% в год, к 2003 г. сократилась до 2,7%, валютные резервы выросли с 976 млн. ам. долл. в 1988 г. до 2,95 млрд. ам. долл. в 2003 г.¹⁴ Эти достижения по достоинству были оценены в одном из выступлений президента Франции Жака Ширака как «тунисское экономическое чудо».

В то же время тунисское руководство уделяло значительное внимание социальным вопросам. В частности, приоритетом в социальной политике была определена борьба с безработицей (особенно среди молодежи) и бедностью. Президент Бен Али в своем выступлении 25 июля 2005 г. по случаю 48-й годовщины провозглашения Тунисской Республики подчеркивал, что «народ не сможет добиться прогресса, если значительная часть его молодого поколения находится за бортом производительной деятельности»¹⁵. С целью предоставления молодежи возможности получить профессиональную подготовку в Тунисе были расширены старые и созданы новые университетские центры, а также повышены студенческие стипендии. Процент молодежи в возрасте от 19 до 24 лет, обучающейся в вузах, вырос с 6% в 1987 г. до 31% в 2004 г. В процентном отношении к населению по числу студентов Тунис занимает одно из первых мест в арабских странах. Достигнут также существенный прогресс в борьбе с неграмотностью. Так, число неграмотных среди взрослых старше 15 лет в 2003 г. в Тунисе составило 17% (мужчины) и 37% (женщины). Среди стран-соседей Тунис уступает в этом показателе только Ливии – 8% (мужчины) и 29% (женщины). В Алжире соответственно 22% и 40%, в Марокко 37% и 62%, в Египте 33% и 56%.¹⁶ Были разработаны специальные программы (на общегосударственном и на региональных уровнях) как по профессиональной подготовке молодежи, так и по созданию дополнительных рабочих мест, в частности «Программа по вовлечению молодежи в профессиональную жизнь» (Programs to Introduce Young People to Professional Life). Причем по распоряжению президента губернаторам провинций были разосланы инструкции, определяющие их конкретные задачи по реализации данной программы. Был также создан «Национальный фонд занятости» (известный в Тунисе как Фонд 21–21, по номеру его банковского

счета), в рамках которого осуществляются мероприятия как по созданию рабочих мест, так и по оказанию материальной помощи неимущим. В результате предпринятых усилий тунисскому руководству удалось существенно улучшить социально-экономическую ситуацию в стране. Среднегодовой доход на одного тунисца вырос с 950 тунисских динаров в 1987 г. до 3 тыс. 550 тунисских динаров (примерно 2000 ам. долл.) в 2004 г. Для сравнения среднегодовой доход на одного жителя в 2004 г. в Алжире был 1720 ам. долл., в Египте 1470 ам. долл., в Марокко 1190 ам. долл. Процент населения, живущего за чертой бедности (доход которых менее 2 ам. долл. в день), в Тунисе сократился с 7% в 1987 г. до 4% в 2004 г. Этот же показатель в 2004 г. в Марокко составлял 14,3%, в Алжире 15,1%, в Египте 43,9%. Средняя продолжительность жизни в Тунисе выросла с 66 лет в 1987 г. до 70,8 лет (мужчины) и 74,9 лет (женщины) в 2004 г. Соответственно в 2004 г. продолжительность жизни в Алжире была 68,1 год (мужчины) и 71,3 года (женщины), в Марокко 66,8 лет (мужчины) и 70,5 лет (женщины), в Египте 66,7 лет (мужчины) и 71 год (женщины). Показатель детской смертности (детей младше 5 лет) на 1 тыс. жителей в 2004 г. в Тунисе зафиксирован на уровне 29 (мальчики) и 24 (девочки). Для сравнения в Алжире этот же показатель – 52 (мальчики) и 45 (девочки), в Марокко 58 (мальчики) и 46 (девочки), в Египте 52 (мальчики) и 44 (девочки)¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что тунисскому руководству удалось вывести страну из состояния социально-экономического кризиса, который Тунис переживал с конца 80-х годов, существенно улучшить экономическую ситуацию, а также заметно поднять жизненный уровень основной массы населения. В свою очередь, с одной стороны, это позволило выбить у тунисских исламистов (в первую очередь радикальных) главный пропагандистский козырь и уменьшить их влияние среди неимущих слоев населения и, с другой стороны, продолжить демократизацию государственно-политической системы страны. Необходимо отметить, что после прихода к власти Бен Али в Тунисе были упразднены существовавшие ранее суды государственной безопасности и чрезвычайные трибуналы. Одним из первых законов, принятых новым руководством, стал Закон о политических партиях (Закон № 32 от 3 мая 1988 г.). Согласно этому закону, политическим партиям запрещается использовать религию в политических целях, что фактически

исключает исламистов из легальной политической деятельности. Кроме того, партии должны оставаться независимыми от какого бы то ни было иностранного влияния, им также запрещено получать любую форму помощи от зарубежных организаций и физических лиц. Важной особенностью закона является закрепленная в нем обязанность министра внутренних дел обращаться в судебную инстанцию в случае принятия им решения о роспуске политической партии, в то время как в предыдущем Законе об ассоциациях (1959 г.) такая процедура была необязательной. В настоящее время в Тунисе действуют около десяти политических партий. Шесть партий (Демократическое конституционное объединение, Партия народного единства, Социально-либеральная партия, Партия обновления, Движение демократов-социалистов и Демократическо-юнионистский союз) представлены в парламенте и имеют официальное право участвовать в президентских, парламентских и муниципальных выборах. Тем не менее говорить о реальном плюрализме в Тунисе пока еще преждевременно, так как доминирующую роль в общественно-политической жизни играет одна правящая партия – Демократическое конституционное объединение (ДКО)*. Политическая платформа ДКО близка программам социал-демократических партий Западной Европы, с которыми она поддерживает активные связи, являясь также членом Социнтерна и Африканского социалистического демократического интернационала (АСДИ), штаб-квартира которого находится в г.Тунисе. Численность ДКО, по официальным данным, приближается к 1 млн. 500 тысяч членов**, ее председателем является президент Бен Али. ДКО располагает разветвленной пар-

* Демократическое конституционное объединение (ДКО) является правопреемницей Социалистической дустуровской партии (СДП), выдвинувшей концепцию «дустуровского (конституционного) социализма», которая стала официальной идеологией Туниса в период правления бессменного лидера СДП Хабиба Бургибы. СДП как партия сформировалась в результате раскола партии Дустур в 1934 г. С момента создания до 1964 г. партия именовалась Новый Дустур, затем с 1964 по 1988 называлась Социалистической дустуровской партией и с 1988 г. имеет нынешнее название – Демократическое конституционное объединение.

** Население Туниса на 2004 г. составляет 9,9 млн. чел.

тийной структурой как в столице, так и на местах, а также сильным пропагандистским аппаратом. Это дает ей подавляющее преимущество в ходе выборных кампаний над другими политическими партиями, которые на настоящем этапе не представляют для ДКО собой серьезных конкурентов ввиду их малочисленности, а также организационной и политико-идеологической слабости. Наиболее известными и относительно влиятельными являются: партия левodemократической направленности «ат-Тадждид» («Обновление»), возглавляемая Мухаммедом Али Халуани* и примыкающее к ней объединение «Демократическая инициатива», поддерживающая правительственную политику Партия народного единства, генеральным секретарем которой является Мухаммед Бушиха** и стоящая на общедемократической платформе Социально-либеральная партия во главе с Муниром Бежи***.

* Мухаммед Али Халуани (род. в 1947 г. в г. Сфаксе) обучался во Франции, получил степень доктора философских наук в парижском университете Сорбонна-I, в настоящее время является преподавателем филологии в университете г. Сфакса. Политической деятельностью начал заниматься с 70-х годов, являясь активистом Всеобщего союза тунисских студентов и Тунисской лиги прав человека. В 1993 г. вступил в партию «Ат-Тадждид» («Обновление»), основу которой составили активисты распавшейся Тунисской коммунистической партии.

** Мухаммед Бушиха руководит Партией народного единства с 2000 г. Он является сторонником «демократического консенсуса» и по многим вопросам поддерживает правительственную политику. Партия народного единства сформировалась в 1990 г. в результате раскола Движения народного единства – оппозиционной партии, созданной по инициативе бывшего министра экономического развития Ахмеда Бен Салаха.

*** Мунир Бежи (род. в 1948 г.) – сын известного участника национально-освободительной борьбы Тунси Бежи. Мунир Бежи – юрист по образованию, начал заниматься политической деятельностью в 70-е годы в рядах Всеобщего союза тунисских студентов. Тогда же Мунир Бежи присоединился к движению либеральных демократов под руководством бывшего министра обороны Ахмеда Местири. Впоследствии стал одним из основателей Социально-либеральной партии, известен в Тунисе как поборник демократии и прав человека.

Быстро набирает политический вес самая молодая (созданная в апреле 2004 г.) тунисская Партия зеленых, примыкающая по своей политической направленности к леводемократическому спектру. Долгое время считавшаяся основной партией демократической оппозиции «Движение демократов-социалистов» (имеет наибольшее по сравнению с другими партиями, кроме правящей ДКО, количество депутатов в парламенте – 19) в настоящее время переживает внутренний кризис и раскол в своем руководстве. Другие легально действующие политические партии общедемократической направленности, такие как Демократическо-юнионистский союз, Демократическая партия прогресса, Демократический форум за труд и свободу, играют довольно незначительную роль в общественно-политической жизни Туниса. Особо следует выделить организации, официально не имеющие статуса политических партий, но в то же время пытающиеся активно влиять на общественно-политическую жизнь, представляя на выборах своих кандидатов в качестве независимых. Из исламистских – это прежде всего находящаяся на полулегальном положении партия «ан-Нахда», утратившая бывшую роль в обществе и тем не менее остающаяся наиболее значительной исламистской группировкой в Тунисе. Кроме «ан-Нахды» в стране действуют еще несколько немногочисленных нелегальных исламистских организаций, наиболее значительной из которых является Партия исламского освобождения, руководство которой находится за пределами Туниса. Еще одной, официально непризнанной политической партией, которая критикует правящий режим с лево-социалистических позиций, является Тунисская коммунистическая рабочая партия, стоящая на позициях троцкизма. В то же время в Тунисе существуют на полулегальной и нелегальной основе небольшие объединения различной политической направленности от арабских националистов, баасистов и насеристов до ультра-левых социалистов и радикальных исламистов.

Довольно весомое место в Тунисе занимают профсоюзное движение и общественные организации. Первое представлено целым рядом профсоюзов и корпоративных организаций. Наиболее значительными из них являются Всеобщее тунисское объединение труда (ВТОТ), входящее в Международную конфедерацию свободных профсоюзов и Международную федерацию арабских профсоюзов, Тунисский союз промышленности, торговли и ремесла, объединяющий ремесленников,

коммерсантов и мелких хозяев в сфере производства и торговли, Национальный союз аграриев и рыбаков – массовая организация туниских крестьян и работников рыбных промыслов. Новым туниским руководством была также разрешена деятельность как Всеобщего туниского союза студентов, лидеры которого стояли на позициях умеренного исламизма, так и Всеобщего союза туниских студентов, имевшего леводемократическую направленность (оба студенческих профсоюза были запрещены в период правления Бургибы). В настоящее время в Тунисе функционирует также ряд мусульманских общественно-просветительских и благотворительных организаций. В отличие от упоминавшихся выше исламистских группировок они не ставят перед собой политических целей, а видят своей задачей улучшение общественной морали путем пропаганды и распространения коранических знаний, мусульманских морально-этических норм и благотворительной деятельности. Наиболее известным является Движение исламистов-прогрессистов, издающее свой печатный орган – журнал «15–21».

Достаточно влиятельными еще со времен правления президента Бургибы являются женские организации, объединенные в Национальный союз туниских женщин (НСТЖ), который насчитывает более 45 тыс. членов. НСТЖ активно выступает за эмансипацию, участие женщин в общественно-политической жизни, организует курсы по ликвидации неграмотности, оказывает юридическо-правовую и материальную помощь одиноким женщинам, содействует их трудоустройству (автору этих строк во время пребывания в Тунисе в 1999 г. не раз приходилось слышать полушутливые жалобы тунисцев на то, что теперь туниские женщины имеют больше прав, в частности при разводе и разделе имущества, чем мужчины). Кроме того, в Тунисе существуют союзы и объединения журналистов, литераторов, кинематографистов и других творческих работников, а также легально действуют две правозащитные организации – оппозиционная властям Тунисская лига защиты прав человека и находящаяся под эгидой правительства Тунисская ассоциация защиты прав человека и общественных свобод.

Важным политическим событием в Тунисе стали проходившие в 2004 г. президентские и парламентские выборы. Им предшествовали внесенные в 2002 г. и одобренные на общенациональном референдуме изменения в туниской конституции. Согласно этим изменениям, была сформирована нижняя

палата тунисского парламента – Консультативный совет¹⁸. Ранее тунисский парламент состоял из одной палаты – Совета депутатов. Наряду с этим были упразднены ограничения на переизбрание президента на следующий срок и увеличен предельный возраст для претендента на президентский пост (до 75 лет), что позволило действующему президенту Бен Али (род. в 1936 г.) выставить свою кандидатуру на пост президента на четвертый срок (2004–2009 гг.). Вместе с тем с начала 2004 г. были отменены существовавшие ранее ограничения для тунисских пользователей сетью Интернета. Теперь им стали доступны сайты иностранных газет, остро критиковавших тунисский режим (французские «Юманите», «Либерасьон» и др.), а также международных правозащитных организаций, как Амнести Интернэйшенел, Международная комиссия юристов, Комитет в защиту журналистов и др. Бóльшую свободу для своих публикаций получила пресса оппозиционных партий, в частности, таких газет, как «аль-Маукиф» (Позиция) – орган Демократической партии прогресса и «ат-Тарик аль-джадид» (Новый путь) – орган партии «Обновление». Лидеры легально действующих оппозиционных политических партий получили возможность официально проводить собрания и митинги своих сторонников, а также более широкий доступ к СМИ.

В президентской кампании участвовали четыре кандидата – действующий президент Зин аль-Абиддин Бен Али, генеральный секретарь Партии народного единства Мухаммед Бушиха, лидер партии «Обновление» Мухаммед Али Халуани и президент Социально-либеральной партии Мухаммед Мунир Бежи. Как и предполагали практически все обозреватели, триумфальную победу 24 октября 2004 г. одержал действующий президент Зин аль-Абеддин Бен Али, за которого проголосовали 94,49% избирателей. Его соперники получили соответственно – Мухаммед Бушиха 3,78%, Мухаммед Али Халуани 0,95% и Мухаммед Мунир Бежи 0,79%¹⁹. Одновременно с президентскими проходили парламентские выборы, в которых участвовали 7 политических партий. Однако все 152 депутатских места в парламенте (из общего числа в 189 мест), распределяемые путем всеобщего прямого голосования, завоевала правящая партия – Конституционно-демократическое объединение (причем 25% избранных депутатов составляют женщины). Остальные 37 депутатских мест, предоставляемых в соответствии с тунисским законодательством партиям, не

набравшим большинства в избирательных округах, распределены следующим образом: наибольшее число мест после правящей партии (14) получила партия Движение демократов-социалистов, далее – Партия народного единства (11 мест) и, наконец, – Демократический союз юнионистов (7 мест).

Необходимо отметить, что и до и после переизбрания президента Бен Али на четвертый президентский срок как в западных, так и в отечественных востоковедных публикациях часть исследователей сетовала на «неспособность арабских стран (и в частности Туниса) развивать подлинную демократию и на живучесть в арабских обществах традиций авторитаризма»²⁰. Вместе с тем, если попытаться объективно проанализировать демократизм государственного устройства, то окажется, что даже в странах с самой развитой демократией не все обстоит так идеально. Например, известно, что президентские выборы в США не являются всеобщими и прямыми, то есть вначале избираются выборщики от двух доминирующих политических партий, а затем уже эти выборщики избирают президента. Политическая борьба здесь сводится к противоборству между двумя крупнейшими партиями – Демократической и Республиканской и, соответственно, между стоящими за каждой из них соперничающими финансово-промышленными группами. В то же время американское гражданское общество выработало достаточно эффективную систему институтов, защищающих права граждан от того или иного давления «властной элиты». Любое общество в разной степени может подвергаться давлению со стороны «олигархических», клановых или каких-либо иных групп (т.н. «властной элиты»), пытающихся реализовать свои интересы. Противодействие такому давлению зависит от уровня зрелости конкретного гражданского общества и его демократических институтов, а также от политической активности граждан по защите и осуществлению своих демократических прав и свобод. Наглядный пример такой целеустремленности показали граждане Франции и Голландии, проголосовав на референдуме в 2005 г. против европейской конституции, поскольку они хорошо понимали, что данный проект ущемляет их социально-экономические интересы.

Развитие демократии происходит на конкретно-исторической почве, и очевидно, что каждый этнос имеет свой собственный исторический опыт, свои традиции, религию и, наконец, свой менталитет. Все эти факторы оказывают весомое

воздействие на характер демократических преобразований. В мусульманском обществе (каковыми являются общества практически всех арабских стран) развитие демократии, естественно, будет отличаться от западных стандартов. Насаждение силой этих шаблонов (в частности американских) ведет к кризисным явлениям, что подтверждает иракский опыт. Ислам – это не только религия, но и образ жизни. Мусульманские традиции и морально-этические нормы на протяжении столетий выработали определенную психологию, стиль поведения во взаимоотношениях между людьми, а также в общественно-политической практике. Тунисский пример подтверждает возможность позитивного развития демократического процесса в мусульманском обществе, в котором достаточно свободно действуют партии и организации различной политической и идеологической направленности. Исламские правовые институты и организации (за исключением, естественно, экстремистских), как показывает опыт Туниса, а также других арабских стран (Алжир, Египет), при их умелой интеграции в общественно-политическую структуру не являются препятствием на пути демократизации и, напротив, становятся составными элементами формирующегося гражданского общества. Мусульманский социум на данном этапе отличается в силу особенностей своего исторического развития от западного. В мусульманском общественном сознании (в отличие от западного с его рационалистической протестантской этикой и превалированием прав и свобод личности) сохраняется первостепенность общественных интересов (мусульманской уммы) над вожделениями отдельной личности. Отсюда, видимо, проистекает феномен притягательности до известной степени «авторитарной» идеи об общенациональном харизматическом лидере как выразителе интересов всей уммы. Различия западного и мусульманского общества не являются антагонистическими. Причем в процессе происходящей в современном мире глобализации они постепенно размываются и, конечно же, не могут стать причиной некоего «столкновения цивилизаций».

¹ Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1991, с. 9.

² Graham E.Fuller. The Future of Political Islam. New York, 2003, с. 115.

³ Jeune Afrique, no. 2000–2001, 1999, с. 35.

- ⁴ Видясова М.Ф. Джихад без войны. М., 2005. Том 1, кн. 2, с. 405.
- ⁵ Тунисская Республика. Справочник. М., 1993, с. 27.
- ⁶ Jeune Afrique, no. 2000–2001, 1999, с. 38.
- ⁷ Le Nouvel Afrique-Asie, no. 128, 2000, с. 30.
- ⁸ Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество (1970–2004). М., 2004, с. 83.
- ⁹ Согласно ст.56 тунисской конституции, «в случае неспособности Президента Республики выполнять свои обязанности его полномочия делегируются премьер-министру» – Конституция Тунисской Республики // Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003, с. 323.
- ¹⁰ Видясова М.Ф. Джихад без войны, с. 418.
- ¹¹ В 90-е годы в Тунисе военными трибуналами были осуждены к различным срокам заключения около 300 руководителей среднего звена и активистов исламистской группировки «ан-Нахда», а непосредственные исполнители террористических актов (28 человек) приговорены к смертной казни. Что касается руководителей «ан-Нахды», то Салах Каркар с конца 80-х годов проживал во Франции и находился под надзором полиции. Рашид Ганнуши с начала 90-х годов проживал на полулегальном положении в Лондоне, продолжая тем не менее поддерживать контакты с лидерами алжирского Исламского фронта спасения и суданского Национального исламского фронта, во главе которого стоял известный исламистский идеолог Хасан ат-Тураби.
- ¹² Jeune Afrique/L’Intelligent, no. 2284, 2004, с. 56.
- ¹³ Ibid, с. 55.
- ¹⁴ Статистические данные Всемирного банка и Международного валютного фонда в Jeune Afrique/L’Intelligent, no. 2284, 2004, с. 57.
- ¹⁵ www.tunisiaonline.com/news/news.htm 25.07.2005
- ¹⁶ Jeune Afrique/L’Intelligent, no. 2285, 2004, с. 39.
- ¹⁷ Данные Всемирного банка в Jeune Afrique/L’Intelligent, no. 2285, 2004, с. 39; www.unfpa.org Etat de la population mondial, 2004.
- ¹⁸ Согласно принятым поправкам к тунисской конституции, Консультативный совет состоит из 126 членов. Часть из них избирается депутатами Палаты депутатов (85), часть назначается главой государства (41) – www.tunisiaonline.com/news/ 7.07.2005.
- ¹⁹ www.tunisiaonline.com/elections2004/nouvelles/ 1.07.2005.
- ²⁰ Camau M., Geisser V. Le syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. Presses de Science Po, 2003. Cit.: L’Express, 23.10.2003, с. 24.

ВЛАСТЬ И СВЕТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ТУНИСЕ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ БЕН АЛИ

7 ноября 1987 г. в Тунисе произошел бескровный государственный переворот. Новый президент Бен Али осуществил некоторые меры по политической либерализации и демократизации, в частности, была введена многопартийная система. Однако по-прежнему сохранялась сильная президентская власть, фактически авторитарный режим, контролировавший все общество – от составления планов социально-экономического развития до спорта.

Ровно год спустя Бен Али обнародовал текст Национального пакта, положения которого должны были соблюдать подписавшие его общественные организации и светские политические партии. Базовым являлось положение о национальном консенсусе, который был призван устранить раскол в обществе, способствовать общенациональной солидарности. Национальный пакт сковывал инициативу и самостоятельность присоединившихся к нему общественно-политических организаций.

Придя к власти, Бен Али приступил к реформированию правящей партии, которая в феврале 1988 г. была переименована в Демократическое конституционное объединение (ДКО), пересмотру ее программы, методов работы, обновлению руководства, привлечению в партию молодежи и интеллигенции, демократизации внутрипартийной жизни. Курс на обновление руководящих кадров создавал возможности для социальной мобильности в рамках правящей партии. В партии стали регулярно проводиться дискуссии на острые и злободневные темы. Росту популярности и влияния ДКО способствовали лозунг о социальной справедливости, успехи в области экономики, курс Бен Али на повышение благосостояния тунисцев и снижение числа тех, кто проживал ниже черты бедности, что способствовало падению влияния исламизма.

Быстрыми темпами возрастала численность правящей партии. На фоне великана ДКО оппозиционные партии казались карликами. ДКО имело в 1994 г. 6713 первичных парторганизаций. В том же году все оппозиционные партии располагали только 250 первичными организациями, из них Движение демократов-социалистов (ДДС) – 149, Партия народного единства (ПНЕ) – 36, Движение обновления (ДО), или «Ат-Тадждид» – 23, Демократический юнионистский союз (ДЮС) – 22, Прогрессивное социалистическое объединение (ПСО) – 14, Социально-либеральная партия (ЛСП) (в 1988–1993 гг. называлась Социальной партией за прогресс) – 6¹.

Сращивание правящей партии и государства, существование ее разветвленной инфраструктуры на всей территории страны, внутрипартийная перестройка, повысившая привлекательность ДКО и ее эффективность, на фоне слабых, немногочисленных по своему составу светских оппозиционных партий были основными причинами подавляющего превосходства ДКО на выборах. О сравнительной популярности и известности лидеров правящей и оппозиционных партий можно судить по дополнительным выборам в парламент в конце 1996 г. Борьба за одно место развернулась в Бен Аруси. ДКО решило сделать уступку оппозиции и не выставило своего кандидата. Депутатский мандат получил кандидат ПНЕ и ДЮС, образовавших ранее блок. Однако явка избирателей составила менее 5% (!), что убедительно подтвердило отсутствие у оппозиционных партий серьезной поддержки электората².

Следует подчеркнуть, что ДКО ради ослабления оппозиции перехватило у нее лозунги плюрализма, демократии и либерализма, переманивало в свои ряды наиболее способных и энергичных политических деятелей других партий, давая им возможность продвигаться по партийной линии или предлагая высокодоходные должности в государственной администрации или государственном секторе экономики.

2 апреля 1989 г. состоялись первые с 1981 г. многопартийные выборы. Светская оппозиция, в которой ведущую роль играло ДДС, потерпела сокрушительное поражение, набрав лишь 3,76% поданных голосов. За списки независимых, подавляющую часть которых составляли исламисты, проголосовали 14% избирателей³. Светские оппозиционные партии были разочарованы как результатами выборов, так и отсутствием заметного продвижения по пути демократизации. Однако Бен

Али довольно высокомерно заявил, что он один будет определять темпы и направления реформы.

В обстановке обострения отношений между правящим режимом и исламистами Бен Али стремился к сближению со светской оппозицией. Однако лишь после некоторых уступок со стороны Бен Али светская оппозиция в январе 1992 г. возобновила диалог с властями. По мере разгрома структур «Ан-Нахды» правительство усиливало давление на светские партии и организации, поскольку оно все меньше нуждалось в их поддержке и хотело их сделать более управляемыми. Репрессии в отношении оппозиции ослабляли ее, если можно так сказать, вдвойне. С одной стороны, она лишалась руководства, видных активистов и партийной печати. С другой, часть лидеров переходила на конформистские позиции, и партии разделялись на две или даже три фракции. Показательна в этом плане ситуация в крупнейшей оппозиционной партии ДДС во второй половине 90-х годов. Внутренние противоречия проявились и в ЛСП.

В соответствии с новым законом о выборах 27 декабря 1993 г. число мест в парламенте, за которые должна была развернуться борьба на выборах, увеличилось до 163. 144 места распределялись по мажоритарной системе. Остальные 19 мест подлежали распределению среди оппозиционных партий по пропорциональной системе представительства. Все шесть легальных оппозиционных партий (ДДС, ДО, ПСО, ПНЕ, ДЮС и Социально-либеральная партия – ЛСП), бойкотировавшие после апреля 1989 г. все выборы, согласились принять участие в них с учетом зарезервированных за оппозицией мест.

20 марта 1994 г. на парламентских и президентских выборах (при Бен Али они проводились одновременно) ДКО и Бен Али вновь одержали полную победу. ДКО получило все 144 оспариваемых места. Шесть оппозиционных партий вместе получили лишь 2,3% голосов, однако в соответствии с новым избирательным законом 19 мандатов автоматически получили эти партии: ДДС – 10, ДО – 4, ДЮС – 3, ПНЕ – 2⁴.

Лишь небольшое число иностранных наблюдателей присутствовало на выборах в стране, так как власти жестко контролировали иностранную прессу и телевидение. Распространение нескольких английских и французских газет было запрещено, корреспондента Би-Би-Си выслали из Туниса. Группа сотрудников французского телевидения была выдворена из

страны за якобы их враждебное отношение к властям и «непереносимые нападки на достоинство Туниса». Немногие местные журналисты, осмелившиеся критиковать правящий режим, подверглись запугиванию, увольнению и даже арестам. Самую бескомпромиссную позицию заняла Тунисская лига прав человека (ТЛПЧ), осуждавшая нарушения тайны голосования и вмешательство властей в проведение митингов во время избирательной кампании оппозиционных партий.

На президентских выборах Бен Али был переизбран, получив 99,9% голосов. М.Марзуки, бывший председатель ТЛПЧ (апрель 1989 г. – февраль 1994 г.), осмелившийся заявить за месяц до выборов о намерении выставить свою кандидатуру на президентский пост, поплатился за это. Он подвергся аресту 24 марта после своего интервью, которое он дал на следующий день после выборов испанской ежедневной газете «Диарио». М.Марзуки был обвинен в «распространении ложных сообщений, способных нарушить общественный порядок» и «порочающих судебные власти»⁵. За выраженное желание участвовать в президентской гонке пострадал также адвокат А.аль-Хани, лидер одной из непризнанных партий. Аресты А.аль-Хани и М.Марзуки еще раз показали, что правящая элита жестко поступает с теми, кто не согласовал с властью свои политические инициативы.

В мае 1995 г. оппозиционные партии впервые приняли участие в муниципальных выборах. Эти выборы еще раз продемонстрировали слабость оппозиции: вследствие отсутствия широкой сети партийных ячеек она (а также независимые) выдвинула своих кандидатов лишь в 47 из 257 округов. ДДС не смогло представить свой список в столице из-за нехватки кандидатов. СЛП имела список кандидатов лишь в Гафсе. Результат был катастрофическим для оппозиции: она получила лишь 6 мест из 4090⁶. Слабость структур оппозиционных партий продемонстрировали также следующие муниципальные выборы в конце мая 2000 г. ДКО получило 93% от 4128 мест. Оно было представлено в каждом округе. Оппозиционные партии смогли выставить кандидатов лишь в 66 округах и независимые – только в 22. Это негативно сказалось на результатах оппозиции, поскольку она не смогла в полной мере воспользоваться изменениями в законе о выборах в 1997 г. Хотя независимые и оппозиционные кандидаты получили 243 мандата по сравнению с 6 в 1995 г., они могли бы реально рассчитывать

на более чем 800 мест в муниципальных советах. По закону о выборах 1997 г. ни одна партия не могла иметь больше 80% мест в муниципальных советах. Однако это положение действовало только в тех округах, где оппозиция выдвинула своих кандидатов⁷.

Неразвитость своей партийной инфраструктуры, малочисленность активистов оппозиционные партии могли бы компенсировать объединением усилий в борьбе за демократию и свободу, созданием широкой коалиции. Однако соперничество за благосклонность Бен Али и опасение, что правящий режим мог бы расценить образование коалиции как вызов со стороны оппозиции и подвергнуть ее массовым репрессиям, препятствовали формированию такого альянса. Лишь в редких случаях и ненадолго некоторым оппозиционным силам удавалось сгруппироваться или скоординировать свои усилия. В начале 2000-х годов предпринимались попытки сплотить светскую и исламистскую оппозиции. Во время визита в Лондон в июне 2000 г. М.Марзуки, представитель запрещенного Национального совета свобод в Тунисе (НССТ), объединявшего 35 тунисских оппозиционеров и основанного в конце 1998 г., объявил, что планируется проведение национальной конференции демократов, которая заложила бы основы демократического государства в Тунисе. В Лондоне он встретился с лидером «Ан-Нахды» Р.Ганнуши. М.Марзуки выразил надежду на то, что члены «Ан-Нахды» примут участие в планируемой конференции, на которой могло бы состояться объединение светской и исламистской оппозиции. Однако было бы чрезвычайно трудно преодолеть недоверие между светскими партиями и «Ан-Нахдой».

Во второй половине 90-х годов на политической арене Туниса оппозиционные партии фактически выступали в роли статистов: произошла деполитизация внутренней жизни страны. Местная пресса утратила независимость. Между оппозицией и властью возникли патронажно-клиентельные отношения: партии оказались в зависимости от финансовой помощи государства, их лидеры пользовались определенными привилегиями, правительство могло оказать влияние на избрание видных деятелей оппозиции на выборах. Фактически единственным источником финансирования избирательной кампании, СМИ и парламентской и внепарламентской деятельности оппозиционных партий была государственная финансовая помощь. Одним из средств поощрения лояльных правящему режиму оппозици-

онных лидеров служили их назначения в различные комиссии. М.Хармель (ДО) был назначен даже председателем комиссии по парламентскому иммунитету. Впервые депутат от оппозиционных партий возглавил одну из комиссий.

Клиентела Бен Али, со своей стороны, демонстрировала лояльность своему патрону. Политические и общественные деятели, осмелившиеся критиковать политику президента, сразу же подвергались нападкам со стороны лояльных оппозиционных партий. Эти партии опровергали обвинения правящей элиты Туниса в нарушении прав человека и свобод, что шли со стороны международных правозащитных организаций, международной общественности и Европарламента. Руководители ПНЕ и ДЮС М.Бельхадж и А.Тлили в совместном коммюнике в ответ на принятие в июле 1996 г. Европарламентом соответствующей резолюции осудили ее «нравоучительный тон». Лидер ДО М.Хармель назвал эту резолюцию «недоброжелательной и неприемлемой»⁸. Когда оппозиционные партии критиковали ДКО или некоторых представителей окружения президента, они это делали в осторожной и завуалированной форме. На критику же самого президента было наложено «табу». Создалась парадоксальная ситуация: оппозиционные партии, призванные противостоять власти, поддерживали основные направления политики правящего режима, различными способами контролировавшего их. Следование оппозиции в фарватере официальной политики приводило к утрате ею своего политического лица, деформации собственного политического курса. Зачем тунисцам голосовать за оппозиционные партии, если их позиции по основным вопросам почти не отличались от курса ДКО?

Во время президентских выборов 1994 г. оппозиционные партии призывали голосовать за Бен Али, в то же время соперничая с ДКО на парламентских выборах. Фактически то же повторилось на выборах в октябре 1999 г. Вместо того, чтобы поддержать кандидатов в президенты – председателя ПНЕ М.Амора или генерального секретаря ДЮС А.Тлили, ДДС, ДО и ЛСП поддерживали кандидатуру Бен Али. Правда, сами претенденты перед выборами сделали реверанс в сторону Бен Али. М.Амор отдал дань уважения президенту, который «сделал первый шаг, закрепляя принцип плюрализма». А.Тлили, как он выразился, выдвинул свою кандидатуру, чтобы позитивно прореагировать на «добровольную инициативу самого президента Бен Али»⁹. Он имел в виду июньский закон 1999 г. об альтер-

нативности президентских выборов. Сожалея о сложившихся отношениях между властью и оппозицией, генеральный секретарь ПСО А.Шабби в интервью журналу «Жен Африк» в декабре 1998 г. задал риторический вопрос, не лучше ли бы оппозиции сразу, оказывая поддержку Бен Али, несколько дистанцироваться от него, оставляя себе возможность критиковать некоторые действия правительства¹⁰.

К концу 1997 г. парламент одобрил изменения в законе о выборах: оппозиционные партии должны были получать, по крайней мере, 20% мест в парламенте; ни одна партия не имела права иметь больше 20% мест в муниципальных советах. Бен Али в сущности ничем не рисковал, учитывая крайнюю слабость оппозиции. Более того, это дискредитировало оппозицию в глазах общественности и электората, поскольку через эти уступки президента явно проглядывала беспомощность оппозиции.

Перед выборами в октябре 1999 г. Бен Али заявил, что поскольку конституция 1995 г. допускает лишь два переизбрания президента, он не намерен баллотироваться на этот пост в 2004 г. Как выяснилось позже, Бен Али намеренно вводил тунисцев в заблуждение. На выборах 1999 г. кандидатуру Бен Али поддерживали три оппозиционные партии: ДДС, ДО и ЛСП. Президентские выборы впервые прошли на многопартийной основе. В начале 1999 г. парламент одобрил поправку в конституцию, в соответствии с которой лидеры оппозиции могли выставлять свои кандидатуры на президентских выборах при условии, что они руководили своими партиями пять лет подряд и если соответствующая партия имела, по крайней мере, одно место в парламенте. Раньше кандидаты в президенты должны были получить поддержку 30 членов парламента или мэров, что исключало появление кандидатов, не утвержденных ДКО. Вновь преимущество Бен Али и его партии было подавляющим. Он получил 99,44% голосов, а ДКО – 148 из 182 мест в парламенте. Оппозиция фактически не выиграла ни одного места, а лишь получила зарезервированные за ней мандаты: ДДС – 13, ПНЕ – 7, ДЮС – 7, ДО – 5, ЛСП – 2¹¹.

В ноябре 2001 г. Бен Али объявил о намеченной коренной реформе конституции, сообщив лишь некоторые ее детали. Примечательно, что он выразил свою благодарность всем тунисцам, которые выражали ему свою преданность и просили его остаться их президентом. Однако он не сказал, хотел бы он изменить конституцию так, чтобы получить возможность переиз-

бираться в третий раз. Прогрессивная демократическая партия (ПДП) (бывшее Прогрессивное социалистическое объединение, переименованное в 2001 г.), Демократический форум за труд и свободы (ДФТС), Конгресс за республику (КР) во главе с М.Марзуки, созданный в 2001 г., учредили Демократический координационный комитет для проведения кампании против четвертого президентства Бен Али, за освобождение политических заключенных, за свободу выражения мнения, независимость судебной системы. Против нового избрания Бен Али выступили также ЛСП, НССТ и другие правозащитные организации.

В конце февраля 2002 г. на специальной сессии парламента были рассмотрены предложения о внесении поправок в конституцию. Максимально допустимый возраст кандидата в президенты увеличился с 70 до 75 лет. Поскольку на выборах 2004 г. Бен Али было бы 68 лет, теоретически он мог оставаться на посту президента еще два срока: одновременно был отменен пункт о том, что президент мог переизбираться не более двух раз. Демократы рассматривали эти поправки как еще большее усиление авторитарности режима. В частности, эти изменения в конституции осудило ПСО. Хотя ПСО подписало в 1988 г. Национальный пакт, но неоднократно критиковало правительство политику. Возможно, поэтому оно было единственной легальной партией, не имевшей мест в парламенте с 1994 г. В 2002 г. от правящего режима дистанцировалось также ДО. Политику правящего режима и поправки в конституции критиковала также партия Демократический форум за труд и свободы (ДФТС) во главе с М.бен Джафаром, легализованная 26 октября 2002 г. Бен Джафар участвовал в создании в 70-х годах ДДС. Он выступил против «консенсусной линии» М.Муады и был исключен из ДДС в 1991 г. Три года спустя Бен Джафар основал ДФТС, реагируя, как он сам сказал, на «явное отсутствие демократической воли, продемонстрированное законодательными выборами в марте 1994 г.»¹² До 2002 г. легальными партиями были лишь те, которые подписали Национальный пакт.

В начале июня 2003 г. был опубликован новый доклад «Эмнисти Интернэшнл» («Тунис – цикл несправедливости»), в котором говорилось о серьезных нарушениях прав человека. В нем подчеркивалось, что угроза терроризма и интересы безопасности страны использовались правительством для ограничения гражданских и политических свобод. Правящий режим, со своей стороны, доказывал, что процесс либерализации и

демократизации в Тунисе якобы необратим, что доклад игнорирует такие достижения, как соблюдение социально-экономических прав тунисцев. Средний класс составляет ныне 60% населения страны¹³. Относительное число тунисцев, находящихся ниже черты бедности, удалось сократить с 20% в 1984 г.¹⁴ до 4% в 2003 г.¹⁵ Если в 70–80-х годах происходил массовый «исход» тунисцев в Западную Европу, то в начале 2000-х годов больше тунисцев возвращались на родину, чем покидали ее.

Однако нельзя сказать, что на общественно-политическом и экономическом небосклоне Туниса безоблачно, как утверждает правительство. Если ныне в стране преобладает вектор притока «умов», то, как отмечает сотрудник Техасского университета (Остин) К.М.Генри, по существу продолжается односторонний процесс утечки «политических умов». В качестве примера он приводит судьбу М.Марзуки, который, получив отказ в трудоустройстве на родине из-за его активной роли в защите прав человека, был вынужден эмигрировать во Францию, где он устроился на работу в одну из лучших французских больниц¹⁶. В феврале 2000 г., впервые после разгрома исламистской оппозиции в 1991–1993 гг., на юго-востоке страны вспыхнули беспорядки, в которых участвовали недовольные своим положением студенты высших учебных заведений и безработная молодежь. Они начались в небольших городах, где студенты нападали на государственные здания и вступали в стычки с полицией. Власти утверждали, что волнения продолжались лишь несколько часов и охватили небольшую территорию. Согласно неофициальным источникам, волнения длились несколько дней и распространились за пределы юго-востока на Сфакс, второй по численности населения город страны, и даже на предместья столицы. Сотни участников волнений были арестованы. 8 апреля 2000 г. во время похорон Х.Бургибы в Сфаксе массы студентов провели демонстрацию против президента Туниса. Нетерпимость власти к критике внутренней политики все более убеждала недовольных тунисцев в невозможности диалога с правящим режимом. Им, как и исламистам в начале 90-х годов, насилие казалось единственным средством изменения ситуации в Тунисе.

В последнее время отмечается усиление религиозности, которая, однако, не связана с политизацией ислама. Вместе с тем в журнале «Экономист» приводится мнение критиков политики правительства, опасаящихся, что «душная политическая

атмосфера в стране в перспективе сама может привести к сдвигу к политическому исламу»¹⁷. Оппозиционные деятели отмечают, что непотизм и коррупция в верхних эшелонах власти угрожают экономическому развитию страны. Слухи о коррупции в правящей верхушке, наживавшейся на приватизации государственных компаний, широко распространялись еще с начала 1998 г. Существует предположение, что сообщения о различных фактах коррупции и аферах исходили от некоторых членов правительства, которые якобы были возмущены быстрым обогащением и привилегиями президентского клана. Тунисские журналисты Сихем бен Седрин и Умар Местири в своей книге «Европа и ее деспоты» (Sihem Bensedrine et Omar Mestiri. «L'Europe et ses despotes». La Découverte, 2004.) обвинили жену президента Лейлу бен Али в прямой причастности к коррупции и аферам. С ее помощью новая авиакомпания, принадлежавшая ее брату, расширилась за счет «Тунисэр». Подобно Василе Бургибе, жене бывшего президента Хабиба Бургибы, она вмешивается во внутреннюю политику государства. Л.бен Али пытается расставить своих сторонников, уже пользующихся большим влиянием в аппарате полиции, в структуре правящей партии¹⁸.

Другая проблема, которая в будущем, как утверждает американский исследователь С.Дж.Кинг, может угрожать стабильности в Тунисе, порождена мерами по обеспечению контроля ДКО над сельскими районами страны. В результате этих мер, укрепляющих позиции традиционной элиты в деревне, происходит «маргинализация» крестьянства. Ключевой фигурой администрации деревни традиционно является «умда», или деревенский староста, лояльный по отношению к ДКО и получающий финансовые средства от государства. Материальная помощь, оказываемая «умдами» крестьянам, часто распределяется фактически в соответствии с исламскими предписаниями. Тем самым, как отмечает Дж.Кинг, «лишь обеспечивается концептуальная поддержка исламистской оппозиции». Не каждый «умда» является шейхом – вождем племени. Однако многие шейхи укрепили власть своих семей путем консолидации политического союза с бюрократией ДКО и умелым использованием в своих интересах приватизации. Контроль ДКО на местном уровне привел к усилению социально-экономического неравенства в деревне, позволяя традиционной политической элите консолидировать свою власть через альянс с «урбани-

зированной» руководством ДКО. Авторитарный режим Бен Али принес наибольшие дивиденды «крупным землевладельцам и городской буржуазии, которые извлекли выгоду из различных аграрных реформ, осуществлявшихся, по крайней мере, с 1990 г.»¹⁹. Ситуация в деревне приводит к ускорению миграции крестьян в столицу и другие города.

Кроме того, тунисская экономика может пострадать от процессов глобализации. В соответствии с договором об экономической ассоциации между Тунисом и ЕС в 2008 г. будет создана зона свободной торговли, Тунис уберет протекционистские барьеры, тунисский рынок станет открытым для промышленных товаров европейских стран. Согласно данным Всемирного банка, в условиях жесткой конкуренции Тунис потеряет несколько десятков тысяч рабочих мест в одной лишь текстильной промышленности.

В начале нынешнего века некоторые общественно-политические деятели, бывшие в прошлом в ближайшем окружении Бен Али, начали открыто критиковать авторитаризм президента. В конце марта 2001 г. почти 100 общественно-политических деятелей и представителей интеллигенции подписали заявление, осуждавшее планы Бен Али по изменению конституции, чтобы быть переизбранным в третий раз, и обвинявшее его режим в коррупции и nepотизме. Среди подписантов оказался также М.Шарфи, бывший министр образования. В просторном интервью газете «Монд» он так изложил причину своего ухода из правительства: «В 1994 г. на президентских и парламентских выборах президент и ДКО получили соответственно 99 и 98% голосов. М.Марзуки и А.аль-Хани, заявившие о намерении выдвинуть свои кандидатуры в президенты, подверглись преследованию и были брошены в тюрьму. Я отказался от своего поста, понимая, что возвращение к демократии 1988–1990 годов невозможно». В этом интервью он подчеркнул, что конечная цель Бен Али – стать пожизненным президентом.

М.Шарфи обещал развернуть кампанию за восстановление демократии и соблюдение прав человека. Он утверждал, что остается в оппозиции к исламистам, но выразил сожаление, что большое число членов исламистского движения остается в тюрьме. Экс-министр также подчеркнул, что коррупция приобрела такие масштабы, что это начинает подрывать экономическое развитие страны²⁰. В конце октября 2001 г. в интервью той же газете «Монд» К.ат-Тайиф, бывший политический советник Бен

Али, впервые выступил против его режима, заявив, что страной правит «мафия», связанная с семьей президента, и что тунисцы возмущены широкомасштабной коррупцией и отсутствием гражданских свобод. Он утверждал, что внутри правящей элиты существует оппозиция и что в эту оппозицию входят даже некоторые министры. К.ат-Тайиф рассказал о многочисленных угрозах в свой адрес после того, как был исключен из правящей элиты в 1995 г.²¹ Он был арестован в ноябре 2001 г. и в начале февраля 2002 г. приговорен к году тюремного заключения. Об усилении критики авторитарного режима (равно как и о типичной «репрессивной» реакции власти) свидетельствуют еще два факта. В июне 2001 г. С.бен Седрин, журналистка и активистка Национального совета свобод в Тунисе, была арестована и заключена в тюрьму по возвращении из Лондона, где она дала интервью арабскому телевизионному каналу «Аль-Мустакилла». В нем она изложила детали коррупционного скандала, в котором оказался замешанным близкий родственник Бен Али. В начале июля того же года судья М.Яхьяуи направил открытое письмо президенту, осуждая давление правящего режима на судей. Впервые высокопоставленный представитель судебной власти критиковал такой нажим. М.Яхьяуи не был связан с какой-либо политической партией, имел репутацию честного и высокопрофессионального судьи. Он был временно отстранен от своей должности, лишен жалования и в декабре уволен с работы. Ассоциация тунисских судей, принявшая в конце мая резолюцию, призывавшую к независимости судебной власти, опубликовала коммюнике, в котором поддержала М.Яхьяуи. В начале июня 80 судей распространили по Интернету неподписанный манифест, заявляя о своей решимости бороться за восстановление чести и достоинства тунисской судебной власти.

24 октября 2004 г. на президентских выборах соперниками Бен Али выступили М.Бушиха (ПНЕ), М.Баджи (ЛСП) и М.Халуани (Демократическая инициатива, в которую входили ДО и некоторые независимые). Первые два кандидата, всегда безоговорочно поддерживавшие правящий режим, служили «декором плюрализма» в стране. М.Бушиха заявил, что он не считает, что участвует в конкурентной борьбе с президентом. Он гордился на своем интернетовском сайте тем, что «оказывал безусловную поддержку реформам президента Бен Али»²². М.Баджи, со своей стороны, сказал, что своим участием в выборах он содействует демократическому процессу, начатому

Бен Али, и успех выборов для него имеет большее значение, чем результат его собственной избирательной кампании. Из трех конкурентов лишь М.Халуани осмелился осудить авторитарную власть Бен Али. Он подчеркнул «отсутствие условий для подлинного соперничества»²³. Его программа за ее чрезмерно критический характер подверглась цензуре, и благодаря усилиям властей она была почти проигнорирована СМИ. Согласно оценке С.бен Седрин, около 98% СМИ отражали точку зрения Бен Али и его партии²⁴. Неудивительно, что в конференц-зале отеля «Орьен» в центре столицы за несколько дней до выборов корреспондент еженедельной газеты «Ла Пресс» резонно спрашивал М.Халуани, в чем же конкретно заключалась его программа. Позиция М.Халуани, по-видимому, не осталась безнаказанной. На парламентских выборах ДО удовлетворилось тремя мандатами по сравнению с пятью в 1999 г. Результаты выборов для ДО показывают, что в распоряжении власти имеются средства, позволяющие наказывать оппозицию, когда она проявляет строптивость.

Например, на одном избирательном участке представитель Демократической инициативы пожелал участвовать в подсчете голосов, что допускается законом о выборах. Однако ему не позволили этого сделать. Лица, ответственные за работу избирательного участка, сказали, что получили указание закрыть участок в 16 час. 30 мин. и никого не впускать туда после этого²⁵. На парламентских выборах ДКО получило все 152 оспариваемых места. 37 зарезервированных за оппозицией мест распределились следующим образом: ДДС – 14, ПНЕ – 11, ДЮС – 7, ДО – 3, СЛП – 2²⁶. На президентских выборах Бен Али получил подавляющее большинство голосов – 94,48%²⁷.

Две другие легальные оппозиционные партии, не представленные в парламенте, – ПДП Н.Шабби и ДФТС М.бен Джафара – изобличали псевдоплюрализм президентских выборов. Вместе с тем они отказались поддержать Демократическую инициативу М.Халуани, потому что ДО якобы никогда не голосовало против правительственных проектов в парламенте.

После объявления результатов выборов последовала традиционная критика правящего режима за злоупотребления на выборах, использование административного ресурса. Однако среди оппозиции, вместе с тем, все больше говорили о слабости оппозиционных партий как важной причине их поражения. Чтобы преодолеть ее, необходимо укреплять как единство от-

дельных политических партий, так и единство всех демократических сил, преодолеть разрыв между оппозицией и широкими массами, разработать четкую программу партий, дистанцируясь от программы ДКО. Светской оппозиции придется решить проблему отношений с исламистской «Ан-Нахдой».

¹ Шаабан С. Тунис: Путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. М., 1996, с. 118, 130.

² The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 1078.

³ Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1999, № 166, с. 33.

⁴ Maghreb-Machrek. P., juillet-septembre 1997, № 157, с. 9.

⁵ Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1999, № 166, с. 35.

⁶ Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1999, № 166, с. 46; The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 1077.

⁷ The Middle East and North Africa 2004. L., 2003, с. 1077.

⁸ Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1999, № 166, с. 40.

⁹ Maghreb-Machrek. P., avril-juin 2000, № 168, с. 36.

¹⁰ Jeune Afrique. P., 22 décembre 1998–4 janvier 1999, № 1980–1981, с. 62–63.

¹¹ The Middle East and North Africa 2005. L., 2004, с. 1106.

¹² Jeune Afrique/L'intelligent. P., 18–24 novembre 2002, № 2184, с. 90.

¹³ Le Figaro. P., 22 octobre 2004, с. 4.

¹⁴ Jeune Afrique. P., 11–24 mai 1999, № 2000–2001, с. 37.

¹⁵ The Economist. L., 23–29 October 2004, № 8398, с. 57.

¹⁶ The Middle East Journal. Washington, V. 59, Spring 2005, № 2, с. 319.

¹⁷ The Economist. L., 23–29 October 2004, № 8398, с. 47.

¹⁸ Факты из книги изложены по: Le Monde. P., 24–25 octobre 2004, с. 2.

¹⁹ Book Reviews: S.J.King. Liberalization Against Democracy: The Local Politics of Economic Reform in Tunisia. Bloomington and Indianapolis, 2003, с. 36, 107. – Цит. по: Middle Eastern Studies. Washington, V. 41, March 2005, № 2, с. 296–297.

²⁰ Le Monde. P., 28 mars 2001, с. 4.

²¹ Le Monde. P., 30 octobre 2001, с. 8.

²² Le Monde. P., 24–25 octobre 2004, с. 2.

²³ El País Semanal. Madrid, 24 octobre 2004, с. 8.

²⁴ Le Monde. P., 23 octobre 2004, с. 6.

²⁵ Le Monde. P., 16 octobre 2004, с. 6.

²⁶ Пульс планеты. ИТАР – ТАСС. М., 25.10.2004, с. «СВ-8».

²⁷ Le Monde. P., 26 octobre 2004, с. 6.

**ЕГИПЕТ И ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Задача ядерного разоружения ближневосточного региона является важным условием для утверждения стабильности в арабском мире и соседних с ним странах, а потому считается одной из ключевых составляющих внешнеполитической стратегии АРЕ в период правления Хосни Мубарака. Так, выступая в сентябре 1987 г. на сессии ГА ООН, министр иностранных дел АРЕ Исмат Абдель Магид заявлял, что «Египет надеется на то, что средиземноморский регион будет зоной, свободной от ядерного оружия, а Средиземное море останется средством для торговых и культурных связей и бассейном безопасности и мира. Поэтому Египет настаивает на важности создания двух безъядерных зон на Ближнем Востоке и в Африке»¹.

Официальный Каир, как и власти других арабских стран, проявляет озабоченность по поводу ядерного арсенала Израиля, который, по мнению международных экспертов, насчитывает, по меньшей мере, 200 ядерных боеголовок, включая авиабомбы, боеголовки ракет и нестратегическое оружие². Израиль официально не признает наличия у него ядерного оружия, но и не отрицает этого³. Кроме того, он отказывается сотрудничать по данному вопросу с международными организациями, прежде всего МАГАТЭ. Попытки Телль-Авива монополизировать право на обладание ядерным оружием на Ближнем Востоке Египет рассматривает как желание Израиля установить свою гегемонию и расценивает как прямую угрозу общеарабской безопасности и главное препятствие новым отношениям сотрудничества в регионе. При этом Египет называет «исключительно вредной» идею о возможности обеспечения безопасности в регионе до достижения мира. Египет отказывается подписывать Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия, пока Израиль

не присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия и не поставит свои ядерные реакторы под международный контроль МАГАТЭ.

Не имея реальной возможности вынудить Израиль отказаться от своего ядерного вооружения, арабские страны осуществляют мониторинг за деятельностью еврейского государства в атомной области. В 1996 г. в Каире начал свою работу технический комитет ЛАГ по наблюдению за ядерной активностью Израиля. Несмотря на энергичные дипломатические усилия, Египту не удастся организовать международное давление на Израиль с тем, чтобы тот признал наличие у него ядерного оружия и перевел свою ядерную программу под контроль МАГАТЭ. По мнению египетской стороны, обладание Израилем ядерным и другими видами оружия массового поражения представляет серьезную угрозу безопасности региона и подталкивает другие страны к созданию оружия массового поражения, чтобы сохранить на Ближнем Востоке баланс сил. Как полагают в Каире, без ядерного разоружения на Ближнем Востоке невозможно достигнуть прочного мира, и поэтому «протест против ядерной политики еврейского государства необходим во имя сохранения безопасности в регионе»⁴. Попытки арабских стран провести в МАГАТЭ и СБ ООН резолюцию, осуждающую обладание Израилем ядерным оружием, всякий раз наталкиваются на яростное сопротивление США, которые тем самым со своей стороны косвенно признают монопольное право еврейского государства на ОМП.

Позиция Египта по проблеме ОМП поддерживается арабскими странами. Как было заявлено по итогам конференции стран-членов ЛАГ в Каире в июле 1997 г., «превращение Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового уничтожения, отвечает интересам всех народов и правительств региона, кроме израильских властей». При этом было подчеркнуто, что Израиль использует имеющееся у него ядерное превосходство в целях устрашения арабов и продолжения своей аннекционистской политики, что неприемлемо и для арабов, и для всего мирового сообщества⁵. По мнению ЛАГ, Израиль, владея ядерным оружием, создает весьма серьезный дисбаланс в вопросах обеспечения безопасности на Ближнем Востоке⁶. Гендиректор МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи заявил, что «в ядерных возможностях Израиля видит опасность для всего Ближнего Востока». По его мнению, «ближневосточным странам необ-

ходимо начать серьезный стратегический диалог о ядерных проблемах, целью которого станет превращение региона в зону, свободную от оружия массового уничтожения, ограничения гонки конвенционных вооружений и соглашения о принятии мер взаимного доверия»⁷.

В ответ на требования арабских стран и МАГАТЭ признать факт обладания ядерным оружием и подписать соответствующие международные соглашения израильские власти ссылаются на невозможность «обсуждать вопрос о понижении уровня защиты своей безопасности, пока в регионе не будет установлен прочный мир, а Израиль – принят соседями в качестве неотъемлемой части этого района планеты». По мнению израильского общественно-политического деятеля и публициста Ури Авнери, «граждане страны считают необходимым обладать таким мощным оружием, которое сделает невозможным уничтожение Израиля враждебными силами». При этом он отмечает, что «единодушие израильтян в вопросе об отказе разоружаться проявляется гораздо более явно, чем по любому другому вопросу внешней и внутренней политики»⁸.

Несмотря на серьезный дисбаланс сил в регионе, возникающий вследствие обладания Израилем ядерным оружием, официальный Каир заявляет о том, что не вынашивает планов создания и применения ядерного оружия, но в то же время, как заявил Хосни Мубарак, «если наступит такое время, когда нам потребуется ядерное оружие, мы колебаться не будем»⁹. Каир относится к ядерному оружию Израиля скорее как к средству сдерживания, а не нападения. Руководитель египетского Агентства по атомной энергии Фаиза Абдель Магид полагает, что «объективные возможности применения ядерных вооружений в регионе ограничены в силу его географической компактности», поэтому «в случае использования Израилем атомной бомбы против Египта или других арабских государств еврейское государство пострадает не меньше, чем остальные»¹⁰. Она также подчеркнула, что Египет «нисколько не колебался, подписав в свое время Договор о нераспространении ядерного оружия, несмотря на то, что Израиль отказывается скрепить своей подписью это ключевое международное соглашение. Мы стремимся к миру, а не войне»¹¹.

В Египте внимательно следят за деятельностью Израиля в области ядерных разработок. В АРЕ существует специальная служба, ведущая радиологическое наблюдение за территорией

Израиля, основная цель которой – фиксация утечек радиации с израильских предприятий¹². Весной 2004 г. в египетском парламенте прозвучал призыв к международному сообществу не допустить строительства Израилем нового ядерного реактора в пустыне Негев, где уже более 40 лет действует атомный центр Димона. В меморандуме, направленном премьер-министру АРЕ, подчеркивалось, что «намерение еврейского государства построить новый реактор якобы мирного назначения означает дополнительную угрозу национальной безопасности арабов и прежде всего – Египта»¹³.

В условиях, когда Израиль де-факто обладает ядерным оружием, негативную реакцию арабского мира вызывают обвинения со стороны США, Израиля и некоторых европейских государств в адрес арабо-мусульманских стран, подозреваемых в разработке различных видов ОМП. Такие обвинения были использованы не раз для нагнетания напряженности вокруг Ирака, Ирана, Ливии и Сирии. Они послужили поводом для вторжения в Ирак вооруженных сил США и их союзников в марте 2003 г. Как известно, и по сей день эти подозрения не нашли подтверждения. Дипломатическая активность Каира была направлена на поддержку Ливии, обвинявшейся США в производстве оружия массового поражения. Задачей Египта было недопустить применения против Триполи международных санкций или средств силового воздействия. Египет приветствовал решение Ливии, принятое в декабре 2003 г., отказаться от производства оружия массового поражения и присоединиться к ДНЯО. Комментируя решение ливийских властей, министр иностранных дел Египта Ахмед Махер заявил, что официальный Каир удовлетворен этим шагом Триполи и ожидает, что Израиль сделает то же самое¹⁴. С таким же призывом к Израилю выступил гендиректор МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи. Египет и Сирия на рубеже XX–XXI вв. осуществляли тесные дипломатические контакты с целью координации усилий по противодействию угрозе распространения ОМП. В совместной декларации по итогам египетско-сирийского саммита, прошедшего в Шарм-эш-Шейхе в декабре 2003 г., в частности, говорилось, что «в свете последних событий в регионе созрела необходимость превратить Ближний Восток в зону, свободную от ОМП, включая все страны, в том числе и Израиль»¹⁵. По словам сирийских руководителей, Дамаск подпишет ДНЯО только после того, как это сделает Израиль¹⁶.

Союзником арабов в противодействии ядерным амбициям Израиля стал Иран, сам являющийся объектом угроз и нападок со стороны США и Израиля. Тегеранские власти заявляют: «Израиль не является государством, подписавшим Договор о нераспространении ядерного оружия, в мировом сообществе остается страной, использующей жесткие и грубые меры, обладает ядерным оружием и проводит разрушительную политику в регионе, поэтому мы не признаем никаких прав этого государства». Мусульманские страны всерьез беспокоит тот факт, что поддерживаемое США еврейское государство желает быть единственным государством на Ближнем Востоке, обладающим оружием массового поражения. Обладание Израилем ядерным оружием, а также угрозы применить его против Ирана расцениваются Египтом и другими странами региона как стремление еврейского государства нарушить относительный военный паритет и утвердить свое господство на Ближнем Востоке. Таким образом, сближение позиций Ирана и арабских стран, в том числе и Египта, происходит также на почве противодействия усилению Израиля в регионе. В свою очередь, отвергая обвинения арабо-мусульманских стран, Израиль указывает на опасность иранской ядерной программы. По мнению бывшего главы правительства Израиля Биньямина Нетаньяху, «исламская бомба» в руках Ирана немедленно изменит равновесие сил на Ближнем Востоке»¹⁷. Израиль заявил, что условием для прекращения своих ядерных исследований ставит достижение мира в регионе и подписание мирных соглашений между Израилем и арабскими странами, а также Ираном. Позиции Египта и Ирана по вопросу использования ядерных технологий во многом совпадают. Каир и Тегеран намерены продолжать программы мирного использования атомной энергии. Как заявил в октябре 2004 г. премьер-министр АРЕ Ахмед Назиф, «наша ядерная программа развивается по плану, реализуемому министерством электрификации, и в ее отношении всегда будет соблюдаться принцип открытости и приверженности международным соглашениям»¹⁸.

МАГАТЭ выступает за начало и развитие стратегического диалога на Ближнем Востоке, целью которого должно стать создание в этом регионе безъядерной зоны. По словам генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда аль-Барадеи, на Ближнем и Среднем Востоке необходимо создать систему безопасности, которая базировалась бы на полном отказе от реа-

лизации программ по производству оружия массового уничтожения и на мерах по обеспечению доверия в регионе. В 2004 г. МАГАТЭ была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось, что «в свете развития событий, связанных с соблюдением основных положений Договора о нераспространении ядерного оружия, всем государствам Ближнего Востока следует выступить за создание безъядерной зоны». Активным инициатором данной резолюции выступил Египет. В целях содействия процессу сокращения ядерных вооружений в мире Египет вошел в состав международного межправительственного объединения «Коалиция нового плана»¹⁹. Согласно занимаемой участниками «Коалиции» позиции, непрерывный и необратимый процесс по сокращению ядерного оружия является «основным предварительным требованием» для его нераспространения. Кроме того, единственной гарантией против использования любого оружия массового поражения, включая ядерное, и в любом месте, может послужить лишь его полное уничтожение. Страны выражают «глубокую обеспокоенность» попытками расширить роль ядерного оружия в стратегических доктринах, включая «рационализацию его использования и развитие новых типов ядерного оружия»²⁰.

Отвергая использование атомной энергии в военных целях, Египет считает необходимым продолжать научные разработки в области мирного атома ради их содействия экономическому прогрессу и развитию. Каир уверяет, что «все атомные программы Египта служат только мирным целям и направлены на получение энергии, необходимой для развития его экономики»²¹. Согласно данным властей АРЕ, в стране действуют четыре центра, изучающие вопросы атомной энергетики: Центр ядерных исследований, Национальный центр по исследованию и технологиям в сфере радиоактивных излучений, Центр по изучению вопросов утилизации атомных отходов и Национальный центр по атомной безопасности и радиологическому контролю²². Египет выступает за активизацию межарабского сотрудничества в области мирного атома, и в частности, в рамках Арабского агентства по атомной энергии.

Египет продолжает выступать активным сторонником мира и стабильности на Арабском Востоке, за превращение региона Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения. Как видится, его усилия наталкиваются на противодействия государств, уже де-факто обладавших ОМП,

а сложная обстановка в регионе не позволяет государствам начать процесс разоружения и тем самым снизить уровень своей обороноспособности.

¹ АВП РФ, ф. 87, оп. 48, п. 92, д. 6, л. 78.

² Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 2003, с. 560.

³ Новиков И.А. Оружие массового поражения на Ближнем Востоке. – М.: ИИИБВ, 2004, с. 41.

⁴ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 07.04.1996.

⁵ Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 29.07.1997.

⁶ РИА «Новости». 07.01.2004.

⁷ Аль-Ахрам. 04.07.2004.

⁸ РИА «Новости». 08.07.2004.

⁹ Аль-Хаят. 05.10.1998.

¹⁰ ИТАР-ТАСС. Лента новостей. 12.07.2001.

¹¹ ИТАР-ТАСС. Лента новостей. 12.07.2001.

¹² Аль-Хаят. 16.07.2002.

¹³ Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 31.03.2004.

¹⁴ Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 22.12.2003.

¹⁵ Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 24.12.2003.

¹⁶ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 01.03.2004.

¹⁷ Нетаньяху Б. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2002, с. 169.

¹⁸ Аш-Шарк аль-Аусат. 19.10.2004.

¹⁹ В «Коалицию нового плана» входят 7 государств – Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР, Швеция и Бразилия.

²⁰ Declaration of the Ministers of the New Agenda Coalition. New York, September 23, 2003. www.wagingpeace.org.

²¹ РИА «Новости». 22.01.2005.

²² Аль-Хаят. 16.07.2002.

ЗАКОН О ВОЗВРАЩЕНИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Многоликое израильское общество на протяжении многих десятилетий создавалось благодаря сотням тысяч иммигрантов с различными традициями, укладом, этнокультурой, менталитетом и т.д. Это многообразие часто становилось источником возникновения многочисленных конфликтов и противоречий между различными слоями и этнокультурными группами. Особое место в современном Израиле занимают русскоязычные репатрианты. По оценке Еврейского агентства, XX век в истории Израиля можно назвать «веком "русской" алии»^{*}, в течение которого из СССР и стран СНГ в Израиль репатриировалось 1 091 545 человек¹. Одной из характерных особенностей русскоязычной иммиграции на рубеже XX и XXI веков стал постоянный рост числа неевреев в смешанных семьях репатриантов как результат неизбежной ассимиляции советского еврейства на протяжении нескольких поколений. Репатриантам-нееврейам по Галахе^{**} приходится преодолевать дополнительные трудности и сталкиваться со многими серьезными проблемами: оформление семейно-брачных отношений, переход в иудаизм, обряд захоронения и др., в связи с тем, что израильским властям не удалось в полной мере найти адекватного решения этих вопросов. В последние годы в израильском обществе все больше увеличивается дистанция между светскими и религиозными кругами, и на этом фоне все яростнее звучат нападки (в первую очередь со стороны уль-

^{*} Термин «алия», в переводе с иврита означающий «подъем», укоренился с давних времен, когда евреи прибывали в Эрец Исраэль преимущественно из Египта и Вавилонии, в топографическом отношении лежавших ниже Палестины.

^{**} Галаха – свод религиозных законов, унифицирующий и регулирующий еврейский образ жизни от рождения до смерти.

траортодоксов) на иммигрантов из СНГ, раздаются требования о сокращении нееврейской иммиграции и внесении изменений в Закон о возвращении (ЗОВ). Эти вопросы, становясь все более актуальными, неоднократно выносились на заседания Кнессета, широко обсуждались в средствах массовой информации, оказывались в центре дискуссий в научных кругах, получив большой общественный резонанс как в Израиле, так и в диаспоре. В результате спустя более полувека с момента принятия одного из основных законов страны – Закона о возвращении, воплотившего на практике идеологическую концепцию сионизма – «собираение евреев всего мира на исторической родине», в израильском обществе стали выдвигаться требования о его реформировании.

Закон о возвращении (1950 г.): исторический аспект

В первое десятилетие своего существования Государство Израиль прилагало огромные усилия для решения насущных проблем страны: укрепления обороноспособности и безопасности; создания и развития экономики, инфраструктуры, сельского хозяйства, государственных институтов и т.д. Одновременно страна широко «распахнула двери», принимая и обустривая огромный поток иммигрантов со всего мира. В создании Государства Израиль значительная роль отводилась помощи и поддержке со стороны диаспоры: во многих документах подчеркивалось, что Израиль – это государство еврейского народа, поэтому объединение евреев всего мира – основная задача страны и сионистского движения, требующая постоянных усилий со стороны всех евреев². После провозглашения Государства Израиль все ограничения на репатриацию были сняты, и в течение первого полугодия его существования – с 15 мая по 31 декабря 1948 г. – в страну прибыло 102 тыс. новых иммигрантов (по сравнению с 450 тыс. – в течение 29 лет Британского мандата). Массовая иммиграция продолжалась в течение 1948–1951 гг., и если в 1948 г. население составляло 650 000 человек, то менее чем за последующие три года оно возросло более чем в 2 раза³. В кратчайший срок в Израиль прибыли сотни тысяч выходцев из различных стран мира, которых, как подчеркивает израильский исследователь Ш.Эттингер, сближали общность религии, происхождения и стремлений, но разделяли различия языка, обычаев, навыков, бытового уклада, уровня жизни и подхода к основным вопросам общественного строя и культурным ценностям⁴.

Мощный поток массовой иммиграции воплощал на практике идеи сионизма по созданию государства для всех евреев, но одновременно вызывал напряжение в израильском обществе между различными группами: старожилами и вновь прибывшими; евреями европейских и восточных стран; более и менее обеспеченными слоями и т.д. Страна, с трудом выдерживая напор многочисленной «волны» репатриантов, продолжала последовательно осуществлять законодательную деятельность, направленную на абсорбцию иммигрантов. Так, например, в 1949 г. был принят Закон о всеобщем бесплатном обязательном обучении детей в возрасте от 5 до 14 лет с целью объединения и сплочения выходцев из различных стран⁵. Законодательно-правовая система Израиля продолжала формироваться в условиях массовой иммиграции, и в период ее наивысшего подъема – 5 июля 1950 г. Кнессет принял Закон о возвращении (Хок-ха-Швут) – один из первых законодательных актов, предоставлявших право каждому еврею иммигрировать и поселиться в Израиле при содействии и помощи со стороны государства⁶. Многовековое стремление еврейского народа к возрождению своего государства получило официальное юридическое оформление в Законе о возвращении (ЗОВ), гарантировавшем всем евреям право на возвращение на родину предков: «...Каждый еврей имеет право на иммиграцию (дословно «подняться») в эту страну»⁷. И далее в Законе: «...Двери его (государства Израиль. – *И.М.*) открыты для каждого еврея, стремящегося иммигрировать в страну»⁸.

В своей первоначальной версии Закон не давал конкретного определения лиц, которые могли пользоваться правом на иммиграцию, к ним относились верующие евреи и евреи, чувствующие себя связанными с еврейским народом и разделяющие общую веру⁹. По мнению израильских исследователей, в 50-х годах не возникало сомнений, что иммигранты, въезжавшие в бедный и воюющий Израиль, не вводят в заблуждение власти страны, признавая себя евреями, поэтому чиновники Министерства внутренних дел (МВД) записывали их национальность на основе представленных устных заявлений в портах прибытия; неевреи из смешанных семей по желанию могли принять иудаизм, и раввинатские суды были весьма благожелательны при решении этого вопроса¹⁰. В начале 50-х годов в связи с большим притоком евреев из стран Ближнего Востока Д.Бен-Гурион,

беспокоясь о чрезмерной «левантизации страны», предложил контролировать этот процесс, не убыстряя его искусственно¹¹.

Закон о возвращении позволил иммигрировать в Израиль каждому еврею кроме лиц, действия которых направлены против еврейского народа (такой отказ никогда не применялся на практике); тех, кто представлял опасность по медицинским показаниям; нес угрозу безопасности государству либо имел «криминальное прошлое, способное нарушить общественный порядок» (это положение часто использовалось в отношении евреев, пытавшихся избежать судебных расследований в стране проживания)¹². В конце 40-х – начале 50-х годов первое израильское правительство было вынуждено делать акцент в своих законодательных постановлениях на формулировках, необходимых для охраны здоровья и безопасности населения. Так, например, на заседании Кнессета в мае 1949 г. было принято решение «запретить въезд в страну туберкулезным, душевнобольным и носителям заразных заболеваний»¹³. В этот период представители СОХНУТа на местах имели соответствующие инструкции, так как Израиль с трудом справлялся с огромным потоком иммигрантов со всего мира.

Закон о возвращении утвердил основополагающий принцип государства: каждый еврей имеет право поселиться в Израиле и беспрепятственно получить гражданство, что также относилось к любому еврею, поселившемуся в стране или родившемуся в ней до принятия Закона. С принятием ЗОВ возник ряд юридических сложностей, основной из которых являлась проблема установления критерия, позволяющего признать данное лицо евреем: должен ли этот критерий совпадать с нормой Галахи (согласно которой евреем считается человек, рожденный от матери-еврейки или принявший иудаизм), либо евреем может быть признан всякий, кто заявляет о своей принадлежности к еврейскому народу. Закон не распространяется на евреев, перешедших в другое вероисповедание¹⁴.

Закон положил начало полемике как в религиозных, так и в светских кругах и поиску ответа на вопрос: «Кто есть еврей?»¹⁵. Хотя после образования Государства Израиль проблема национальной идентичности не была первоочередной, и сотни тысяч новых репатриантов, многие из которых не являлись евреями по Галахе, регистрировались в качестве таковых, израильские власти и раввины постепенно начали более пристально и тщательно относиться к проблеме оформления документов и обра-

щения в иудаизм. Этот вопрос оказался в центре политической и общественной жизни страны, став в марте 1958 г. предметом острых дискуссий в связи с тем, что бывший в тот период министр внутренних дел Бар-Иехуда (партия Ахдут ха-Авода-Поалей-Цион) издал директиву для служащих регистрационного ведомства, согласно которой «лицо, чистосердечно декларирующее свое еврейство, следует регистрировать как еврея, не требуя от него иных доказательств»¹⁶.

Данный документ вызвал протест в религиозных кругах, и под их давлением в июле 1958 г. правительство было вынуждено изменить директиву Бар-Иехуды, уточнив, что тот, «кто чистосердечно декларирует, что является евреем и не принадлежит к иной конфессии, регистрируется как еврей». По мнению израильского исследователя А.Рубинштейна, это решение правительства не успокоило религиозную общественность, поскольку утвержденная формулировка все еще была далека от религиозной концепции Галахи¹⁷.

Стремясь прояснить и конкретизировать проблему принадлежности к еврейству и желая успокоить религиозные круги, премьер-министр Д.Бен-Гурион в 1958 г. создал комиссию, которая обратилась к 50 еврейским мудрецам, раввинам, руководителям еврейских общин как в Израиле, так и в диаспоре для формулирования понятия «кого считать евреем», то есть по каким критериям определять принадлежность к еврейству в контексте Закона о возвращении¹⁸. На призыв комиссии откликнулись 45 из 50 мудрецов, причем 37 однозначно поддержали галахическое определение еврея. В результате лидер религиозной партии МАФДАЛ получил пост министра внутренних дел и 1 января 1960 г. издал «процедурное распоряжение» относительно установления еврейства. Согласно этому документу, «еврей – тот, кто рожден от матери-еврейки и не принадлежит к иной конфессии или принял иудаизм согласно Галахе»¹⁹. Подобная формулировка, принятая под давлением религиозных кругов, не могла не беспокоить светскую часть населения страны.

Поправка к Закону о возвращении 1970 г. и ее влияние на иммиграцию

В начале 70-х годов постепенно усиливалась иммиграция из СССР в связи с ростом, по мнению американского исследователя Ц.Гительмана, национального еврейского движения в Советском Союзе и в результате активной поддержки на меж-

дународном уровне иммиграции советских евреев. Алия 70-х годов, заложив основу для дальнейшего развития иммиграции из СССР, явилась своеобразным «прорывом» в иммиграционном процессе.

Анализируя идеологические мотивы этой иммиграции в 70-х годах, следует подчеркнуть, что большое число среди репатриантов составляли активисты сионистского движения, «узники Сиона», «отказники» и др. В этот период сионизм в СССР официально рассматривался как подрывная враждебная идеология; репатрианты этого периода, стремясь на Землю обетованную, в определенной мере выступали против запрета сионистской деятельности, проявлений антисемитизма в той или иной форме, а также против политических, религиозных, культурных запретов и ограничений.

География выезда иммигрантов характеризовалась в основном преобладанием евреев из Грузии и западных районов СССР. Хотя в эти годы грузинские евреи составляли около 3% от численности советских евреев, их доля среди иммигрантов в Израиль составила 27%. Аналогичная ситуация сложилась с латвийскими и литовскими евреями, составлявшими примерно треть от всей еврейской иммиграции из СССР, хотя их численность тоже не превышала 3% всех советских евреев²⁰. Иммиграция из СССР в течение 1971–74 гг. составила более 100 тысяч человек²¹. Часть репатриантов состояла в смешанных браках, а определенная часть иммигрантов не считалась евреями с точки зрения традиционных еврейских законов.

В 1970 г. Кнессет, стремясь уточнить формулировку, кого считать евреем, и положить конец постоянным спорам и конфликтам по этому вопросу, принял дополнение к Закону о возвращении, где в статье 4Б давалось определение еврея по религиозному закону – Галахе: «...Еврей тот, кто родился от матери-еврейки или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии». В том же году в Законе появилась еще одна поправка, расширившая его формулировку, в связи с необходимостью в период активизации иммиграции из СССР разрешения проблем советских евреев, многие из которых состояли в смешанных браках. В соответствии с этой поправкой в пункте 4А «Права членов семьи» отмечалось: «...Права еврея, предусмотренные настоящим Законом, а также права репатрианта, предусмотренные Законом о гражданстве 1952 г., и все права репатрианта, предусмотренные другими законодательными

актами, предоставляются также детям и внукам еврея, его супруге/супругу, супругам его детей и внуков»²².

В мае 1971 г. Кнессет единодушно одобрил резолюцию М.Бегина (бывшего в тот период членом Кнессета) с обращением к правительству СССР разрешить свободную иммиграцию евреям из страны. Одновременно Кнессет внес дополнительную поправку в ЗОВ о предоставлении израильского гражданства евреям, требовавшим его, даже если они не переезжали (а в случае с советскими евреями не могли физически переехать) в Израиль²³.

Проблемы иммиграции из СССР в 70-х годах стали приобретать международный резонанс: в этот период проводились международные конференции с участием представителей международных еврейских организаций, фондов, а также западных союзников Израиля с целью защиты прав советских евреев в СССР и оказания помощи для иммиграции в Израиль. В 1971 г. состоялась первая Брюссельская конференция по проблемам защиты прав евреев СССР под председательством Д.Бен-Гуриона, а в 1976 г. – вторая аналогичная конференция под руководством Г.Меир.

Поправка 1970 г. к Закону о возвращении создала, по мнению израильских специалистов, парадоксальную ситуацию: возникало противоречие между демографической целью сионизма (рост еврейского населения) и законодательно-правовой системой страны, способствовавшей в последующие годы увеличению числа нееврейского и неарабского населения Израиля²⁴. Эта поправка не устраивала ортодоксальные круги, требовавшие дополнить формулировку уточнением о переходе в еврейство «в соответствии с Галахой», тем самым подчеркивая законность и приоритет ортодоксального гиюра и исключая регистрацию евреев, прошедших реформистский или консервативный обряд за рубежом. Несмотря на продолжительную и настойчивую борьбу, религиозным кругам не удавалось внести в гражданский закон свою интерпретацию поправки. В 1970–80-х годах для решения этой проблемы они оказывали всестороннее давление на правящие круги, но потерпели поражение из-за жесткой позиции и сопротивления со стороны неортодоксальных евреев США. В августе 1977 г. в ходе встреч с руководством Израиля делегация представителей американских неортодоксальных синагог четко высказала свое отрицательное отношение к изменению формулировок Закона. В результате израильским ортодоксам пришлось сми-

риться с возникшей ситуацией, и в виде «компенсации» они получили многократное увеличение финансирования иешив²⁵.

В дальнейшем под нажимом ортодоксов в 1989 г. в Кнессете вновь безрезультатно обсуждался вопрос о внесении изменений в формулировку Закона, так как неортодоксальные еврейские круги США пригрозили сократить финансирование в Израиле²⁶. На протяжении 70–80-х годов в израильском обществе происходило параллельно усиление двух противоположных тенденций: с одной стороны, стремление клерикальных кругов укрепить свое влияние на все сферы израильской жизни; с другой, постепенный рост и объединение светской оппозиции. Так, например, в 1984 г. было создано движение Хемдат (Совет за свободу науки, культуры и религии в Израиле), выступавшее за религиозный плюрализм, против диктата ультраортодоксов. В Совет движения вошли представители реформистских и консервативных синагог страны; а также многочисленных секулярных групп и организаций: Движения за еврейскую цивилизацию, женского сионистского движения (Наамат), Всемирного рабочего движения, группы «Конституция – Израиль» и многих других²⁷. Стремясь к преодолению противостояния и поиску компромисса, движение Хемдат выступило с инициативой создания специального Комитета с участием представителей различных течений иудаизма, правящих и общественных кругов, ученых, специалистов и других лиц для поиска решений спорных проблем и, в первую очередь, вопроса о гиоре (переходе в иудаизм). Эта проблема становилась все более актуальной в связи с ростом числа неевреев в смешанных семьях многотысячной русскоязычной репатриации последней «волны». Религиозные круги, настаивавшие на ужесточении закона о прохождении гиора, выступали против его реформистского и консервативного варианта. До последнего времени процедура ортодоксального гиора (а только он признается в Израиле) остается крайне сложной.

В связи с наплывом иммигрантов и остротой этого вопроса в 1995 г. было создано Управление по проблемам гиора, а в 1998 г. в результате компромисса, достигнутого при содействии правительства, возник Институт по переходу в иудаизм с отделениями в различных районах страны и с участием представителей ортодоксального, консервативного и реформистского иудаизма. Для решения проблем еврейской идентичности, приобщения к традициям и культуре были организованы образовательно-ин-

формационные программы для будущих репатриантов, с которыми они могли ознакомиться еще до отъезда в Израиль.

Вместе с тем процесс адаптации и интеграции русскоязычных репатриантов, проходивший трудно и подчас болезненно, еще больше осложнялся в связи с многочисленными проблемами неевреев. Религия, оказывая огромное влияние и давление на все сферы жизни израильского общества, диктовала необходимость решения дополнительных проблем как условия для успешной интеграции. Тенденция увеличения неевреев среди русскоязычных репатриантов вызвала негативную реакцию среди ультрарелигиозных кругов. В израильском обществе все громче и настойчивее стали раздаваться требования об ограничении иммиграции из стран СНГ и об изменении Закона о возвращении.

Дискуссия по вопросу реформирования ЗОВ

Ожесточенные дискуссии сторонников и противников изменения Закона проходили на всех уровнях: в официальных кругах, среди ученых и специалистов; в средствах массовой информации; на страницах научных и публицистических изданий и т.д.

По мнению известного израильского ученого М.Лисака, обсуждение Закона о возвращении охватывает широкий спектр различных проблем: а) историко-символических (определение компонентов еврейской идентичности); б) выработка критериев присоединения к еврейскому коллективу; в) предоставление израильского гражданства; г) регулирование величины и качественных характеристик иммиграционного потока²⁸. Ожесточенные споры по проблеме реформирования ЗОВ развернулись в средствах массовой информации. Среди многочисленных публикаций следует, на наш взгляд, упомянуть статью израильского публициста З.Хейфеца в «Джерузалем Рипорт» (май 2001 г.) с резким заявлением о необходимости отмены Закона как устаревшего и нуждающегося в коренном изменении для прекращения «...въезда в страну огромного количества фиктивных евреев». Острые дебаты по этой проблеме охватили не только израильское общество, но и диаспору. Так, например, план раввина и министра по связям с диаспорой М.Мельхиора (в котором он пытался одновременно разрешить конфликт с разными формами перехода в иудаизм и проблему нееврейских иммигрантов в Израиле), вызвал жаркие споры. В

своем плане М.Мельхиор предполагал ограничение иммиграции внуков евреев. В ноябре 1999 г. председатель партии Ядуд ха-Тора раввин Авраам Равиц в ходе полемики по изменению ЗОВ внес на рассмотрение Кнессета в качестве поправки пункт об ограничении репатриации внуков. Одновременно в защиту Закона выступил глава правительства Э.Барак, а также неформальное лобби из депутатов различных партий, как правящей коалиции, так и оппозиции. В результате возрастающего недовольства как в Израиле, так и в диаспоре попытками изменения Закона на пленарном заседании Кнессета в январе 2000 г. А.Равиц заявил об отзыве своей поправки²⁹. Фракция партии Демократический выбор составила обращение, подписанное 25 депутатами, с призывом сохранить ЗОВ без изменений с целью продолжения массовой репатриации в страну³⁰.

В дальнейшем накал дискуссий по этой проблеме продолжал нарастать, вызывая широкий резонанс. В российской диаспоре эта проблема также обсуждалась. По мнению президента ВААДа России М.Членова, «...Закон о возвращении принимался в 50-е годы, когда израильское общество было более либеральным и светским... Предложение изменить Закон – первая попытка изменить отношения между Израилем и русской диаспорой. Галаха до недавнего времени не только не принималась во внимание в России, но и практически была неизвестна в среде русских евреев...», далее подчеркивалось, что «...религиозные партии Израиля пытались разделить российских евреев на «чистых» и «нечистых» на уровне внуков»³¹.

Анализируя тенденции по отношению к изменению Закона в российском еврействе, следует, на наш взгляд, обратиться к опросу общественного мнения 2000 г. На вопрос: «Как относиться к изменению Закона о возвращении российские евреи?» – 45% высказались за его сохранение в сегодняшнем виде; 22% – за его либерализацию, т.е. за включение в него более широких кругов людей, чем сейчас; 20% – за его ужесточение, как предлагается определенными кругами Израиля; остальные затруднились дать ответ³². В начале 2000 г. в Москве в ходе встреч министра внутренних дел Израиля Н.Щаранского с лидерами российского еврейства была подчеркнута необходимость серьезного диалога между Израилем и диаспорой по вопросу об изменении Закона, учитывая, что эта проблема вызвала среди руководителей еврейских организаций России не меньше разногласий, чем в Израиле³³. На встрече Н.Щаранского в рамках

круглого стола с лидерами еврейской общины России приняли участие Ц.Маген, бывший посол Израиля в России, руководитель Бюро по связям с евреями бывшего СССР «Натив» («Путь»); вице-президент ВААДа России Р.Спектр; директор Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер» В.Мочалова; председатель общественного совета Российского еврейства Ю.Гусман, любавический раввин Берл Лазар, реформистский раввин Хаим Бен-Яков и другие. В ходе диалога был сформулирован протокол о намерениях Израиля и диаспоры сотрудничать в вопросах модернизации Закона о возвращении³⁴. В ходе обсуждения реформирования ЗОВ в израильских официальных кругах обозначились различные подходы к этой проблеме, и весь ход дискуссий сопровождался негативными выпадами со стороны ортодоксов в адрес русскоязычных репатриантов. Так, например, в декабре 1999 г. раввин Ш.Альперт на заседании парламентской комиссии по абсорбции иммигрантов назвал всех нееврейских иммигрантов «пятой колонной»; в конце ноября того же года раввин Д.Бенизри возглавил акцию протеста против некошерных «русских» магазинов в г. Бейт-Шемеш, обвинив иммигрантов в том, что они «заражают» Израиль «российскими недугами»; министр здравоохранения Ш.Бенизри на заседании кабинета министров, дистанцировавшись от заявлений своего брата, сам обвинил иммигрантов в том, что они принесли в страну «порок и проституцию»³⁵. Подобные высказывания еще больше обострили обсуждение ЗОВ, с одной стороны; но одновременно в этот период в правящих кругах отчетливо прослеживалась тенденция противодействия изменению закона. В конце 1999 г. на заседании Кнессета эту позицию четко подтвердил И.Барак, твердо заявив, что пока он стоит у власти, никакие изменения не будут вноситься в Закон о возвращении³⁶.

В юбилейном 2000 г., когда минуло ровно полвека с момента принятия ЗОВ, в официальных кругах страны полемика по его реформированию развернулась с новой остротой. По инициативе председателя парламентской комиссии по алии и абсорбции Н.Блюменталь (Ликуд) в Кнессете был проведен семинар на тему: «Израиль 2000 года: нужно ли менять Закон о возвращении?» с участием депутатов Кнессета от различных партий (НДИ, ИБА, Шинуй, ШАС), а также министров, представителей СОХНУТа; Земельного Фонда, Джойнта, научной интеллигенции и различных молодежных программ. В своей по-

зиции Н.Блюменталь (которую поддерживали далеко не все члены блока Ликуд) делала акцент на том, что игнорирование демографических тенденций в Израиле и диаспоре грозит причинением ущерба еврейскому народу и Государству Израиль, учитывая постоянный рост неевреев среди репатриантов³⁷. По ее мнению, ЗОВ в его нынешней редакции «открывает ворота для массовой нееврейской иммиграции»³⁸. В ходе семинара позиция Н.Блюменталь не нашла поддержки, и большинство выступавших (в том числе А.Шарон, А.Бург) высказалось резко против внесения поправок в ЗОВ. Председатель Кнессета А.Бург (партия Исраэль Ахат) в качестве аргумента отметил, что «...в СНГ ...осталось менее 900 тыс. человек, имеющих право на репатриацию согласно ЗОВ» и, по его мнению, изменения в законе приведут к ухудшению отношений с еврейством диаспоры и особенно со странами Запада³⁹.

Дискуссия продолжилась вновь в конце 2001 г. на комиссии Кнессета по алии и абсорбции, когда министр внутренних дел и председатель партии ШАС Э.Ишай в очередной раз поднял вопрос о притоке неевреев и настаивал на пересмотре ЗОВ для ограничения репатриации внуков евреев. По его мнению, внуки евреев и евреек не имеют права на возвращение, так как давно потеряли реальную связь с еврейством. С точки зрения министра внутренних дел, внуки евреев, приезжающие в детском возрасте с родителями, сохраняют шанс на получение статуса в еврейском государстве, а те, кто будучи взрослыми, самостоятельно собираются репатриироваться, должны быть лишены этого права⁴⁰. Дальнейший ход дискуссии показал, что проблемы реформирования ЗОВ затрагивают более глубокие процессы, происходящие в израильском обществе: его религиозный и светский характер; перед страной стоит выбор демократического или галахического пути развития. Так, например, обсуждая предложение Э.Ишаи, председатель Кнессета С.Ландвер (партия Авода) считала, что главная причина, разделявшая позиции сторон, заключается в разногласии о том, каким должно быть еврейское государство, и, несмотря на то, что существует проблема неевреев по Галахе и происходит рост неевреев среди репатриантов «последней волны», по ее мнению, следует видеть другой аспект: многие из этих людей служат в армии, платят налоги, погибают от террористов, но при этом лишены элементарных прав на оформление семейно-брачных отношений, достойные похороны и т.д.⁴¹

Многие израильские специалисты, анализируя современное состояние израильского общества, в последние годы отмечают усиление двух противоположных тенденций внутривнутриполитического развития: с одной стороны, рост демократических антиклерикальных сил; с другой, укрепление позиций ультраортодоксов и их стремление навязать религиозный образ жизни всему обществу. Вступив в XXI век, израильское общество стремится адекватно отвечать на вызовы еврейских фундаменталистов. По данным социологического опроса, проведенного Институтом изучения общественного мнения «Дахаф» («Едиот Ахронот», сентябрь 2001 г.), большинство израильтян предпочли бы жить в демократическом еврейском государстве и не приемлют религиозный диктат. По результатам опроса 744 человек (репрезентативная выборка еврейского населения без представителей арабского сектора): 71% респондентов высказался за открытие по субботам торговых и увеселительных заведений; 63% – за работу общественного транспорта в выходные дни; 62% – за введение светских браков и проведение свадебных церемоний раввинами всех направлений; 63% – за предоставление одинакового статуса различным течениям в иудаизме; 93% – за прохождение военной службы учащимися религиозных учебных заведений; вместе с тем больше половины опрошенных – 57% применительно к своей семье придерживаются традиционных взглядов и для своих детей предпочли бы ортодоксальный обряд бракосочетания⁴². Перед израильским обществом в настоящее время стоят задачи преодоления внутренних противоречий, усилившихся в начале XXI века, и, как считает один из руководителей Движения прогрессивного иудаизма М.Бродский, Израиль переживает глубокий кризис идеологии: сионизм, до сих пор удерживавший вместе еврейскую и демократическую составляющие, более не справляется с этой задачей, и, прогнозируя дальнейшее развитие ситуации, он подчеркивает, что «...цивилизационные векторы, действующие в противоположных направлениях, могут оказаться сильнее, чем существующее лишь пятьдесят лет «перемирие» между еврейским и демократическим характером государства, что приведет к глубочайшему расколу в обществе и его дроблению»⁴³.

Помимо идеологического аспекта проблемы существует также демографический фактор нееврейской иммиграции. Некоторые специалисты считают, что неевреи и иностранные рабочие укрепляют еврейское большинство населения страны

только за счет того, что среди них нет арабов; вместе с тем есть противники этой позиции, по их мнению, нееврейская иммиграция и приток иностранных рабочих действуют против еврейского большинства. В результате проблема иностранных рабочих и нееврейской иммиграции становится актуальной не только для Израиля, но и для всего ближневосточного региона, приковывая к себе внимание израильтян, палестинцев, а также остального арабского мира⁴⁴.

Подводя итог, следует отметить, что для успешного развития страны правящие круги, несмотря на трудности, должны направлять больше усилий на поиск компромиссов, обоюдного сближения и взаимопонимания всех сторон, необходимых для укрепления толерантности и сохранения баланса сил в израильском обществе.

¹ Рывкина Р. Русские евреи и Израиль – куда ведет эмиграционный мост // Иностранец, 14.03.2000, № 10 (317), с. 34.

² World Zionist Organisation and Jewish Agency for Eretz Israel (Status Law). 1952, sec. 1; sec. 5.

³ Dominitz Y. Israel's Immigration Policy and the Dropout Phenomenon // Russian Jews on Three Continents. Migration and Resettlement. Ed. by Lewin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband. Frank Cass. L., 1997, с. 114.

⁴ История еврейского народа / Под ред. Эттингера Ш. – М., Иерусалим – Мосты культуры, 2001, с. 597.

⁵ Там же, с. 600.

⁶ Fridlander D., Goldscheider C. The Population of Israel. Columbia University Press. N. Y., 1979, с. 29.

⁷ World Zionist Organisation and Jewish Agency for Eretz Israel (Status Law). 1952, sec. 1.

⁸ Gouldman M. D. Israel Nationality Law. Jerusalem, 1976, с. 19.

⁹ Бин-Нун А. Законы государства Израиль. Иерусалим, 1993, с. 14–15.

¹⁰ Торпусман А. Споры об определении еврейства. Иерусалим, 2001, с. 7.

¹¹ См. подробнее: Smooha S. Israel: Pluralism and Conflict. Berkeley. University of California Press. 1978.

¹² Воробьев В.П. Правовой статус личности в государстве Израиль: его основы, особенности и специфика. М., 2001, с. 125.

¹³ Рамм Р. Чистые и нечистые репатрианты // Алеф, февраль, 1996. № 622, с. 20–21.

¹⁴ The Encyclopedia of Judaism, ed. by Geoffrey Wigoder. New York, 1989, с. 384.

¹⁵ См. подробнее: *Shakis A.* Who is a Jew according to the Law of the State of the State of Israel? Jerusalem 1977, 1978 (Hebrew); *Gitelman Z.* Immigration and Identity. The Resettlement and Impact of Soviet Immigrants on Israeli Politics and Society. The Susan and David Wilstein Institute of Jewish Policy Studies, 1995; *Akzin B.* Who is a Jew? A Hard Case // *Israel Law Review* (1970), vol. 5, с. 259.

¹⁶ *Shafir G., Peled Y.* Being Israeli: The Dynamics of Multiple Citizenship. Cambridge, 2002, с. 145; *Вархафтуз З.* Декларация независимости: Декрет о порядке отправления власти и судопроизводстве (1949 г.) и проблема взаимоотношений между религией и государством. Тель-Авив, Саргай, 1982. Т. 1, с. 156–179 (иврит).

¹⁷ *Рубинштейн А.* Конституционное право Государства Израиль. Тель-Авив, 1999. Т. 1, с. 18 (иврит).

¹⁸ *Edelheit H., Edelheit A. J.* Israel and the Jewish World, 1948–1993. A Chronology. L., 1995, с. 51.

¹⁹ *Нойбергер Б.* Власть и политика в Государстве Израиль. Издательство Открытого Университета Израйля. Ч. 6, с. 117.

²⁰ См.: *Soviet Studies*, v. XXIX, № 4, October, 1977, с. 543–544.

²¹ *Gitelman Z.* From a Northern Country: Russian and Soviet Jewish Immigration to America and Israel in Historical Perspective // *Russian Jews on Three Continents*. Op. cit., с. 28.

²² *Hok yesod: Amendment № 2 (5730–1970)* // *Gitelman Z.* Soviet Political Culture: Insights from Jewish Emigres // *Soviet Studies*, v. XXIX, № 4, October 1977, с. 544.

²³ *Edelheit H., Edelheit A. J.* Israel and the Jewish World, 1955, с. 172.

²⁴ *Shafir H., Peled Y.* Op. cit., с. 146.

²⁵ *Торпусман А.* Указ. соч., с. 9.

²⁶ Там же, с. 10.

²⁷ Там же.

²⁸ Евреи из бывшего СССР в Израиле и в диаспоре / Под ред. Л. Дымерской-Цигельман, № 20–21. Иерусалим, 2001–2002, с. 37.

²⁹ *Прилуцкий А.* Отозвана поправка к Закону о возвращении // *Вести*, 6.01.2000.

³⁰ Там же.

³¹ *Иностранец*, 12.01.2000, № 1 (308), с. 25.

³² Там же.

³³ *Российское еврейство вступает в диалог* // *Вести*, 27.01.2000.

³⁴ *Иностранец*, 2.02.2000, с. 26.

³⁵ Через страсти непонимания – к братской любви // Иностранец, 8.12.1999, № 48 (305), с. 27.

³⁶ Там же.

³⁷ Рон С. Нужно ли менять Закон о возвращении // Вести, 9.03.2000.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Цинкер А. Государство Галахи и демократия // Вести, 13.12.2001, с. 9.

⁴¹ Ландвер С. Железный занавес от Эли Ишая // Вести, 13.12.2001, с. 9.

⁴² Израильтяне против харедизации страны // Вести, 26.09.2001.

⁴³ Бродский М. Цивилизационный выбор Израиля // Вести, 20.07.2000.

⁴⁴ Гордон А. Демография, ассимиляция и Закон о возвращении // Вести-2, 8.08.2000, с. 8.

**СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА
АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ)* является одним из ведущих акторов в регионе Залива. Наряду с Ираном эта организация определяет региональный баланс сил. Ирак в его нынешнем состоянии целиком и полностью занят решением своих внутренних проблем, поэтому его влияние на региональную ситуацию опосредованное, хотя в перспективе и эта страна должна стать силой, от которой также будет зависеть развитие отношений в регионе.

Кроме того, Совет сотрудничества доказал свою возможность влиять на ситуацию в период тех событий, которые воздействовали на жизнь региона: во время ирано-иракской войны, кризиса, связанного с иракской агрессией против Кувейта и последовавшим за ним затяжным кризисом в Ираке, который завершился падением режима Саддама Хусейна и военной оккупацией страны. По всем этим серьезным региональным проблемам ССАГЗ занимал единую позицию и проводил скоординированные действия, направленные на защиту интересов стран-членов. В современных условиях эта региональная организация должна разработать совместную стратегию, призванную способствовать обеспечению региональной безопасности и сохранению стабильности в государствах, являющихся ее членами.

* Название этой организации иногда звучит по-русски как Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, что не соответствует ее оригинальному арабскому названию, в котором отсутствует определение Залива (Арабский или Персидский) для того, чтобы избежать спора между арабами и иранцами по вопросу названия этого водного пространства.

В этой статье предпринята попытка проанализировать основные факторы, которые оказывают влияние на политику ССАГЗ сегодня, а также дать представление о ее первоочередных задачах.

Потенциалы стран-членов ССАГЗ

Страна	Население (2003 г.)	Площадь (кв. км)	Торговый баланс (US \$ млн.)
Иран	66479839	1648043	4400
Ирак	25175000	438317	1526
Бахрейн	689418	7175	1112
Кувейт	2546700	17818	11261
Оман	2331000	309500	2129
Катар	618000	11437	26453
Саудовская Аравия	22670014	2240000	42897
Объединенные Арабские Эмираты	4041000	77700	56300
Всего страны ССАГЗ	32896132	3373955	140152

Источник: the Middle East and North Africa 2005, 31st Edition, L., 2005.

Иракский фактор

Развитие ситуации в Ираке самым непосредственным образом воздействует на государства – члены Совета сотрудничества, которые расположены в непосредственной близости от него. От того, насколько успешно развивается политический процесс в этой стране, от возможностей обеспечить безопасность и создать условия для развития иракской экономики зависит будущее этого региона.

Политический процесс в Ираке поступательно развивается в соответствии с теми этапами, которые были намечены в соответствующих резолюциях Совета Безопасности ООН. После прошедших в январе 2004 года выборов было сформировано переходное правительство, хотя этот процесс сопровождался ожесточенной борьбой за власть между различными политическими силами, представляющими основные этнические и конфессиональные группы иракского населения. Члены прави-

тельства, президент, вице-президенты и спикер парламента были избраны в результате достижения консенсуса между основными политическими партиями страны. Шиитский Объединенный Иракский Альянс обеспечил себе парламентское большинство и в значительной степени установил контроль в стране, где шииты составляют большинство населения. Курды также получили широкое представительство в органах власти. Проигравшей стороной оказались сунниты, которые были на вершине власти в период правления баасистского режима. «Суннитский треугольник» остается зоной повышенной нестабильности. Ни коалиционным силам во главе с США, ни новым иракским властям не удастся справиться с обеспечением безопасности в стране. Силы сопротивления, представленные как бывшими баасистами, прежде всего бойцами баасистской милиции, так и членами элитных подразделений Саддама Хусейна и различными террористическими группировками, проникшими главным образом из соседних стран, ведут активную подрывную деятельность, и положить ей конец не удастся, потому что эти люди знают, что в новом Ираке им места нет. Таким образом, усилия по преобразованию Ирака в значительной степени тормозятся из-за отсутствия безопасности в стране. Кроме того, ощущается недостаток финансовых средств, что в условиях нестабильности не может измениться, так как иностранные инвестиции в такой ситуации поступают в минимальных объемах.

Тем не менее в Ираке отмечается повышенная экономическая активность прежде всего представителей местного предпринимательского класса. По всем расчетам, прирост ВВП за 2004 г. составил 40%, и эта тенденция сохранится и в 2005 г. В соответствии с подсчетами, сделанными МВФ и Мировым банком, рост ВВП в 2005 г. составит 15%¹.

Однако продолжающееся сопротивление означает, что значительная часть бюджетных средств будет тратиться на обеспечение безопасности. Отсутствие стабильности является основной причиной того, что нефтяной сектор Ирака пока не восстановил свою деятельность в полном объеме. Кроме того, растет инфляция. Другой серьезной проблемой является растущая безработица. По официальным данным, она составляет около 30% активного населения, хотя предполагается, что в действительности эта цифра значительно больше². Осознавая тяжесть решения экономических проблем, прави-

тельство разработало пятилетний план развития, основные положения которого сводятся к следующему: повысить уровень нефтепереработки, развивать газовый сектор, увеличить доходную часть бюджета путем усовершенствования налогового законодательства.

Страны ССАГЗ крайне обеспокоены тяжелым положением, сложившимся в Ираке, и прилагают усилия к тому, чтобы оказать ему возможную помощь. Их позиция по отношению к происходящим в этой стране событиям очень четкая и последовательная. Начиная с первых дней введения оккупационного режима в Ираке, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН члены Совета сотрудничества активно участвовали в регулярно проводившихся совещаниях «соседей Ирака», которые были призваны оказывать помощь процессу его восстановления. Первое совещание министров иностранных дел стран-соседей состоялось в Эр-Рияде 18–19 апреля 2003 г. Само место его проведения подтверждает особую роль, которую взяла на себя Саудовская Аравия – лидер ССАГЗ. Саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал на совещании выразил готовность своей страны «принять участие в международных усилиях по реконструкции Ирака и оказанию ему гуманитарной помощи»³.

Члены ССАГЗ выступают за скорейшее возвращение суверенитета Ираку и за тесное сотрудничество между коалиционными силами, возглавляемыми США и ООН, в деле обеспечения прогресса в развитии политического процесса в этой стране. На XXV совещании в верхах государств ССАГЗ, проходившем в Манаме в декабре 2004 г., лидеры этих стран подтвердили свое решительное неприятие любых действий, которые могут привести к распаду Ирака. Они также поддержали необходимость восстановления суверенитета, независимости и территориальной целостности этой страны, а также невмешательства в ее внутренние дела. Они призвали американскую администрацию совместно с ООН и мировым сообществом действовать активно так, чтобы дать возможность всем слоям иракского народа внести свой вклад в создание новой политической системы, принять участие в выборах и в формировании новых органов власти, которые будут определять политическое и экономическое развитие страны в будущем⁴.

Помимо политической поддержки, страны Совета сотрудничества оказывают значительную экономическую помощь Ираку.

Ее масштабы и формы зависят от степени заинтересованности той или иной страны в скорейшем преодолении Ираком экономических трудностей, так и в перспективах развития с ним экономического сотрудничества в будущем. В этом плане лидирует Саудовская Аравия, которая предоставляет Ираку большие кредиты, способствует деятельности своих частных компаний по восстановлению иракской экономики и оказывает большую помощь в гуманитарной сфере.

Кувейт также активно участвует в восстановлении экономики соседней страны. Для него установление добрососедских отношений с Ираком имеет особое значение, принимая во внимание тот факт, что Ирак претендовал на территорию соседнего государства в течение многих лет, и угроза нападения с его стороны была вполне реальной. В настоящее время кувейтское правительство готово всемерно поддерживать Ирак в надежде на то, что новые иракские власти откажутся от прежнего агрессивного курса в отношении соседа.

Вполне возможно предположить, что Ирак станет новым членом ССАГЗ, по крайней мере, будет участвовать в деятельности его экономических комитетов. При всей спорности подобных предположений их не стоит полностью отвергать.

Ирак – член ССАГЗ?

Если политический процесс в Ираке станет развиваться успешно и возникнет федеративное государство, то для него крайне важно будет подтвердить свою самоидентификацию как арабского и мусульманского государства. В этом случае присоединение его к Совету сотрудничества окажется вполне оправданным и необходимым. Глубокая трансформация иракской политической системы и его внешнеполитической стратегии создала необходимую базу для сближения Ирака с другими арабскими государствами региона – членами Совета сотрудничества. Для самих членов этой организации вступление Ирака может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Среди позитивных последствий можно отметить следующие: возможность более успешной координации нефтяной политики, что создаст благоприятные условия для развития нефтяного сектора всех арабских стран Залива. Ирак, кроме того, может стать выгодным торговым партнером членов ССАГЗ, принимая во внимание его большой внутренний рынок и традиционно достаточно высо-

кий уровень развития сельскохозяйственного и промышленного производства. Подключение Ирака к общей экономической деятельности ССАГЗ поможет в реализации планов организации по экономическому сотрудничеству, которые осуществляются с большими трудностями. Несмотря на то, что Единое экономическое соглашение было заключено еще в 1981 г. и оно предусматривало создание зоны свободной торговли и ускоренные темпы экономической интеграции в целом, таможенный союз был заключен только в 2003 г. Страны ССАГЗ планируют учреждение валютного союза в 2007 г. и выпуск единых денежных знаков в 2010 г. Кроме того, они собираются создать единые сети железнодорожного сообщения и водоснабжения⁵. Во всех этих проектах участие Ирака, несомненно, полезно. Ирак также был бы способен обеспечить потребности стран Совета сотрудничества в рабочей силе.

Политическое сотрудничество Ирака и государств ССАГЗ приведет к усилению арабского влияния на ситуацию в регионе и ослаблению позиций Ирана. Участие Ирака в деятельности Совета сотрудничества также создаст возможности для малых государств-членов этой организации уменьшить их зависимость от Саудовской Аравии, так как тогда они смогут балансировать между этими двумя крупными державами.

Говоря о гипотетических негативных последствиях для союза арабских государств Залива присоединения к нему Ирака, необходимо прежде всего отметить, что в этом случае организация должна будет взять на себя решение сложных проблем собственно Ирака, которые даже при его успешном продвижении вперед будут сохраняться. Не просто будет согласовывать политические позиции Ирака с позициями других членов Совета сотрудничества, принимая во внимание, в частности, его отличный от других стран-членов исторический опыт, состав населения и политическую культуру. Несмотря на то, что и Ирак, и государства Совета сотрудничества, несомненно, выиграют, если Ирак станет членом организации, по всей вероятности, этого можно ожидать не в ближайшей перспективе, а только после того, как завершится переходный период в становлении новой иракской государственности. Можно также предположить, что на первых порах Ирак не станет полноправным членом организации, а будет участвовать в работе ряда ее комитетов.

Иранский фактор

Иранская политика в регионе влияет на деятельность Совета сотрудничества. Прежде всего члены Совета сотрудничества организации поддерживают требование ОАЭ на возвращение им оккупированных Ираном трех островов: Большой и Малый Томб и Абу Муса. На своем совещании в верхах в декабре 2004 г. они вновь призвали Иран признать суверенитет ОАЭ над этими островами, над их воздушным и морским пространством и прилегающей к ним экономической зоной. Они считают необходимым получить согласие Ирана на разрешение этой проблемы мирным путем, на основе двусторонних переговоров или направив обращение в Международный суд⁶.

Страны Совета сотрудничества установили с Ираном дружественные отношения после того, как их позиции сблизились при совместном противостоянии с Ираком. После падения режима Саддама Хусейна политика в отношении новых иракских властей также во многом совпадает. Однако члены Совета сотрудничества обеспокоены тем, что Иран поддерживает шиитские политические партии Ирака и вмешивается в его внутреннюю жизнь. Об этом заявил бывший премьер-министр Ирака Аяд Алави в интервью саудовской газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» в начале сентября 2005 г.⁷ В то же время иракские шиитские политические силы вряд ли будут заинтересованы в зависимости от Ирана, так как это будет ограничивать их возможности играть лидирующую роль в политической жизни своей страны.

Кроме того, страны ССАГЗ обеспокоены амбициозными планами Ирана в военной области, прежде всего его стремлением к созданию ядерного оружия. В документах этой организации отсутствуют прямые обвинения в адрес Ирана, однако в них содержатся и призывы превратить регион Залива в зону, свободную от оружия массового поражения.

У Ирана и государств ССАГЗ различаются подходы к способам обеспечения региональной безопасности. Иран возражает против какого-либо участия иностранных держав в этом процессе, тогда как одним из основополагающих положений концепции региональной безопасности ССАГЗ является призыв к великим державам стать гарантами их безопасности. На практике их сотрудничество в области безопасности было реализовано заключением двусторонних соглашений между всеми членами организации и США, а также рядом европейских госу-

дарств. (Договор о сотрудничестве в области обеспечения безопасности, который был заключен в 1993 г. между Кувейтом и Россией, фактически заморожен.) Страны ССАГЗ являются до сих пор крупнейшим рынком для западного вооружения, в первую очередь американского. В 2003 г. Саудовская Аравия потратила на нужды обороны 18747 млн. долларов, тогда как Кувейт, следующий за ней по масштабам военных ассигнований, – 3794 млн.⁸

В ближайшей перспективе может встать вопрос о создании новой системы безопасности в регионе с участием Ирака. Позиции Ирака по этому вопросу вряд ли будут существенным образом отличаться от позиций государств Совета сотрудничества, что заставит Иран пойти на некоторые компромиссы.

Отношения со странами Запада

Совет сотрудничества осуществляет активные связи с США и европейскими государствами не только в сфере безопасности, но и в других областях, что определяется совпадением их экономических интересов, а также близостью позиций по многим актуальным проблемам современности. Наиболее приоритетным направлением внешнеполитической деятельности ССАГЗ после военной операции в Ираке стало развитие связей с ЕС, что должно сбалансировать их масштабные отношения с Соединенными Штатами.

В 2004 г. в Эр-Рияде было открыто бюро Европейской Комиссии, которое призвано осуществлять постоянный контакт с представителями Совета сотрудничества и проводить с ними консультации по вопросам, вызывающим взаимный интерес. Обе организации в условиях глобализации и усиливающихся угроз безопасности, таких как международный терроризм, наркотики, отмывание денег, распространение ОМП, растущая бедность в некоторых регионах и повсеместные экологические проблемы, стремятся развивать отношения сотрудничества для того, чтобы совместно противостоять этим угрозам. Совет сотрудничества, который обеспокоен тем, как развиваются события в Ираке, а также усиливающейся конфронтацией между США и Ираном, приветствовал бы более активное участие ЕС в деле обеспечения региональной безопасности.

С момента подписания в 1988 г. Соглашения о сотрудничестве между ССАГЗ и ЕС их отношения развивались главным образом в сфере экономики. В 1998 г. было заключено Согла-

шение об экономическом сотрудничестве, которое поставило задачу создания свободной торговой зоны между двумя региональными объединениями. Эта цель должна быть реализована в 2005 г. Однако недостаточное внимание, которое уделялось политическому диалогу, наносило ущерб обеим сторонам. Для ЕС государства-члены Совета сотрудничества являются важными торговыми партнерами, поставщиками нефти и нефтепродуктов, они также имеют стратегическое значение для стран ЕС, особенно после процесса его расширения, приблизившего его к границам региона Залива, поэтому ЕС принял решение распространить концепцию «Стратегическое партнерство ЕС на Ближнем Востоке», которая была опубликована в июне 2004 г. на страны ССАГЗ. Концепция направлена на поддержку реформ в этих странах, однако, как подчеркивается в этом документе, «реформы могут быть успешными только в том случае, если они инициированы самими обществами, а не навязываются извне»⁹.

Государства ССАГЗ заинтересованы в сотрудничестве с ЕС в предложенном им формате, так как это соответствует их планам проведения реформ в политической, экономической и социальной сферах.

Заключение

ССАГЗ сталкивается сегодня с новыми вызовами как в регионе, так и на глобальном уровне и должен вырабатывать стратегию, направленную на их эффективное отражение. Процесс реконструкции в Ираке происходит в сложных условиях отсутствия политической стабильности и контроля со стороны новых иракских властей, а также борьбы между различными социальными и политическими силами, интересы которых трудно согласовать. Это движение вперед будет долгим, и ССАГЗ должен принимать это обстоятельство во внимание и действовать, исходя из сложившейся ситуации. Поддержка развивающегося политического процесса очень важна для утверждения его легитимности и признания в арабском и мусульманском мире. Когда Ирак вновь обретет независимость и суверенитет, перед ним встанет вопрос о его будущей роли в регионе. ССАГЗ будет заинтересован в тесном сотрудничестве с этой страной или же даже в принятии ее в члены организации. В этом случае баланс региональных сил изменится в пользу арабских государств, что вынудит Иран адаптироваться к этим новым

условиям. При любых обстоятельствах экономическое сотрудничество между ССАГЗ и Ираком будет развиваться. Ирано-иракские экономические связи, которые в последние годы существования прежнего режима были интенсивными, также станут активизироваться. Экономическая интеграция региона Залива в рамках ССАГЗ, да и вне этой организации имеет хорошие перспективы для гармонизации отношений в регионе.

ССАГЗ будет стремиться к использованию заинтересованности ЕС в расширении связей с ним, так как это поможет ему более активно участвовать в решении актуальных проблем современности и укрепить свое положение на международной арене.

¹ MEED, 1–7 April 2005. Vol. 19, № 13, с. 26.

² Ibid.

³ Аш-Шарк Аль-Аусат, 19.04.2003.

⁴ Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. Ад-Даура аль-хамиса ва аль-ишрун лиль Маджлис аль-аая. Киммат Заид. Афак джадида ли мустакбаль ваъид (Совет сотрудничества арабских государств Залива. Двадцать пятая сессия Высшего совета. Саммит имени шейха Заида. Новые горизонты для многообещающего будущего). Аль-Имана аль-амма ли Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. Марказ аль-маалумат (Генеральный секретариат Совета сотрудничества арабских государств Залива. Информационный центр). Янаир 2005 (Январь 2005). – <http://www.gcc.org>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Аш-Шарк Аль-Аусат, 10.09.2005.

⁸ MEED, 28 January – 3 February 2005, vol. 49, № 4, с. 30–31.

⁹ GCC-EU Research Bulletin, Gulf Research Center 2005, с. 18.

ИСЛАМ В ГОЛЛАНДИИ

По прогнозам Центрального статистического бюро страны, численность мусульманского населения Голландии в 2006 г. достигнет 1 миллиона человек (328 тыс. – турки, 295 тыс. – марокканцы). В настоящее время из 886 тыс. населения, исповедующего исламскую религию, одна треть – представители «второго поколения». Большинство мусульман имеют голландское гражданство (по данным на 1999 г., – 66% турок и 50% – марокканцев)¹.

В начале 60-х годов прошлого столетия многие страны Западной Европы переживали период экономического подъема. Голландия не была исключением. Недостаток трудовых ресурсов компенсировался за счет привлечения иностранных рабочих, многие из которых были мусульманами. Первая волна мигрантов–мусульман в Голландию последовала из Марокко и Турции. В 70-х годах усилился поток мигрантов из бывшей голландской колонии – Суринама, причем планы мусульман из этой страны отличались от намерений выходцев из Марокко и Турции. Если марокканские и турецкие рабочие мигранты рассчитывали на временное пребывание в стране, то суринамцы приезжали со своими семьями, желая навсегда остаться на новой родине. Более того, многие из них владели голландским языком и были знакомы с культурой Нидерландов.

На начальном этапе институционализации исламской религии в Нидерландах мусульманам необходимо было создать места для отправления религиозного культа. Правительство субсидировало создание определенного числа мечетей и модельных домов. С 1976 г. в Нидерландах действует закон, согласно которому мусульманские общины, состоящие минимум из 1000 человек, имеют право на получение субсидии со стороны государства в размере 30% от стоимости сооружения. В 1981 г. в закон были внесены некоторые изменения, в частности, там уже ничего не говорилось о минимальной численно-

сти мусульманской общины, но был внесен пункт о том, что «на субсидию имеют право только мусульмане из среды иностранных рабочих». Часть мусульман-мигрантов (из Суринама) была лишена права на получение денежных выплат со стороны государства при строительстве молельных домов. Специальное постановление правительства действовало в отношении молуккской мусульманской общины, состоящей из бывших солдат голландской ост-индской армии и членов их семей. Оно гарантировало молуккским мусульманам 100% денежные субсидии при строительстве мест для отправления культа. Постановления о предоставлении денежных выплат мусульманским общинам вызвали бурные дискуссии в политических кругах страны. Лейбористская, Народно-демократическая, Христианско-демократическая партии выступили с инициативой об отмене предоставления субсидий на строительство мечетей, аргументируя это нарушением принципа разделения церкви и государства. Позиция правительства была несколько иной, в частности, министр культуры Нидерландов настаивал на оказании материальной помощи мусульманским религиозным организациям при этом строительстве, т.к. общины используют помещения не только в религиозных целях, но и для различных культурно-массовых мероприятий. В 1988 г. даже была создана специальная консультативная группа, занимавшаяся изучением этого вопроса, и не смотря на то, что решение комиссии было в пользу мусульман, правительство предпочло никак не вмешиваться в дела религиозных организаций.

С 1974 г. учащиеся из эмигрантских семей получили право обучаться в начальной и средней школе на родном языке. Позже политика властей была направлена уже на снижение культурного и языкового барьера между чужаками и принимающим обществом. Теперь в школах преподавание на родном языке осуществляется только 2,5 часа в неделю². Повысились требования к преподавателям этих языков, самым главным из которых было свободное владение голландским языком. Данная программа проводится на 3 уровнях: 1) в школах составляются расписания; 2) государство выполняет контролирующую функцию; 3) муниципалитеты должны следить за тем, чтобы охватывались все языковые группы мигрантов. Однако программы составлялись на арабском и турецком, хотя в действительности 60–70% учеников говорят дома на берберском и курдском языках (для муниципалитетов оказалось непосильной

задачей найти квалифицированных преподавателей и учебную литературу)³. Методические пособия, заимствованные с «исторической родины», не отвечали западным стандартам. Более того, часто языки, на которых дети разговаривают дома, не являются официальными в странах, откуда они прибыли, а значит, нет и соответствующих учебных программ. К этому остается только добавить, что учащиеся не однородны по этническому и возрастному составу. Обучение в группах нередко проводится в дополнительное время, возникает опасность соединения религиозного и политического компонентов. 70–80 тыс. детей из мусульманских семей посещают католические и протестантские школы. Зачастую родители выбирают частные христианские учебные заведения, руководствуясь тем, что в них сравнительно позитивное отношение к их религии, меньшее количество детей из эмигрантских семей, более того, в этих школах в расписание вводятся предметы по исламу. Исламские религиозные школы хотя и существуют в ряде муниципалитетов, но их явно недостаточно, мало преподавателей, владеющих голландским языком. В настоящее время в Нидерландах 29 исламских частных школ. Многие преподаватели в этих учебных заведениях немусульмане. Некоторые политики считают, что создание исламских школ мешает интеграции мусульман.

Первая попытка создать единый орган, представляющий интересы мусульман страны, была предпринята в 1974 г. Была создана Федерация мусульманских организаций Нидерландов. Ей не удалось сплотить все мусульманские общины страны, т.к. не были учтены интересы отдельных исламских организаций. И если до начала 90-х годов правительство способствовало созданию всевозможных исламских ассоциаций, следуя политике мультикультурализма, то позже ему потребовался некий представительный орган, который мог бы полнее выражать интересы многочисленной мусульманской общины Нидерландов, через него осуществлялся бы политический контроль за деятельностью исламских организаций. В 90-х годах при непосредственном участии правительства был создан Исламский совет Нидерландов, в который вошли Диянет, Союз марокканских мусульманских организаций и Всемирная исламская миссия Нидерландов, объединяющая суринамские общины. Второй крупной организацией стал Мусульманский совет, где были представлены другие, более мелкие этнические группы мусульман. В последнее время появились еще две крупные

исламские организации, каждая из которых претендовала на роль единого представительного органа мусульман Нидерландов: Совет мечетей Нидерландов и Нидерландский исламский совет⁴. Таким образом, в настоящее время в Голландии действуют четыре так называемые «организации-зонтики», каждая из которых объединяет многочисленные этнические группы мусульман страны. Между этими исламскими структурами ведется борьба за лидерство, за возможность вести диалог от лица всех мусульман страны. Однако правительство отказывается признавать любую из них в качестве единого представительного органа мусульман страны.

Мусульмане в Нидерландах неоднородны по этническому составу, поэтому объединить их оказалось очень сложно. В Голландии около 390 мечетей. Из них 200 контролируются турецкой общиной, 120 марокканцами, 40 суринамской общиной, 30 другими мусульманскими общинами⁵.

120 мечетей Нидерландов контролируются Диянетом (управление по делам религии Турции – официальный государственный орган, представляющий интересы турецких граждан на Западе в вопросах веры). Имамы фактически назначаются турецким правительством, которое также выплачивает им заработную плату. Вторая крупная турецкая организация «Милли герюш» («Национальный взгляд») – самая влиятельная и богатая исламистская община в Европе.

В 1978 г. был создан Союз марокканских мусульманских организаций Нидерландов, поддерживающий тесные связи с марокканским правительством, которое часто оказывает содействие в назначении имамов. Именно на этой почве внутри марокканской общины возникли оппозиционные группировки, желающие создать «независимые» и неподконтрольные правительству Марокко мечети⁶. Согласно проведенным в Голландии исследованиям, 64% марокканских организаций являются независимыми, не входят ни в какие национальные ассоциации.

В суринамской мусульманской общине несколько групп. Следует также отметить, что суринамская мусульманская община оказалась одной из самых организованных в Голландии. Количество их религиозных центров и ассоциаций стало стремительно расти в 70-х годах. Возможно, это объясняется тем, что мусульмане, являясь в Суринаме религиозным меньшинством, выработали механизмы приспособления к условиям иноконфессиональной среды, которые они перенесли на евро-

пейский континент. «Суринамский» ислам изобилует языческими компонентами. Среди суринамцев популярно движение «Ахмадийя», это объясняется тем, что это движение занимается активной проповеднической работой в Латинской Америке, в т.ч. в Суринаме, где у него есть свое отделение; многих суринамцев привлекает «либеральный ислам» этой секты.

Молуккский ислам подвержен сильному влиянию языческих элементов, хотя с 70-х наметилась тенденция к более строгому следованию религиозным нормам. Это объясняется тем, что многие молодые мусульмане из молуккской общины обучались в исламских центрах (Аль-Азхар), контакты с другими исламскими общинами также способствовали этому процессу. Некоторые представители молуккской общины являются мюридами суфийского шейха Назима аль-Хаккани.

В 2003 г. Европейская арабская лига, созданная в Бельгии, открыла первый филиал в Голландии. В своей вступительной речи глава голландского филиала Джамиль Джавад в марте 2003 г. заявил, что Израиль не имеет права на существование и должен быть уничтожен. Он также выступил с требованием запретить свободную продажу наркотиков, отменить закон, разрешающий проституцию. Он также потребовал, чтобы мусульманские праздники, арабский и турецкий языки были признаны государственными. Несмотря на антисемитские высказывания ЕАЛ, голландские власти разрешили создание филиала в ряде городов страны.

Необходимо заметить, что в Голландии в отношении этнических меньшинств проводится политика мультикультурализма. Для этой модели приоритетной задачей является достижение равенства перед законом. Во многом это обеспечивается с помощью законов о гражданстве. В Нидерландах мигрантам, которые легально проживают в стране более пяти лет, предоставлено право участвовать в выборах в местные органы власти. Однако право голосовать и выставлять себя в качестве кандидата на национальных выборах остается все-таки исключительной привилегией граждан этой страны. Здесь проводится политика, нацеленная на интеграцию иммигрантов и их детей. Эта политика не имеет ничего общего с ассимиляцией, напротив, создаются все условия для институционализации иммигрантской культуры и религии. Однако с конца 80-х годов общественности, равно как и правительству пришлось в несколько ином ракурсе посмотреть на присутствие ислама в стране.

Толчком к этому послужило в большей степени «дело» Салмана Рушди, вызванное публикацией его книги «Сатанинские стихи» и вынесенным ему за это аятоллой Хомейни смертным приговором в 1989 г. Дополнительным импульсом послужили демонстрации протеста против американских бомбардировок Ливии, а также войны в Персидском заливе. Отношение к мусульманскому меньшинству в Голландии двояко.

Например, лидеры Христианской демократической партии Бринкман и Люббер поддерживают дальнейшее проведение политики мультикультурализма в отношении мусульман. Их позиция сводится к тому, что культурные различия внутри общества вполне в порядке вещей. Иммигранты являются полноправными пользователями системы образования, участниками рынка труда и жилья, а также полноправными участниками демократического процесса принятия решений. С другой стороны, Либеральная партия и политический блок «Демократы-66» в лице Болкштайна и Ван Мерло выступили ярыми противниками интеграции мусульман в голландское общество. Противник интеграции профессор Ковенберг высказал опасения, что если мусульмане организуются в единый политический блок, то они будут требовать введения своих законов и мусульманского образа жизни; «мусульманская милитаризованная религия заразит нашу демократическую систему такими инфекциями, как кровная месть и отсечение конечностей»⁷. Известный голландский социолог Ван Ри заявил, что за последние 200 лет страна достигла высокого уровня секуляризации и общественных свобод и все это в скором будущем может быть утрачено⁸. Попытка защитить национальную культуру, отстаивая ее превосходство, по мнению западной исследовательницы В.Столк, является «культурным фундаментализмом». Она считает, что проблему мигрантов недопустимо рассматривать, учитывая только культурную составляющую, это просто наивно и подрывает основы нации, ведет к гомогенности, статичности⁹.

Процесс интеграции оказался довольно сложным. Мусульмане не всегда разделяют те ценности, которые доминируют в голландском обществе. Главные препятствия на пути интеграции мусульман в европейское общество – это европейские реалии, такие как расизм, ксенофобия. Кроме этого, мусульмане в Европе встречаются с социально-экономическими проблемами, среди которых центральное место занимает безработица. Мусульманские организации испытывают определенные труд-

ности при покупке земель для строительства мечетей. Например, при оформлении документов, связанных с приобретением турецкой общиной земельного участка в г. Гааге, было зафиксировано, что преимущество в случае последующей продажи будет за городскими властями. Только после утверждения этого пункта договора сделка состоялась. При строительстве жилых массивов городские власти часто намеренно не выделяют места для последующего сооружения мечетей. Местные жители выступают против передачи мусульманским общинам уже существующих зданий для последующей их перепланировки в места для отправления культа, т.к. это нарушает привычный уклад жизни городских кварталов. Мусульманским организациям приходится отстаивать свои права в судебном порядке¹⁰. В 1986 г. попытка муниципалитета одного из городов Голландии передать помещение местному отделению голландского общества геев в здании, где несколько комнат принадлежало суринамским мусульманам, вызвало резко негативную реакцию со стороны исламской общины. Мусульмане потребовали от городских властей отменить свое решение. Бурные дебаты вокруг этого инцидента транслировались по национальному телевидению страны.

В результате тесных контактов с коренным населением перед мусульманами (особенно вторым и третьим поколениями) остро встал вопрос, с одной стороны, сохранить идентичность, а с другой, найти свое место, реализовать себя здесь, в Голландии. В стране не хватает подготовленных религиозных исламских кадров. Эта проблема решается за счет приглашения духовных служителей из мусульманских стран, которые не владеют голландским языком, слабо разбираются в тех социально-политических процессах, которые происходят в Европе. Импортируемые имамы не понимают повседневных проблем мусульман, живущих в Голландии, и не пользуются особой популярностью среди молодежи. Второе и третье поколения мусульман по сравнению со своими родителями лучше образованы. Действительность ставит перед молодежью вопросы, на которые традиционные имамы мечетей не могут ответить. В результате молодежь посещает различные мечети, где проповедь настроена на исламистский лад, где задают тон интеллектуальные исламисты-радикалы, хорошо знакомые с европейской шкалой ценностей. Родители отправляют ребенка за «духовным прозрением» в мечеть, откуда он возвращается с

радикальной исламистской и антисемитской индоктринацией. Речь идет о настоящей войне культур. Европа, проповедующая гуманитарные ценности гуманными методами, столкнулась с организованным и все более крепнущим сопротивлением тоталитарного общества, действующего силовыми методами и использующего зомбирование.

Государство постепенно начинает вмешиваться в дела религии. Так, например, при назначении имамов учитываются не только их знания в области теологии, но и свободное владение голландским языком, способность вести переговоры с местными властями, знание законов страны. В мае 1986 г. Верховный суд Нидерландов вынес решение, по которому имамы мечетей получили законный статус духовных служащих. Тем не менее государство, придерживаясь принципа разделения государства и церкви, не вмешивается в трудовые споры, возникающие в среде мусульманского духовенства. Однако вышеназванный принцип разделения государства и церкви нарушается, когда возникает вопрос о приглашении имамов из-за рубежа. Данная процедура связана с разного рода сложностями бюрократического характера. Правительственные органы решают, является ли желательным приезд той или иной кандидатуры на должность имама с точки зрения безопасности страны. (Имам у себя на родине должен подать прошение в голландское дипломатическое представительство, затем его документы тщательно изучаются, через посольство собирается информация об этом духовном лице.) Индийская и суринамские мусульманские общины взяли на себя функцию по подготовке имамов, а также добились от государства разрешения на создание специальных подготовительных курсов по обучению духовных служащих. Христианская демократическая партия, в свою очередь, предложила на базе одного из голландских университетов создать кафедру по подготовке имамов.

Министр юстиции поддержал эту инициативу, на его взгляд, столь необходимую для обеспечения процесса интеграции. Он также заметил, что необходимо учитывать ту роль, которую играют имамы в мусульманских общинах, поэтому следует создать все условия, чтобы духовные служащие как можно лучше разбирались в различных социально-политических аспектах голландского общества. При этом он добавил, что государство не должно финансировать создание различных духовных заведений, так как это противоречит принципу лаи-

цизма (разделения церкви и государства), т.е. мусульманским общинам предстоит самостоятельно решить этот вопрос. Государство же будет оказывать только административную поддержку. Нидерландский министр иммиграции и натурализации Хилбранд Навийн пообещал сделать все возможное для того, чтобы в мечетях говорили на голландском языке, а мусульманские священники воспитывали у верующих лояльность к ценностям и нормам голландского общества. Как позднее заявила пресс-секретарь Навийна, министр не имел в виду, что молиться и выступать с проповедями в мечетях можно будет исключительно по-голландски, однако представители исламских общин в Нидерландах истолковали слова Навийна именно в этом смысле и выступили с протестами. Говоря о новой политике Голландии в вопросе иммиграции, Хилбранд Навийн сообщил, что он готовится предложить закон, по которому мусульманским священникам не будут выдавать въездные визы, если они не сдадут экзамен по итогам специального курса голландской культуры и языка¹¹. Прохождение этого курса недавно стало обязательным для всех мусульманских священников, приезжающих в страну. Теперь они вынуждены слушать лекции по проблемам отношения к женщинам, сексуальным меньшинствам, эвтаназии, свободе слова, вероисповедания и национальной терпимости.

Хилбранд Навийн является членом ультраправой партии, победившей на выборах вскоре после того, как был убит ее лидер Пим Фортейн, известный своими высказываниями, направленными против мусульман. Ранее Навийн уже выступал с резкими антииммиграционными заявлениями. В августе этого года он высказался за депортацию всех иммигрантов, совершивших преступления на территории страны, причем даже тех, кто уже стал гражданином Нидерландов. Министр также предложил сократить число прибывающих в Голландию иммигрантов на 80% и переоборудовать старые военные казармы под центры временного содержания для иностранцев. Иммигранты-мусульмане возглавляют все списки проблемных граждан: в этой социальной группе выше всего процент безработных, инвалидов, преступников, лиц, совершающих акты насилия в семье, и школьников, уклоняющихся от посещения учебных заведений. Министр юстиции Пит Хейн Доннер намерен позволить судьям выносить для преступников из числа молодых иммигрантов более жесткие приговоры, нежели для

коренных голландцев. В своей конфиденциальной служебной записке Доннер пишет, что особенно заинтересован в ужесточении мер, направленных против рецидивистов. Он крайне недоволен тем, что согласно статистике, иммигрантская молодежь совершает преступления чаще, чем местные голландцы. Он также выступает за то, чтобы родители были более ответственны за действия своих детей, предлагая в качестве наказания нерадивых родителей принудительные общественные работы¹².

В конце 90-х годов в Нидерландах наблюдался рост числа молодых людей, завербованных исламскими экстремистами для участия в «священной войне против врагов ислама». Об этом говорится в документе, направленном в парламент голландским министром внутренних дел Ремкесом. Документ основан на докладе нидерландской Общей службы разведки и безопасности, в котором отмечается, что эта тенденция «представляет серьезную угрозу для нидерландского общества». Причем в последнее время ряды сторонников джихада все больше пополняются молодыми людьми с хорошим образованием. Особенно много среди них выходцев из Марокко и других мусульманских стран. Причем часто завербованные родились и живут в Нидерландах и являются уже вторым или третьим поколением эмигрантов. Как отмечает Ремкес, в определенных группах молодых мусульман в Нидерландах «джихад» стал частью молодежной культуры. Проживающие в этой стране молодые мусульмане нередко высказывают желание отправиться на «войну с неверными» в Ирак, в Палестину, а также принять участие в борьбе против США и Запада. Вербовка молодых людей исламскими экстремистами происходит в мечетях, а также в специально снятых помещениях и в жилых домах. Нередко молодых людей вербуют в тюрьмах, где им представляют джихад как выход из их криминального прошлого.

Как правило, вербовщики постепенно изолируют намеченных ими людей от родственников и друзей и навязывают им радикальные взгляды. Слышатся открытые призывы присоединиться к джихаду в Чечне, а для того, чтобы получить физическую и стрелковую подготовку, молодым людям советуют пройти службу в армии, записываться в стрелковые клубы и секции по различным единоборствам. Недавно для «борьбы с неверными» в Кашмир были направлены двое молодых жителей города Эйндрховена, мусульмане Хасснуи и Эль-Бакиули¹³. Эти

молодые люди познакомились через популярный марокканский интернет-чат. Они не добрались до Кашмира, так как были убиты индийскими пограничниками при попытке нелегального перехода границы из Пакистана. Имам гаагской мечети Шейх Фавваз во время пятничной проповеди, транслировавшейся голландским телевидением, призвал проклясть президента США Джорджа Буша и его помощников, а также Ариэля Шарона и его солдат.

В декабре 2004 г. министр внутренних дел опубликовал доклад под названием «От даава (призыв) к джихаду», подготовленный голландскими спецслужбами, в нем говорится, что в Нидерландах находится до 50 тыс. потенциальных радикальных исламистов. Во многом это объясняется активной работой, которую ведут через интернет саудовские «благотворительные» организации (Фонд «Аль-Харамейн»), движение «Европейская Арабская Лига», «Хизб ут-Тахрир». Несмотря на контроль со стороны государства, в страну приезжают радикальные имамы из Сирии, Египта, Сомали, Судана, многие из которых прошли теологическую подготовку в Саудовской Аравии¹⁴. Спецслужбы Голландии отмечают, что растет интеллектуальный уровень исламистов. В радикальных группировках много представителей второго, третьего поколений мигрантов, владеющих языком страны, являющихся студентами университетов.

Основная причина заключается в том, что общество в силу разного рода предрассудков отталкивает их от себя: молодые мусульмане остаются невостребованными¹⁵. Молодежь первого поколения в своих взглядах чаще ориентируется на сверстников с исторической родины, тоже не находит себя в новых социокультурных рамках, не владеет голландским языком – остается в «зоне отчуждения» социума. Преподносимая им радикальная исламистская идеология, где центральное место занимает борьба ислама, а с ним всего правого, истинного с неверием, олицетворяющим все ложное и несправедливое, помогает молодым людям обрести цель в жизни. Эта идеология дает молодежи простые ответы на сложные жизненные вопросы.

Сегодня многие голландцы обеспокоены ростом экстремизма, который становится угрозой идеологии терпимости, являющейся политическим и идеологическим фундаментом страны. В 2002 г. Пим Фортейн впервые публично заявил, что мусульманское меньшинство в Голландии отказывается ассимилироваться и враждебно относится к духу терпимости, который

характерен для этой страны. Им была создана новая политическая партия – «Список Пима Фортейна», которая потребовала закрыть доступ в страну иммигрантам-мусульманам, обязать детей нынешних иммигрантов обучаться в школах, где преподавание ведется на голландском языке. Спустя три месяца после создания «Список» завоевал примерно 20% голосов голландских избирателей. Через несколько месяцев Пим Фортейн был убит нидерландцем, членом ассоциации защиты животных. В сентябре один из лидеров правой оппозиции в Нидерландах Герт Вильдерс призвал запретить на 5 лет иммиграцию из мусульманских стран и закрывать мечети, которые будут заподозрены в распространении экстремизма. По словам парламентария, Нидерланды нуждаются в жестких мерах, если не хотят потерять демократию. Христианско-демократическая партия премьер-министра Яна Балкененде нашла союзника в лице Либеральной партии в стремлении ужесточить иммиграционную политику. Как сообщило в июне прошлого года интернет-издание «Ислам Онлайн», три политические партии Голландии: Либеральная, Партия Пима Фортейна и Демократическая, две из которых являются партнерами в новом правом правительстве, призвали предоставить административным органам и местным властям право временно закрывать мечети в том случае, если они вовлечены в распространение «идей, подстрекающих к ненависти». Призыв трех партий был озвучен после того, как голландский телевизионный канал Dutch TV Channel продемонстрировал в эфире некоторые части пятничных проповедей в мечетях основных городов Нидерландов.

Имамы этих мечетей выражали гнев мусульман продолжающейся агрессией Израиля против палестинцев. Представители этих трех голландских партий охарактеризовали имамов «экстремистами, фанатиками и фундаменталистами». Депутат-демократ заявил, что парламент должен предоставить право мерам городов и главам муниципалитетов в случае, если было доказано, что мечети участвовали в распространении идей ненависти, закрывать их до тех пор, пока имамы подобных мечетей не будут заменены другими, не исповедующими фанатизм. Тем не менее Христианско-демократическая партия, крупнейшая среди входящих в правящую коалицию, и Партия Труда, находящаяся в оппозиции, отвергли этот призыв. Они считают закрытие мечетей неприемлемым, поскольку это не решает сложившейся проблемы. Убийство, совершенное мо-

лодым марокканцем из второго поколения иммигрантов, связанным с сетью радикальных исламистов, кинематографиста Тео Ван Гога, автора памфлета на тему ислама, стало поистине неслыханным для общества, в котором полагали раз и навсегда решенными все проблемы отношения людей с религией. Тот факт, что на теле убитого обнаружили документ, в котором перечислялись и другие намеченные жертвы, в частности из числа депутатов, поверг общество в оцепенение.

В этом списке значилось имя Айаан Хирси Али – нидерландской женщины-политика, мусульманки сомалийского происхождения (депутата нижней палаты парламента страны, члена Либеральной демократической партии Нидерландов, известной своей антиисламистской позицией)¹⁶. В августе 2002 г. она опубликовала книгу «Фабрика сыновей», в которой подвергла критике традиционные исламские взгляды на место женщины в обществе¹⁷. В 2003 г. заявила, что жизнь пророка Мухаммада не соответствует современным представлениям о нравственности, т.к. он, в частности, был женат на несовершеннолетней (жене пророка Аише было, по разным данным, от 6 до 14 лет). Призывала к закрытию мечетей, в которых распространялась книга о правилах физического наказания женщин. В 2004 г. совместно с режиссером Тео Ван Гогом создала документальный фильм «Покорность» об угнетении женщин в исламских обществах. Айаан Хирси получала многочисленные угрозы, находится под постоянной охраной полиции, место ее проживания засекречено¹⁸.

Убийство Тео Ван Гога спровоцировало расистские выходы, осуществленные нидерландскими экстремистами против мечетей и мусульманской школы, оно повергло в настоящий шок страну, отличающуюся самой большой в мире терпимостью, оно произошло в «голландском саду со множеством культур», где сообщества протестантов, евреев, мусульман свободно проживают бок о бок, в стране, широко распахнувшей двери для иммигрантов, отменившей удостоверение личности, сделавшей ставку на «социальную полицию» и либерализацию наркотиков, чтобы сократить преступность¹⁹. Убийство привело к эскалации этнической нетерпимости в стране. За неделю после убийства в Голландии было совершено несколько нападений на мечети и школы для детей турецких иммигрантов. 8 ноября была взорвана бомба у дверей мусульманской школы в Эйндховене.

Мусульманская община Нидерландов, насчитывающая примерно миллион человек (6% населения страны), выражает резкое недовольство нападениями на школы и мечети. Премьер-министр Нидерландов Я.Балкененде выступил с телевизионным обращением к нации, где заявил: «Мы не должны создавать в нашей стране радикального климата – позиция "мы против них" не приведет ни к чему хорошему. Нидерланды – это страна, граждане которой должны стремиться идти друг другу навстречу, страна, где встречаются культуры»²⁰. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, занимающаяся вопросами соблюдения прав и свобод, выразила свою «обеспокоенность климатом, сложившимся вокруг мусульман в Нидерландах» после убийства скандально известного режиссера Тео Ван Гога. «Голландия прославилась своей терпимостью. Она всегда была страной с достаточно высоким уровнем интеграции иммигрантов по сравнению с европейскими соседями. Однако недавние события показали, что проблемы все-таки существуют», – заявил на пресс-конференции уполномоченный ОБСЕ по борьбе с дискриминацией мусульман Омур Орхун, прибывший в Нидерланды, чтобы обсудить проблему мусульман-иммигрантов. В Нидерландах – стране, где около одного миллиона мусульман составляют приблизительно 6% населения, – существовавшая ранее социальная гармония была серьезно нарушена. «В Голландии есть проблема с терпимостью и преодолением дискриминации», – сказал Омур Орхун. – Однако ситуация не является трагической, и проблема может быть решена при наличии здравого смысла и готовности к созданию мостов взаимопонимания»²¹.

Вместе с тем голландские партии считают исламское присутствие важным фактором в политической борьбе, поскольку голоса мусульман играют все большую роль во время выборов. Так, согласно статистическим данным, около 400 тыс. мусульман являются избирателями на всеобщих выборах. К этому можно добавить тех, кто, не являясь гражданами, имеют вид на жительство и могут участвовать в местных выборах. Власти Роттердама согласились на создание избирательного участка в мечети «Гюльтепе», расположенной в пригороде Дельфсхавен, где проживает много представителей мусульманского меньшинства. Эта мера направлена на то, чтобы обеспечить более активное участие мусульман в муниципальных выборах, сообщает IslamOnline.net. Предложение открыть избирательный участок

прямо в мечети поступило от депутата Городского совета Ибрахима Бурзика, мусульманина марокканского происхождения. Ожидается, что решение городских властей распространится и на другие мечети Роттердама. Всего их в городе насчитывается более двадцати, и принадлежат они в основном турецким и марокканским исламским ассоциациям.

Впервые в истории Голландии мечеть используется в столь неожиданном качестве. Беспрецедентный шаг муниципалитета явно свидетельствует о стремлении властей обеспечить включение мусульманской общины в политическую жизнь и увеличение численности мусульманского электората. По мнению мэра Роттердама, открытие избирательного участка в мечети привлечет большее число мусульман к избирательным урнам и обеспечит равенство между представителями различных религий в Голландии, где уже давно существует практика создания избирательных участков в христианских храмах. Многие представители мусульманской общины приветствовали этот шаг. В свою очередь, правые партии подвергли это решение резкой критике, напомнив властям о важности соблюдения принципа отделения религии от государства. Однако, по мнению наблюдателей, истинной причиной этой критики является не забота правых о светских устоях государства, а опасение, что решением властей воспользуются левые партии, за которые традиционно отдает свои голоса большинство нидерландских мусульман. Последние несколько дней перед референдумом по проекту новой европейской конституции жители Нидерландов подвергались мощной пропагандистской обработке. Парадокс ситуации состоял в том, что и противники, и сторонники Основного закона Европы применяли общую тактику запугивания в борьбе за голоса избирателей. Как и во Франции, запугать население лучше всего удалось противникам конституции. Поскольку говорили они о конкретных, понятных большинству голландцев вещах, среди них одно из важных мест занимали рост иммиграции, распространение радикального ислама²².

Подавляющее большинство молодых мусульман страны видят свое будущее здесь в Нидерландах, они убежденнее по сравнению со своими родителями ориентированы на голландское общество, они – часть его культуры. Эта мусульманская молодежь старается интегрироваться в европейское общество, проводить межкультурный диалог, хотя, к сожалению, этот процесс осложняется всплесками религиозного экстремизма.

- ¹ <http://www.expatica.com>
- ² Berg en Dal, «Tolerance and understanding our muslim neighbours (TUM), EU Country Report / The Netherlands, Amsterdam, 2003.
- ³ Shadid, W., P.S. Van Koningsveld (Eds.): The Integration of Islam and Hinduism in Western Europe, Kok Pharos Publishing House, Kampen, 1991, c. 89–121.
- ⁴ Abdulwahid van Bommel. The history of Muslim Umbrella Organizations // Islam in Dutch Society. Current Developments and Future Prospects. Shadid, W., P.S. Van Koningsveld (Kampen: Kok Pharos, 1992), c. 133.
- ⁵ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's second Religion. London, 2002, c. 105.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Rath J., Penninx R. Western Europe and its Islam. Leiden, 2001, c. 37.
- ⁸ Там же, c. 39.
- ⁹ Stolke V. Talking culture: New boundaries, new rhetorics of exclusion in Europe // Current Anthropology, 1995, № 36, c. 18.
- ¹⁰ Rath J., Sunies T. Islam in The Netherlands: The establishment of Islamic institutions in a de-pillarising society. Leiden, 1997, c. 381.
- ¹¹ В Нидерландах мусульман заставят молиться на голландском (*Lenta.ru*, 04.10.2002).
- ¹² НИДЕРЛАНДЫ: Приговоры для преступников из среды иммигрантов станут более жесткими. 3.5.2005. 02:37 Миграция & Интеграция, IslamOnline RUS Media.
- ¹³ Исламские экстремисты, задержанные в Голландии, занимались вербовкой боевиков <http://www.terrorism.ru/news.phtml?day=03&month=09&year.03.09.2002>.
- ¹⁴ Gerstenfeld M. Radical Islam in The Netherlands: A Case Study of a Failed European Policy // JERUSALEM ISSUE BRIEF, Vol. 4, № 14, 2 January 2005.
- ¹⁵ Background of jihad recruits in the Netherlands http://www.aivd.nl/actueel_publicaties/andere_publicaties/background_of_jihad, 10 March 2004.
- ¹⁶ Ghorashi H. Ayaan Hirsi Ali: daring or dogmatic? Debates on multiculturalism and emancipation in The Netherlands // Focaal: European Journal of anthropology, 2003, № 42, c. 174.
- ¹⁷ Herman Brinks J. The Netherlands between islam and populism // English translation of «Les Pays-Bas, entre islam et populisme» in «Politique étrangère», 2005, № 3.

¹⁸ Европа и ислам <http://ru.wikipedia.org/>

¹⁹ Исламизм разбивает голландскую модель // ИноСМИ.Ru, 10.11.2004.

²⁰ Европа и ислам <http://ru.wikipedia.org/>

²¹ НИДЕРЛАНДЫ: ОБСЕ обеспокоена «климатом, сложившимся вокруг мусульман в Нидерландах» // Миграция & Интеграция, IslamOnline RUS Media 24.5.2005.

²² Реванш за молчание. Референдум по проекту новой европейской конституции прошел в Голландии.
<http://www.rg.ru/2005/06/02/gollandia-konstitucia.html>

РАЗВИТИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЛИВАНЕ И ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Последствия внутривнутриполитических процессов в странах Ближнего Востока выходят за пределы общества и политической системы конкретного государства. Социально-политическое развитие ближневосточных государств происходит в контексте общей ситуации на территории т.н. «Большого Ближнего Востока». Это понятие получило право на существование после распада СССР и наступления нового этапа «интеграции» обширного геополитического пространства от Мавритании до Афганистана и от Кавказа до Юга Аравии.

Официально мировое сообщество, в т.ч. и страны «Большой восьмерки», не приняли американскую инициативу «Большого Ближнего Востока» в качестве программы действий. Однако, несмотря на некоторую прямолинейность и неадекватность методов, предлагаемых в рамках данной инициативы, сам подход к рассмотрению общерегиональных проблем ни в коем случае не утрачивает своей актуальности и точно отражает особенности регионального политического климата.

Для пространства Большого Ближнего Востока характерны общие законы и закономерности развития, объясняемые связью и общностью геополитических и геоэкономических интересов, что и обуславливает формирование некой геополитической «арены». Ее главными регионообразующими факторами являются межгосударственные и этнполитические конфликты, исламские и национально-освободительные движения, проблемы этнорелигиозных меньшинств, существование традиционных систем общественных связей, собственные интеграционные проекты, региональные альянсы, а также интересы и влияние ведущих государств Востока и Запада.

Исходя из вышесказанного, текущую политическую обстановку в Ливане и вокруг него следует рассматривать, учитывая ряд конкретных явлений социально- и военно-политического ха-

рактера, произошедших за последние полгода (с момента убийства Р.Харири в феврале 2005 г.) в регионе, в первую очередь в Сирии, Иране, а также в Израиле и на палестинских территориях. Несмотря на то, что большинство из них имело внутренний характер, последствия сказываются непосредственно на политическом климате во всем субрегионе Восточного Средиземноморья. В свою очередь стремительное развитие событий внутри Ливана в обозримой перспективе будет оказывать все большее влияние на положение во всем регионе. Кроме того, ситуация в Ливане вносит существенные коррективы и в ближневосточную политику ведущих западных государств.

Оценивая современную ситуацию вокруг Ливана, необходимо учитывать роль региональных и западных СМИ в раздувании конфликтных ситуаций и поддержании обстановки общей неопределенности в стране. Особенно это характерно для неливанских информационных агентств, которые склонны преувеличивать значение отдельных инцидентов в стране и регулярно указывают на неизбежную угрозу развязывания в Ливане вооруженного конфликта. Западные и даже ряд арабских (кувейтская газета «ас-Сияса», Интернет-издание «Элаф») СМИ нередко выпускают достаточно провокационные материалы, которые способствуют поддержанию состояния неопределенности в Ливане.

Важную роль в формировании информационного фона вокруг ливанского кризиса играют сообщения о ходе расследования убийства Р.Харири. Еще до момента обнародования результатов деятельности комиссии ООН у неспециалистов, а также у представителей «арабской улицы» вполне может сложиться впечатление о несомненной «причастности» и даже «заинтересованности» сирийского руководства в устранении одного из наиболее выдающихся ливанских политиков современности.

Внутриполитическая ситуация в Ливане после парламентских выборов

В мае-июне 2005 г. в Ливане прошли парламентские выборы, в результате которых большинство мест в Палате депутатов получили политики, выступавшие под антисирийскими лозунгами. Тем не менее нельзя однозначно охарактеризовать всех ливанских оппозиционеров как ярых противников «особых отношений» с САР.

Во-первых, можно назвать лишь незначительное количество принципиальных противников Дамаска. Это прежде всего

христиане из объединения «Корнет Шехван», фалангисты А.Жмайеля, «Ливанские силы», известный журналист Дж.Туэйни. Казалось бы, серьезной силой, противостоящей сирийскому влиянию, можно назвать маронитскую церковь и лично патриарха Н.Сфейра, однако высшее маронитское духовенство, несмотря на поддержку оппозиционных христианских объединений, проводит линию на диалог и согласование позиций со всеми, в т.ч., и просирийскими силами.

Во-вторых, нельзя говорить и о реальном антисирийском настрое политиков из движения «аль-Мустакбаль». Известно, что семейство Харири имеет тесные связи с Западом. Кроме того, сам покойный Р.Харири, несмотря на постоянные попытки представить его как «героя, павшего в борьбе с Асадами», тесно сотрудничал с сирийцами и представлял большую ценность для Дамаска, где высоко ценили его международный авторитет.

Движение «аль-Мустакбаль» воспользовалось всплеском антисирийских настроений после убийства экс-премьера скорее для того, чтобы заявить о себе и возглавить ливанскую оппозицию. Р.Харири в свое время не спешил этого делать, т.к. весьма настороженно относился к деятельности оппозиционеров и не стремился окончательно разрывать отношения с официальным ливанским руководством и Дамаском.

Зато в дальнейшем, особенно после выборов и формирования нового правительства, даже когда речь заходила об убийстве Р.Харири, никаких антисирийских лозунгов руководство Движения не выдвигало. Наконец, учитывая декларируемый общеливанский характер движения, а также тонкости ливанской политики (например, проблема «Хизбаллы», дальнейшее развитие отношений с Дамаском), С.Харири и его союзники не могут более позиционировать себя как антисирийская сила.

В-третьих, традиционный противник сирийского влияния М.Аун, развязавший в 1989 г. войну против сирийцев и их союзников, пошел на союз в самом «сирийском» избирательном округе – на севере Ливана с такими просирийскими силами, как Сирийская национал-социальная партия, С.Франжье, О.Караме. Прибыв в Ливан в мае 2005 г., М.Аун мог присоединиться к антисирийскому «Бристольскому собранию», однако тогда генералу не удалось найти общий язык с объединенной оппозицией и его Свободное патриотическое движение выступало на выборах отдельно от «Бристольского собрания». В конечном итоге

это сильно спутало карты и внесло раскол в антисирийское движение в Ливане.

По результатам прошедших выборов М.Ауну удалось создать противовес основной массе оппозиционных объединений, однако его радикальная политическая программа¹ и нежелание идти на компромисс поставили генерала в положение аутсайдера и существенным образом повлияли на его президентские амбиции. Постепенно М.Аун начинает наводить мосты с сирийским руководством и, возможно, попытается заручиться поддержкой Дамаска, выступая как «оппозиция оппозиции».

Вообще, по оценке сирийских аналитиков, большинство членов нового парламента относится к Сирии благоприятно или нейтрально. Кроме того, около 50 депутатов имеют особые политические, экономические или семейные связи с сирийцами. В целом у САР существуют широкие возможности по индивидуальному воздействию на упомянутых выше парламентариев, однако на сегодняшний момент объективно нет политического деятеля, на которого мог бы опереться Дамаск и который был бы способен сплотить лояльных Сирии политиков. Как ни странно, но складывается впечатление, что на эту роль претендует некто иной, как бывший мятежный генерал М.Аун. Он действительно весьма популярен в христианской среде, однако приобрести вес в ливанской политике он сможет только в том случае, если установит союзнические отношения с кем-либо из ведущих политических игроков. Теперь его потенциальными союзниками могли бы стать только представители просирийского лагеря.

Прошедшие выборы помогли ливанским политикам «поделить» страну теперь уже в отсутствие непосредственной сирийской опеки. Более того, результаты голосования по отдельным избирательным округам отражают ставшее традиционным в послевоенные годы соотношение сил и распределение зон влияния партий и крупных кланов в Ливане.

В частности, на юге страны с конца 80-х годов безраздельно господствуют шиитские организации «Хизбалла» и «Амаль». Руководство «Партии Аллаха» официально заявило, что считает выборы в Южном Ливане «референдумом о необходимости сопротивления Израилю», а результаты голосования (с учетом большого отрыва от ближайших конкурентов) действитель-

но указывают на популярность идеи сопротивления в ливанском обществе².

От дружеских районов Горного Ливана в парламент в очередной раз прошли В.Джумблат и ряд его сторонников по ПСП. Одним из депутатов от округа Метн, несмотря на общую победу избирательного блока М.Ауна, стал представитель влиятельного маронитского клана П.Жмайель. От Бейрута и Сайды места в парламенте получили члены семейства Харири. В целом по остальным избирательным округам можно привести еще ряд таких примеров.

Значительные изменения произошли на севере Ливана. Как показали выборы, там ослабили позиции традиционных, просирийски настроенных кланов Франжье (марониты) и Караме (сунниты). На политической арене вновь появились «Ливанские силы» (вообще этот регион, особенно христианский город Бшарре, в настоящее время можно считать главной «базой» этой организации). Кроме того, на Север впервые «проникли» союзники Харири. Движению «аль-Мустакбаль» удалось закрепиться в традиционной зоне сирийского влияния и не допустить в парламент потенциальных союзников Дамаска из этого региона.

В то же время, опираясь на итоги выборов, нельзя говорить о действительной популярности движения «аль-Мустакбаль» во главе с С.Харири. Скорее речь идет о технически эффективной системе политических альянсов, а также о грамотной работе с электоратом. В некоторых районах (прежде всего на севере Ливана) традиционное клановое и партийное влияние уступило место действительным политическим (а возможно, и материальным) интересам избирателей. Так, за время прошедших выборов Движение стало основным объектом жалоб в связи с подкупом избирателей. Косвенным подтверждением этого также может стать и незначительный отрыв депутатов блока по количеству полученных голосов от своих ближайших конкурентов³. По оценкам ряда ливанских экспертов, прямой подкуп избирателей и другие меры воздействия на их выбор в наибольшей степени применялись во время выборов на Севере Ливана, где проживает значительное количество бедного мусульманского населения, однако в отличие от Юга здесь отсутствует единая объединяющая и поддерживающая политическая сила. В результате выборы превращаются для северян в дополнительный источник дохода, а политические итоги голосования их уже мало волнуют.

Тем не менее политический и мобилизационный потенциал движения «аль-Мустакбаль» несомненен. Следующим шагом С.Харири теперь должно стать превращение Движения в полноценную политическую партию неконфессионального и общеливанского характера⁴.

С другой стороны, стоит добавить, что факт распределения мест в парламенте отнюдь не свидетельствует о какой-либо стабилизации политико-идеологического противостояния в Ливане. Следует принять во внимание очевидную аморфность ряда избирательных блоков: это касается, например, движения «аль-Мустакбаль», объединения «Корнет Шехван». Основными поводами для раскола могут послужить противоречия между сторонниками и противниками сотрудничества с действующим режимом в Ливане, с Дамаском, между умеренными и радикалами-политиками. Камнем преткновения, несомненно, станут и президентские выборы. Не исключено, что в обозримой перспективе расстановка сил в парламенте может существенно измениться.

Еще более отчетливо реальный расклад сил в стране отражает состав нового кабинета министров во главе с Ф.Синиорой. Интерес вызывает факт получения министерского портфеля членом «Хизбаллы» М.Фнейшем. Он возглавил Министерство энергетики и водоснабжения. Это одно из ключевых министерств, и его деятельность предполагает надежные связи с Сирией, важнейшим поставщиком электроэнергии и нефтепродуктов в Ливан. Пост министра иностранных дел получил шиит Ф.Салух. Он не является членом ни «Хизбаллы», ни «Амаль», однако считается их политическим союзником. 4 министерских портфеля (3-я по численности «фракция» в правительстве после движения «аль-Мустакбаль» и альянса «Хизбалла» – «Амаль») отошли к сторонникам президента Э.Лахуда. Организация «Ливанские силы» так же, как и «Хизбалла», является новичком в правительстве, однако в отличие от «Партии Аллаха» она получила лишь второстепенный пост – министра туризма⁵.

Во время консультаций о формировании правительства говорилось о возможности вхождения в него генерала М.Ауна. Однако, на наш взгляд, этот замысел изначально было проблематично реализовать, т.к. достаточно радикальная политическая программа М.Ауна, кроме прочего, предполагает кардинальный пересмотр такого важного аспекта политики Ливана, как отношения с Сирией⁶, что в корне противоречило бы про-

грамме правительства Ф.Синиоры и сразу же могло спровоцировать правительственный кризис.

Расклад сил в правительстве говорит об отсутствии у ведущей политической коалиции – «Бристольского собрания» намерения и возможностей (стоит учесть, что объединенная оппозиция так и не получила желаемых 2/3 мест в парламенте) отстранить от власти союзников Дамаска (Э.Лахуд, спикер парламента Н.Берри и др.) и принципиально изменить отношения с САР. Кроме того, это еще раз подтверждает политическую слабость и недавно возникших («Корнет Шехван», «Свободное патриотическое движение») и традиционных («Ливанские силы», «Исправительное движение Катаиб») антисирийских организаций и политиков. Им удалось проникнуть непосредственно в руководство страной, однако почти 15-летний период политической пассивности даже сейчас делает их аутсайдерами в ливанской политике, чьи основные игроки (Харири и их команда, Джумблат и его ПСП, «Хизбалла», «Амаль», а также нынешний президент Э.Лахуд и его окружение) делили власть в период сирийского господства.

Новый состав кабинета был одобрен как внутри страны, так и внешними «покровителями» Ливана. Однако пока сложно сделать вывод об эффективности действующего правительства и перспективах его дальнейшей деятельности. Основные трудности, с которыми может столкнуться правительство, вероятнее всего, будут исходить именно из его неоднородного состава, а также необходимости «воевать на два фронта»: продолжать следовать линии на сотрудничество с международным сообществом и при этом не потерять доверие внутри Ливана.

Также много вопросов вызывает неопределенное положение Э.Лахуда. Оппозиция уже неоднократно призывала к смещению президента, однако ему удавалось сохранить власть и после «кедровой революции». Вероятнее всего, окончательно этот вопрос будет решен после обнародования результатов расследования гибели Р.Харири, и если Э.Лахуду удастся сохранить пост после этого, то в обозримой перспективе его положению вряд ли что-либо будет угрожать.

По мнению ряда ливанских экспертов, президенту Э.Лахуду удастся удержаться на своем посту даже после завершения расследования Д.Мехлиса. Опираясь на поддержку депутатов из парламентских блоков М.Ауна, а также «Хизбаллы» и «Амаль», Э.Лахуд считает, что доклад международной комис-

сии не может иметь такую юридическую силу, чтобы обязать его уйти в отставку до завершения срока его полномочий⁷.

Кроме того, согласно политическим традициям Ливана, после переговоров и консультаций в кулуарах к моменту голосования в парламенте⁸ обычно остается не более двух кандидатов. Такая практика существенно упрощает процедуру избрания, а также делает более стабильной передачу властных полномочий новому президенту. Очевидно, что в настоящее время оперативно решить проблему выбора, более или менее приемлемого для всех заинтересованных сторон, невозможно, а следовательно, вряд ли можно ожидать, что оппозиция будет предпринимать практические шаги по смещению действующего президента. История Ливана знает кризисы, связанные с противоречиями вокруг президентских выборов, и сложно представить, что оппозиция пойдет на такой риск, только чтобы убрать Э.Лахуда.

Тем временем ливанский президент без каких-либо негативных последствий для себя принял участие в открытии 60-й сессии ГА ООН (при этом сирийский лидер Б.Асад, опасаясь государственного переворота, так и не решился покинуть страну). В доверительной обстановке Э.Лахуд обсудил с К.Ананом ситуацию вокруг Ливана и фактически продемонстрировал международную легитимность своего режима⁹.

Наконец, в руках у президента и наиболее близких ему политиков (мы намеренно избегаем термина «союзников») потенциально есть инструмент для провоцирования еще больших противоречий в стане оппозиции, а следовательно, выигрыша дополнительного времени: у Э.Лахуда и альянса «Хизбалла» – «Амаль» – 9 портфель в правительстве. По ст. 69 Конституции, в случае отставки 1/3 министров из состава правительства (всего 24 человека) кабинет в полном составе уходит в отставку. А в современных условиях сформировать очередной кабинет будет еще сложнее, чем первое правительство Ф.Синиоры.

Христианский фактор на современном этапе

В качестве новой тенденции после событий «кедровой революции» можно отметить начавшееся возрождение христианского политического лагеря, который фактически бездействовал в период сирийского господства в Ливане. Маронитские политики сыграли важную роль в событиях, последовавших после гибели Р.Харири в феврале 2005 г., впервые после завершения гражданской войны приняли активное участие в пар-

ламентских выборах, а в дальнейшем будут стремиться увеличивать свой вес в ливанской политике. В этом контексте в повестку дня встают такие вопросы, как консолидация маронитского политического лагеря, отношения маронитских политических организаций с представителями остальных политических сил в Ливане, место и роль маронитской церкви, а также направления и перспективы «внешней политики» ливанских маронитов и их отношений с диаспорой, большинство которой также составляют христиане.

Новые тенденции затронули такие важные аспекты, как реорганизация и восстановление христианских политических партий и движений. На волне «кедровой революции» начался процесс освобождения от сирийского влияния партии «Катаиб». В ближайшее время также должно последовать и воссоединение двух «партий Катаиб»: просирийской во главе с К.Пакрадуни и традиционной, основанной на ливанском национализме, под руководством А.Жмайеля (т.н. «Исправительное движение Катаиб»).

Так, 21 июля 2005 г. по решению суда действующее руководство партии было признано незаконным. В начале сентября для управления партией был создан временный комитет. В него вошли 9 человек из числа бывших и действующих членов руководства партии, включая бывшего президента Ливана, внука основателя партии А.Жмайеля и теперешнего председателя К.Пакрадуни. Ожидается, что после выборов нового партийного руководства партия сможет вновь стать полноправным участником политической жизни страны и отстаивать интересы ливанских христиан¹⁰.

26 июля после 11-летнего заключения на свободу вышел лидер «Ливанских сил» С.Джаджа, а уже в начале августа ливанский парламент восстановил закон о политических партиях 1908 г.¹¹, что de facto легализовало деятельность «Ливанских сил». В рамках этого закона официальное оформление должно получить также «Свободное патриотическое движение» М.Ауна¹². Оба упомянутых политика в конце гражданской войны выступали как непримиримые противники. В условиях же постсирийского Ливана они – игроки на мирной политической арене страны и возглавляют уже не вооруженные милиции, а возникшие на их основе политические движения.

Представляется, что дальнейшие перспективы их взаимоотношений будут зависеть от степени их готовности отказаться

от воззрений и принципов времен войны. Определяющую роль также сыграют позиции каждого из политиков внутри общины, а также действия их общих политических противников: прежде всего режима Э.Лахуда и «Хизбаллы».

И М.Аун, и С.Джаджа неоднократно заявляли о намерении участвовать в создании нового демократического и свободного от прошлых противоречий Ливана. Однако значительные политические амбиции обоих политиков и перспектива стать неформальным лидером христианской общины в «демократическом Ливане», вероятнее всего, вновь приведут к противостоянию между ними. Не исключено, что дело может дойти не только до риторики периода гражданской войны, но и до методов, применявшихся в то время.

Конечно, наличие сильной христианской составляющей на политическом поле Ливана крайне важно для успешного функционирования государства, основанного на системе конфессионального представительства. Однако после гражданской войны, в которой идеология ливанского национализма маронитов потерпела очевидное поражение, правохристианский политический лагерь превратился в главный источник реваншистских настроений в стране, и любые провокации с его стороны могли поставить под угрозу неустойчивый мир в Ливане. С того момента и до «кедровой революции» ливанские христиане, находясь под контролем сирийских и ливанских спецслужб, переживали период «ихбата», т.е. разочарования, крушения надежд, другими словами – почти полного политического бездействия внутри Ливана.

Сегодня можно констатировать, что этот период подошел к концу и на данном, пока еще переходном этапе будущее ливанских христиан зависит от политики тех христианских организаций и лидеров, которые сейчас возвращаются на политическую арену. Разумеется, современная ситуация принципиально отличается от того, что было в первые послевоенные годы, и в настоящее время для ненасильственного восстановления политических позиций ливанских христиан есть значительный потенциал. Лозунг «национального примирения», подхваченный со всех сторон ливанского политического спектра (включая таких в прошлом воинственных лидеров, как С.Джаджа и М.Аун), может обеспечить достаточно благоприятный фон для функционирования ливанской государственной машины в новых условиях.

Вместе с тем, несмотря на ряд примирительных тенденций, исходящих из христианского лагеря, он в очередной раз может стать угрозой стабильности внутри Ливана. В частности, расшатать ситуацию способны не всегда контролируемые руководством действия низовых звеньев тех же «Ливанских сил», «Свободного патриотического движения», фалангистов. Особенно тех их членов, которые проживают в «пограничных» районах и непосредственно соседствуют с представителями «конкурирующих» конфессий и партий. Речь идет о юго-востоке Бейрута, населенном маронитами и шиитами, о поселениях в горах к востоку от столицы, где в мае 2005 г. были столкновения между фалангистами и сторонниками Сирийской национально-социальной партии (СНСП), о христианских районах к востоку от Триполи, где традиционно конфликтовали вооруженные формирования «Ливанских сил», СНСП, а также принадлежащей клану Франжье партии «Марада». В частности, в июле боевиков из «Марады» обвинили в нападении на виллу оппозиционера Самира Франжье (он приходится дальним родственником просирийски ориентированному политику Сулейману Франжье), который в альянсе с С.Харири одержал победу над своими родственниками в выборах на Севере.

В то же время у маронитской политической элиты уже возникают и собственные, достаточно радикальные взгляды на будущее ливанского общества. По мнению политических и религиозных лидеров маронитской общины, заявленный процесс «национального примирения» подразумевает реинтеграцию в ливанское общество активистов партии «Хранители кедра», а также бывших боевиков Армии Юга Ливана (АЮЛ). Члены этих организаций проживают в США, Европе, а также Израиле (в Израиле находится большинство бывших боевиков АЮЛ, по разным оценкам, от 2 до 3 тыс. чел.)¹³.

Члены обеих милиций с оптимизмом восприняли изменения в Ливане и с подачи ливанских христиан уже задумываются о возвращении в страну. Более того, руководство партии «Хранители кедра», размещающееся сейчас в США, намерено даже в полном объеме восстановить свою политическую деятельность в Ливане¹⁴. В прошлом эта организация тесно сотрудничала с израильянами, а также была одной из 4 организаций, объединившихся в 1976 г. в «Ливанские силы». Сейчас в заявлениях руководства «Хранителей» звучат весьма резкие оценки современной ситуации в стране¹⁵. И не исключено, что,

вернувшись в Ливан, организация своей деятельностью, особенно пропагандистской, будет препятствовать стабилизации обстановки. Стоит также добавить, что в ливанском досье из Библиотеки Конгресса США «Хранители кедра» единственные из всех христианских милиций названы «террористической организацией»¹⁶, однако на отношение к «Хранителям» в США это никак не повлияло.

Не исключено, что и «Хранители кедра», и бывшие боевики АЮЛ могут быть использованы в Ливане как агенты израильского и, возможно, американского влияния, а также привлечены непосредственно к подрывной деятельности в интересах этих стран. Определенную обеспокоенность также вызывает и радикальный антипалестинский настрой обеих организаций. Такая политика особенно опасна в свете наметившегося сближения между ливанским правительством и руководством ПНА.

Наряду с возвращением в страну ливанских «политэмигрантов», а также не менее часто обсуждаемой идеей об интенсификации отношений с диаспорой и предоставлении ливанским эмигрантам избирательных прав ливанский политический истеблишмент вновь поднял проблему ликвидации конфессионализма в Ливане.

Очевидно, что сама по себе отмена конфессиональной системы коренным образом изменит баланс политических сил в стране и теоретически приведет его в соответствие с реальным политическим (читай – демографическим) потенциалом конфессиональных групп в Ливане. Христиане уже более тридцати лет не являются большинством населения, хотя и сохраняют за собой ведущие посты в руководстве и силовых ведомствах страны.

Драматизм ситуации заключается в том, что с уходом сирийских войск, «ливанизацией» партии «Катаиб», возрождением «Ливанских сил», возвращением мятежного генерала М.Ауна у маронитов появилась возможность со временем вновь стать значимым фактором в ливанской политике. Однако это представляется возможным только в случае сохранения за христианами существующих квот в государственном руководстве.

За полную ликвидацию политического конфессионализма активно выступают ливанские мусульмане (скорее даже шииты), т.к. именно они в силу своей многочисленности могли бы получить наибольшие политические дивиденды от деконфессионализации. Последствия такого развития событий в целом,

несомненно, будут очень серьезными как для ситуации внутри страны, так и для ее внешней политики и регионального окружения. И в любом случае христиане вообще и маронитская община, в частности, окажутся перед лицом практически полной маргинализации.

При этом может возникнуть и противоположная тенденция. По мере политического оживления маронитской общины, а также возникновения у христиан ощущения возможности вернуть свои позиции в государстве не исключено начало репатриации. Подобная ситуация была уже в 1982–83 гг., когда после размещения в Ливане многонациональных сил в стране возникла надежда на скорейшее прекращение боевых действий, и многие эмигранты, бросая свой успешный бизнес за рубежом, спешили вернуться на родину. Сейчас этот процесс в первую очередь должен затронуть активистов до недавнего времени практически парализованных в Ливане политических организаций. Кроме уже упоминавшихся «Хранителей кедра» активную работу со своими зарубежными ячейками ведет и руководство «Ливанских сил»¹⁷.

На наш взгляд, весь комплекс вопросов, связанных с межконфессиональными отношениями внутри Ливана и диаспоры, вряд ли действительно беспокоит ливанских политиков. Скорее всего, решение отдельных проблем может быть использовано как пропагандистский шаг или в рамках политического торга по более актуальным и реалистичным вопросам.

Говоря об изменениях в политике ливанских христиан, нельзя не упомянуть и о роли и позиции маронитской церкви как наиболее влиятельной христианской религиозной организации в стране. Фактически, маронитская Патриархия утратила политическое влияние на общину с началом гражданской войны в 1975 г., когда на первый план выдвинулись вооруженные формирования христианских партий, в рядах которых, кстати, воевали и маронитские монахи. В отличие от церковного руководства монашество было далеко от центристских позиций и с началом вооруженного конфликта встало на сторону правохристианского лагеря¹⁸.

После завершения гражданской войны в связи с ослаблением христианских политических организаций церковь вновь стала позиционировать себя как защитница интересов христиан. Долгое время патриарх Н.Сфейр выступал как покровитель оппозиции и активно осуждал ливанскую политику САР, а так-

же действия президента Э.Лахуда. Тем не менее с обострением ситуации в стране в феврале-марте 2005 г. высшее руководство маронитской церкви перешло на примиренческие позиции. Оно старается поддерживать ровные отношения с представителями всего политического спектра страны, в т.ч. и с президентом Э.Лахудом, что негативно оценивается оппозицией. В очередной раз официальная маронитская церковь отделяется от наиболее радикально настроенных христианских политиков и оппозиции вообще.

Можно полагать, что продолжая следовать этим курсом, маронитская церковь и лично патриарх Н.Сфейр рискуют ослабить свое политическое влияние. В случае действительного возрождения ливанских христиан, как и во время войны 1975–90 гг., вероятнее всего, политические организации будут играть роль главных выразителей интересов и покровителей ливанских христиан. Разрыв политического маронизма с церковью может способствовать радикализации политики маронитских организаций и обострению политических противоречий, в т.ч. на конфессиональной почве, что особенно опасно в современных условиях.

Тем не менее, учитывая особенности политического развития Ливана на современном этапе, вряд ли можно ожидать, что ливанские христиане своими силами и исключительно политическими средствами смогут принципиально исправить ситуацию и в полной мере реинтегрироваться в политическое пространство Ливана как самостоятельная сила. По мнению ливанских наблюдателей, в ближайшей перспективе политический климат в стране будет определяться балансом сил и отношениями между С.Харири, на которого сделали ставку США, и «Хизбаллой», которая *de facto* является наиболее мощной военно-политической организацией в Ливане, а также пользуется поддержкой Ирана и Сирии.

Тем не менее у ливанских маронитов еще остается весомый политический аргумент, что еще долго будет выделять их среди представителей других ливанских конфессий. Речь идет об институте президентства и грядущих президентских выборах 2007 г. Однако начало президентской гонки может сильно накалить обстановку в маронитском политическом лагере. Последнее время в качестве наиболее вероятного кандидата в президенты выступал М.Аун. Ситуация несколько изменилась после парламентских выборов в июне 2005 г., когда генерал

окончательно порвал с объединенной оппозицией, а следовательно, лишился необходимой поддержки со стороны ее членов. Он также утратил и демонстрируемый им имидж общеливанского политика, стоящего над межконфессиональными и межклановыми противоречиями.

По мере развития ситуации пропасть между М.Ауном и его бывшими потенциальными союзниками только увеличивается. Теперь кампанию по дискредитации генерала Ауна начали и «Ливанские силы»¹⁹. На этом фоне его успех на президентских выборах, особенно без поддержки извне, становится маловероятным. С другой стороны, в таких условиях вообще снижается вероятность избрания на высший пост кого-либо из известных военнополитических деятелей времен гражданской войны. Таким образом, наиболее перспективной сможет стать компромиссная кандидатура из числа независимых умеренных оппозиционеров.

Иранский фактор и проблема «Хизбаллы»

Проблема «Хизбаллы» в сложившейся обстановке играет особую роль в ливанской политике. Деятельность этой организации связана не только с Ливаном, но также затрагивает интересы Ирана, Сирии, Израиля и США. После ухода из Ливана сирийских войск положение «Партии Аллаха» в этой стране существенно изменилось. Организация освободилась даже от чисто формального контроля и покровительства со стороны Дамаска и уже показывает свой потенциал как серьезная политическая сила, способная бороться за власть в ливанских условиях.

Принципиальное значение для деятельности «Хизбаллы» в Ливане на современном этапе сыграли состоявшиеся в июне президентские выборы в Иране. Сам факт избрания президентом радикального консерватора и активного участника событий 1979 г. в Иране М.Ахмадинежада обозначил возвращение исламской республики к более активной внешней политике, одним из столпов которой долгое время выступает ливанская «Хизбалла»²⁰. Так, изменения в Тегеране придали уверенности руководству «Партии Аллаха», которая не только расширила свое представительство в парламенте (с 12 до 14 депутатов из 27 мест по шиитской квоте), но и добилась участия в новом ливанском правительстве.

В этом контексте новый смысл приобретает проблема разоружения «Хизбаллы». Некоторое время назад считалось, что прекратив военные действия против Израиля, «Партия Ал-

лаха» может и должна интегрироваться в политическую систему Ливана и стать одной из политических партий. Однако современная ситуация явно показывает, что у партии достаточно ресурсов, чтобы эффективно выступать в двух качествах – бороться против Израиля на Юге и одновременно отстаивать интересы «сопротивления» и шиитской общины в парламенте и правительстве.

Сохраняя статус региональной политической силы, «Хизбалла» начинает приобретать и все больший внутривнутриполитический вес, что вызывает беспокойство других ведущих игроков на политической арене страны. Более того, ливанские шииты сегодня действуют в составе эффективного альянса, объединяющего некогда враждовавшие «Хизбаллу» и «Амаль». Коалиция одержала победу на выборах в Южном Ливане, составляет второй по численности блок в парламенте, получила пять важных портфелей в новом правительстве. Такая расстановка сил создает надежный тыл для действий «исламского сопротивления», а также представляет неплохие возможности для усиления веса шиитов в ливанской политике.

Именно «Хизбалла» и «Амаль» являются основными сторонниками деконфессионализации ливанской политической системы. С учетом военного потенциала партии подобные лозунги справедливо создают у возрождающихся христианских партий в Ливане ощущение непосредственной угрозы. По сообщениям кувейтской газеты «ас-Сияса», «ряд маронитских организаций» принял решение о восстановлении своих военных структур и закупке для них в Европе тяжелого вооружения с целью создания противовеса «Партии Аллаха»²¹.

В то же время нельзя говорить об однозначно агрессивном характере политических устремлений «Хизбаллы». Организация прошла длительный эволюционный путь и смогла адаптироваться к условиям сосуществования в Ливане, где одним из ключевых принципов является компромисс, что в мирное время позволяет удерживать конфликты от сползания к гражданской войне. Сейчас партия и так находится на виду у мирового сообщества и в ближайшее время, вероятнее всего, воздержится от решительных действий внутри Ливана. Руководство прекрасно чувствует границы дозволенного, в том числе и в вопросе сохранения дружественных отношений с движением «Амаль». Разжигание какого-либо политического конфликта крайне нежелательно для лидеров партии, т.к. таким образом

достаточно легко скомпрометировать себя и укрепить позиции противников «Хизбаллы», в том числе и внутри Ливана.

Важным аспектом проблемы является вопрос о существовании какого-либо внешнего контроля и поддержки партии со стороны. В свое время сирийский «зонтик» помог «Хизбалле» после завершения войны и во время разоружения остальных милиций в полном объеме сохранить свое вооруженное крыло, а также регулярно получать средства для продолжения конфронтации с Израилем. После ухода сирийцев из Ливана стало очевидно, что «Хизбалла» стала независимой в политических вопросах, и в дальнейшем Дамаск мог служить для нее только излишним сдерживающим фактором, что было бы негативно расценено в Тегеране.

На сегодняшний день, на наш взгляд, в треугольнике Иран – «Хизбалла» – Сирия сложились достаточно гармоничные отношения, адекватные развитию ситуации в Ливане и регионе. Другими словами, «Партия Аллаха» уже объективно не нуждается в постоянном военно-политическом прикрытии извне, а заинтересована главным образом в сохранении стабильного снабжения из Ирана. С другой стороны, Тегеран может использовать эту шиитскую организацию как средство давления на Израиль. Однако очевидно и то, что иранцам также нет смысла до предела раскалять обстановку как в Ливане, так и в районе ливано-израильской границы. Особенность современной ситуации в Восточном Средиземноморье заключается в том, что любое вооруженное противостояние в регионе может стать поводом для военной интервенции американцев. В этом случае в рамках «борьбы с международным терроризмом» удар может быть нанесен и по «Хизбалле» и, возможно, даже по отдельным объектам в Иране.

Нужно понимать, что давление на «Хизбаллу» с целью ее разоружения, а также любые вооруженные провокации со стороны ливанских христиан также могут вызвать ответные действия со стороны «Партии Аллаха». В этом контексте не стоит упускать из виду тот факт, что у «Хизбаллы» существует широкая сеть ячеек за рубежом, в том числе в странах, где традиционно проживают крупные ливанские общины – в Западной Европе, Латинской Америке, Африке и США. Кроме того, известно, что «Партия Аллаха» поддерживает постоянный контакт с шиитскими организациями в арабских государствах Персидского Залива.

Отдельно следует затронуть проблему противостояния на ливано-израильской границе. В 2000 г. израильтяне уже создали прецедент и ушли с Юга Ливана, летом 2005 г. началась реализация плана одностороннего размежевания с палестинцами. Теперь в СМИ стали появляться сообщения о возможном уходе израильтян из района ферм Шебаа. Однако в районе т.н. «голубой линии» кроме ферм Шебаа находится еще ряд спорных участков территории²² и, несмотря на действия израильтян, «исламское сопротивление» на Юге Ливана еще долгое время будет сохранять свою легитимность в глазах ливанцев и увеличивать авторитет «Партии Аллаха».

Израильский фактор

События в Израиле и на палестинских территориях, несомненно, оказывают воздействие на формирование регионального политического климата. Говоря о влиянии израильского фактора на ситуацию в Ливане в контексте данного анализа, хотелось бы с новой точки зрения взглянуть на ливанско-израильские отношения.

Хорошо известно о существовании «особых отношений» между Ливаном и Сирией. Однако, рассматривая ситуацию вокруг Ливана в контексте «Большого Ближнего Востока», можно также говорить и об «особых отношениях» между Ливаном и Израилем, которые включают как экономико-географическую, так и военно-политическую составляющие.

Важный аспект ливано-израильских отношений связан с сотрудничеством между руководством Израиля и маронитским политическим истеблишментом в Ливане. Принципиальным моментом здесь является то, что и марониты, и евреи позиционируют себя на мусульманском Ближнем Востоке как меньшинства, находящиеся во враждебном окружении²³. Наибольшего расцвета маронитско-израильские отношения достигли в период гражданской войны, и сейчас, несмотря на не очень удачный опыт того времени, возможности для полноценного восстановления сотрудничества сохраняются.

Однако стоит внимательнее посмотреть на ливанскую оценку таких отношений. Очевидно, что до конца 80-х годов Ливан не выступал таким последовательным противником Израиля, как, например, Сирия или насеровский Египет. В начальный период войны в Ливане фалангисты, «Ливанские силы», а также АЮЛ активно сотрудничали с Израилем. Быв-

ший президент Ливана Б.Жмайель фактически спровоцировал военное вмешательство израильтян во время событий вокруг города Захле и горы Синнин в 1981 г., а также подготовил почву для крупномасштабного израильского вторжения в 1982 г.

В то же время доподлинно известно и то, что для ливанцев израильские союзники, как правило, выступали политическим инструментом и средством дополнительной военной поддержки. Тот же Б.Жмайель, уже готовясь к возможному израильскому вторжению, провозгласил лозунг о полном суверенитете ливанского руководства над всей территорией страны и с помощью израильтян намеревался распространить свое господство на весь Ливан.

На наш взгляд, маронитско-израильские отношения прежде всего определяются обстановкой в Ливане вообще и положением маронитов, в частности. Фактически эти обстоятельства отражают, насколько марониты заинтересованы в связях с Израилем в конкретный момент.

После ухода сирийских войск в ливанской системе безопасности возник вакуум, что может привести к усилению взаимодействия израильтян и возрождающихся христианских политических организаций. Такие контакты чреваты серьезной угрозой в случае возникновения любой конфликтной ситуации с вовлечением в нее ливанских христиан. На современном этапе ливанские христиане все еще крайне уязвимы, но у них уже не существует какого-либо ограничения на собственную «внешнюю политику», что позволяет снова обратиться за помощью к израильтянам.

Что касается позиции руководства Израиля, то по оценкам израильских экспертов, там надеются на скорейшее установление дипломатических отношений с северным соседом. Более того, в случае конкретных инициатив и гарантий со стороны официального Бейрута израильтяне даже готовы пойти на ряд уступок в урегулировании пограничных проблем. С этой точки зрения в Израиле весьма оптимистично смотрят на изменения в ливанской политике и ожидают прорыва в двусторонних отношениях²⁴.

Так, внешнеполитические шаги ливанских христиан могли бы стать катализатором сближения двух государств. По нашему мнению, ливанско-израильское сотрудничество в современных условиях в случае мирного развития ситуации в Ливане и понимания со стороны остальных арабов (особенно Сирии, где разъединение двух треков мирного процесса будет воспринято

негативно) потенциально могло бы стать важным стабилизирующим фактором в регионе.

В то же время, даже если предположить, что в обозримой перспективе удастся прийти к нормализации отношений между Ливаном и Израилем, узловой проблемой, которая, вероятнее всего, будет влиять на формирование политики всех заинтересованных сторон, включая «Хизбаллу», станет раздел водных ресурсов приграничных рек. Этот фактор напрямую связан с жизнеспособностью еврейского государства и в перспективе будет играть решающую роль в формировании ливанской политики Израиля.

Палестинский фактор

После израильского вторжения 1982 г. палестинцы стали наиболее маргинализированной частью ливанского общества. Некоторые изменения статуса палестинцев произошли уже после «кедровой революции», когда правительство Н.Микати расширило список видов неквалифицированного труда, которыми могут заниматься палестинцы. Тем не менее эти меры весьма далеки от статуса «иностранного рабочего», за получение которого (в качестве компромиссного варианта) выступают многие ливанские палестинцы²⁵.

Палестинская проблема вновь вышла на первый план в связи с началом реализации израильского плана одностороннего размежевания с палестинцами и визитами представителей их руководства в Ливан. Палестинское государство начинает приобретать очертания, и ПНА приступила к более активной работе с беженцами за пределами Палестины. В свою очередь ливанские палестинцы развернули деятельность по развитию официальных палестино-ливанских отношений. Первым результатом стало соглашение о перемещении из Ливана в сектор Газа около 3 тыс. палестинцев для усиления служб безопасности ПНА.

Для нынешнего ливанского руководства эти процессы могут иметь весьма благоприятные последствия, т.к. укрепление в ливанских лагерях беженцев позиций ПНА позволит, с одной стороны, ослабить влияние просирийских группировок, а с другой, – лишить поддержки исламистские организации, которые особенно активны среди палестинских беженцев.

Важен тот факт, что лагеря беженцев, особенно расположенные в районе городов Триполи и Сайда, являются важной

опорой для деятельности радикальных исламистских организаций (практически все они суннитские по составу, в основном ваххабитского толка и в качестве конечной цели провозглашают установление в Ливане исламского государства). Лагеря, до сих пор пользующиеся экстерриториальным статусом, удобны и как укрытие, где в случае каких-либо действий со стороны ливанских правоохранительных органов могут найти убежище «активисты» этих организаций. В палестинских лагерях активно действуют эмиссары «аль-Каиды».

Ливанские власти до сих пор не могут самостоятельно установить полный контроль над ситуацией внутри палестинских лагерей, и поэтому укрепление позиций ПНА в лагерях беженцев может способствовать гармонизации палестино-ливанских отношений.

Проблема суннитского радикализма

Достаточно тесно с палестинской проблемой связана и деятельность ливанских исламистских организаций. Традиционно исламистский фактор в Ливане проявлялся достаточно слабо. Долгое время исламистская идеология не могла прижиться в Ливане. Сунниты (в настоящее время именно они являются главной движущей силой радикальных исламистских организаций) изначально занимали достаточно высокое положение в ливанском обществе, что параллельно с привычной для Ливана «идеологией» родственных и территориальных связей препятствовало возникновению и развитию в стране радикальных религиозных идей.

Во время гражданской войны традиционные общественные связи в Ливане подверглись значительным изменениям. Анархия, вызванная продолжительным вооруженным конфликтом, обусловила масштабное обнищание ливанцев-мусульман, а также способствовала проникновению в страну радикальной мусульманской идеологии и ее сторонников.

В отличие от шиитского населения страны, буквально «разделенного» между «Хизбаллой» и «Амаль», у ливанских мусульман-суннитов не было единой объединяющей базы и сдерживающей силы. Кроме того, проблема только усложнялась наличием массы бесправных палестинцев, которые до сих пор проживают в неподконтрольных правительству лагерях и нелегально созданных поселениях.

С учетом вышесказанного радикальные суннитские организации занимают маргинальное положение на ливанской политической арене. Они пользуются незначительной поддержкой населения (не более 20% суннитской общины без учета палестинцев), оторваны от суннитского политического истеблишмента, мало представлены во властных структурах, из-за своих религиозно-политических установок не могут пойти на политический союз с другими ливанскими организациями, в т.ч. и мусульманскими. С одной стороны, это вынуждает их искать поддержки у наиболее бедной и политически незащищенной части населения (это опять же мусульмане-сунниты и палестинцы), а с другой, – объясняет готовность этих организаций к силовой конфронтации с ливанским руководством и делает их открытыми для иностранного влияния²⁶.

Следует также учесть, что после гибели Р.Харири в стране практически не осталось суннитских политиков, пользующихся более или менее значительной поддержкой населения (очевидно, что ни молодой С.Харири, ни действующий премьер-министр Ф.Синиора не могут претендовать на место и авторитет Р.Харири). Кроме того, значительная часть суннитской общины (прежде всего это просирийски настроенные политики) оказывается вытесненной из процесса урегулирования современных внутривнутриполитических противоречий. Те же мусульмане-сунниты, которые действительно принимают участие в управлении страной, поддерживают тесные связи с американцами и европейцами, что не может не вызывать недовольства исламистов и сочувствующих им.

Такое положение суннитских нотаблей, традиционно пользовавшихся значительным авторитетом в крупных прибрежных городах (Бейрут, Сайда, Триполи), только способствует радикализации наиболее бедных представителей общины, которые в поисках социальной защиты и политической опеки вынуждены обращать взор на исламистов. Вместе все это превращает суннитский радикализм в Ливане в удобный инструмент для дестабилизации обстановки в стране.

В контексте региональной ситуации проблема исламизма в Ливане многогранна. С одной стороны, спекуляции в западной прессе на тему активизации ливанских исламистов, а также до недавнего времени весьма популярное дело О.Бакри являются инструментами для дальнейшего возмущения ситуации в Ливане, разжигания противоречий среди ливан-

ских мусульман. Кроме того, вопросы исламизма весьма болезненно воспринимаются в Дамаске, и поэтому муссирование сообщений о деятельности радикальных мусульманских организаций в Ливане и Сирии вносит напряженность в сирийско-ливанские отношения.

С другой стороны, потенциально Ливан вполне может превратиться в арену для деятельности различного рода салафитско-джихадистских течений. Еще в марте 2005 г. ливанские наблюдатели фиксировали рост политической активности исламистских группировок в связи с ожидавшимся выводом сирийских войск из Ливана. Пока на виду лишь реорганизация их политических структур, однако обострение политических противоречий в стране и рост общей неопределенности обстановки неизбежно обеспечат приток в ряды радикалов значительного количества потенциальных боевиков, в т.ч. и из числа приезжих «моджахедов», получивших опыт участия в «джихаде» в различных регионах мира.

На наш взгляд, суннитский радикализм в Ливане сможет в полной мере выйти из тени традиционных политических организаций и действительно начнет влиять на политику в стране в двух случаях. Во-первых, перейти к активной военно-политической деятельности исламисты, скорее всего, будут способны только в случае продолжительного кризиса власти, общего фона межконфессиональных противоречий, а также очевидной неспособности ливанских служб безопасности контролировать ситуацию в стране. Фактически в этом случае речь может идти об обстановке, предшествующей началу гражданской войны.

В другом случае всплеск исламистской активности может произойти в результате чрезмерного вмешательства американцев и их союзников в ливанскую политику, особенно в таких вопросах, как разоружение «Хизбаллы», политика в отношении палестинских беженцев, урегулирование с Израилем. Антиамериканские настроения в регионе и в Ливане весьма живучи и в любой момент могут вырваться наружу.

Численность военизированных структур наиболее воинственных организаций в Ливане («Джунд аш-Шам», «Джамаат ат-таухид аль-ислямийя», «Асбат аль-ансар» и др.) примерно можно оценить в несколько сотен человек. Динийский мятеж в январе 2000 г. продемонстрировал немалый военный потенциал радикальных организаций, выявив в то же время и территориальную ограниченность их деятельности.

Некоторым показателем повышенной активности и амбиций ливанских исламистов могут стать их угрозы и обвинения в адрес ряда ведущих ливанских организаций. Так, по сообщениям ливанских СМИ, объектом критики со стороны исламистских организаций стала «Хизбалла», которая обвиняется в отходе от «исламских идеалов» и стремлении подчинить результаты противостояния Израилю политическим целям партии внутри Ливана²⁷. 14 сентября также появились сообщения об угрозах со стороны «аль-Каиды» в адрес «Ливанских сил».

Сирия и сирийско-ливанские отношения

Некоторое время назад Ливан являлся одной из опор региональной политики САР, однако в настоящее время он кажется «ахиллесовой пятой» сирийского руководства, и не последнюю роль в этом играет навязанная извне интернационализация внутривнутриполитического кризиса в Ливане.

Развитие ситуации в Ливане с конца 90-х годов высветило многочисленные просчеты в ливанской политике Дамаска. Со времени вступления сирийских военных на территорию Ливана в 1976 г. и постепенного и продуманного установления в стране сирийского контроля произошли значительные изменения как на региональном, так и на международном уровнях. В условиях нового расклада сил в регионе и в Ливане сложившаяся система сирийского военно-политического присутствия на территории западного соседа начала оказывать чрезмерное воздействие на ливанское общество. Действия сирийского руководства и его многочисленных ливанских союзников становились все более прямолинейными и жесткими, что в конечном итоге стало вызывать недовольство со стороны остальных ливанцев. Недостаточно взвешенная политика Дамаска, усиливающийся сирийский контроль, получивший свое отражение в силовых действиях против оппозиции, а также неоднократное вмешательство в ливанские конституционные процессы в конечном итоге спровоцировали усиление антисирийских настроений в Ливане, которые выплеснулись после трагических событий 14 февраля 2005 г.

Более того, объективная оценка последствий гибели Р.Харири позволяет сделать вывод, что в результате нее именно интересы Сирии пострадали в наибольшей степени, и этот факт не позволяет говорить о причастности *официального Дамаска* к убийству бывшего ливанского премьер-министра. Тем не менее периодически озвучиваемые результаты этапов меж-

дународного расследования указывают на возможную вовлеченность сотрудничавших с сирийцами ливанских военных, что может негативно повлиять на репутацию Дамаска.

Что касается действий самих сирийцев, то в последнее время они стараются не только дистанцироваться от внутри-ливанских событий, но и пересмотреть свое отношение к ним. Сегодня военно-политические приоритеты, избранные Сирией в последней трети XX в., такие, например, как оказание давления на Израиль, дополняются очевидной необходимостью поддерживать «имидж» миролюбивой страны, что в свою очередь могло бы позволить ей строить равноправные отношения с ведущими игроками на мировой политической арене, такими как Евросоюз и США. На данный момент Дамаск заинтересован в недопущении активизации как ливанских, так и сирийских исламистов, а также в сохранении сотрудничества с Ливаном в области безопасности.

Несмотря на кажущуюся слабость, Дамаск без какого-либо ущерба для себя летом 2005 г. инициировал т.н. «пограничный кризис», когда «из соображений безопасности» сирийцы тормозили, а в течение некоторого времени вообще перекрыли проезд автотранспорта из Ливана через КПП на сирийско-ливанской границе. В результате в Дамаск прибыла делегация во главе с новым премьер-министром Ф.Синиорой, который подтвердил «особый» характер сирийско-ливанских отношений и приверженность ливанцев двусторонним договоренностям в сфере безопасности 1991 года.

Кроме того, сирийцы намеренно поощряют развитие новых противоречий внутри ливанского политического истеблишмента. Лучшим подтверждением этому можно считать согласие сирийцев и их ливанских союзников на освобождение из заключения С.Джаджи и возвращение М.Ауна. Последний не только способствовал расколу внутри оппозиции, но и попытался сплотить вокруг себя часть просирийских сил.

Приведенные выше факты еще раз подтверждают, что несмотря на очевидное политическое поражение и уход сирийцев из Ливана, Дамаск лишь частично утратил влияние на обстановку в Ливане. Достаточно продуманная ливанская политика Дамаска на протяжении последних 30 лет создала надежную базу, благодаря которой САР еще долгое время будет иметь голос в ливанских делах. Возрастающая политическая активность Вашингтона на ливанском направлении, несомненно,

позволит американцам играть более значимую роль в Ливане, однако полностью вытеснить сирийцев и действовать без учета их т.н. «особых отношений» США будет практически невозможно. Официально для США Дамаск уже не является объектом «демократизации» (по крайней мере, по иракскому сценарию) и в Вашингтоне признали, что режим Б.Асада способен к самостоятельной трансформации, и готовы к налаживанию обычных дипломатических отношений с Бейрутом²⁸.

Фактически вновь действует формула 1982 г. тогдашнего министра иностранных дел САР А.Хаддама: «Израильтяне могут сделать Б.Жмайеля генералом, но не могут превратить его в общеливанского лидера». Сегодня американцы способны «раскрутить» С.Харири, М.Ауна, а при необходимости и С.Джаджу, однако только при участии Дамаска любой из этих политиков может претендовать на реальное руководство страной.

Политика США и их союзников

Развитие ситуации в Ливане было весьма одобрительно встречено в Вашингтоне. Как страна, входящая в состав Большого Ближнего Востока, Ливан важен для американцев в качестве нервного центра арабского Машрика, не менее чувствительного, чем Ирак и страны Персидского залива. Этноконфессиональное многообразие Ливана позволяет американцам отсюда воздействовать на различные болевые точки всего региона. Речь идет о ливанских христианах, о шиитах, «Хизбалле» и ее иранских спонсорах, суннитском радикализме, палестинцах, активной армянской диаспоре, курдах, для которых Ливан является относительно безопасной «штаб-квартирой», а также об исторически сложившихся отношениях с Сирией и полувекном конфликте с Израилем.

Если говорить более конкретно, то сейчас можно выделить четыре цели внешней политики США по отношению к Ливану. *Первое* – это всестороннее поддержание демократических процессов в Ливане и превращение его в «движущую силу» «Нового Ближнего Востока».

После этого становится возможным достижение *второй цели*, а именно – стабилизации обстановки на южной границе Ливана и ослабления действующих в стране антиизраильских сил («Хизбалла») и настроений. *Наконец*, уже около 30 лет американцы пытаются протолкнуть идею поселения в Ливане

более 350 тыс. палестинских беженцев, чего, однако, ни при каких условиях не позволяют ливанцы. *В свою очередь*, максимальный прогресс на этих трех направлениях позволил бы сдвинуть с мертвой точки процесс ливано-израильского мирного урегулирования.

После т.н. «кедровой революции» и парламентских выборов Ливан на настоящий момент стал «образцом» демократического государства на Ближнем Востоке. США крайне важно сохранить достигнутое и в дальнейшем опираться на ливанский опыт. Ведь в случае с этой страной «демократизация» произошла скорее по «цветным» европейским сценариям, чем по жестоким принципам американской ближневосточной политики (хотя без этого тоже не обошлось). Логично, что следующим шагом США может стать организация всесторонней экономической помощи Ливану. В этой связи весьма актуальна проблема монополизации американцами спонсорства Ливану²⁹.

Исторически государством-покровителем Ливана выступала Франция. Очевидно, что Париж не обладал и не обладает такими возможностями, как Вашингтон, и в решении политических проблем вокруг независимого Ливана (после 1943–46 гг.), а потому нередко действовал уже на вторых ролях. С начала гражданской войны 1975 г. часть ливанской политической элиты, в частности, К.Джумблат, Р.Эдде рассчитывали, что именно Франция сыграет ключевую роль в урегулировании кризиса с наименьшими потерями для ливанской государственности и экономической системы. В конечном итоге именно США стали той западной страной, чья позиция была определяющей в решении ливанской проблемы.

Ситуация несколько изменилась после прихода к власти Р.Харири, который имел дружеские отношения с президентом Франции Ж.Шираком. Французам удалось частично вернуть себе роль покровителя Ливана, организовав, в частности, в ноябре 2002 г. в Париже международную конференцию по Ливану.

Реальность сегодняшнего дня такова, что США пытаются полностью взять в свои руки контроль над ситуацией в Ливане. Это подразумевает, что французы должны отказаться от реализации собственных «ливанских проектов», включая возможное проведение новой международной конференции, и лишь обеспечивать поддержку американским инициативам. Однако значительная часть ливанской политической элиты (преимущественно христиане) сохраняют свои традиционные связи в

Париже и вряд ли одобряют одностороннюю ориентацию на США. Не исключено, что американцы могут дать французам больше свободы в Ливане, однако в ответ будут ждать от них усиления сотрудничества по Ираку, Ирану и другим ближневосточным проблемам.

Французская политика на Ближнем Востоке, несомненно, имеет более благоприятный имидж в Ливане. В этой связи стоит отметить, что во время недавнего всплеска насилия в стране ливанцы вновь вспомнили американского госсекретаря Г.Киссинджера. По мнению многих ливанцев, именно он несет непосредственную ответственность за раскручивание межконфессиональных противоречий в самом начале гражданской войны, а также способствовал началу военной интервенции Дамаска в 1976 г. Напротив, французская политика всегда руководствовалась принципом сохранения территориальной целостности Ливана. Она характеризуется меньшим прагматизмом по отношению к Ливану, а также является более гибкой в таких чувствительных вопросах, как, например, разоружение «Хизбаллы». В то же время, несмотря на разные цели и подходы, сейчас США и Франция стараются действовать сообща и не демонстрировать существующие разногласия.

Что касается реальных результатов политики западных государств, то пока предпринимаемые ими действия вряд ли будут способствовать достижению консенсуса внутри Ливана и дружественным отношениям между Ливаном и Сирией. Как отмечал сирийский представитель при ООН Ф.Мекдад, и как показали дальнейшие события, резолюция № 1559 уже «разделила ливанский народ». Появление этого документа в связи с продлением полномочий президента Э.Лахуда придало первый импульс еще не оформившейся оппозиции и помогло ей указать на тех, кто шел «против международной законности». Усилия американцев по запуску «международного» процесса по расследованию убийства Р.Харири обеспечат им уже прямую возможность оказывать влияние на ливанские дела и сирийско-ливанские отношения. Подобно эпопее с комиссиями МАГАТЭ и «иракским оружием массового поражения», результаты расследования могут быть использованы США как повод и удобный предлог для ужесточения американской политики в отношении Дамаска и его ливанских союзников.

Сейчас многие эксперты связывают назначение К.Райс на пост госсекретаря США как возврат к американской внешней политике времен Г.Киссинджера. По их мнению, современная кризисная ситуация в Ливане искусственно раздута, а американцы вновь хотят превратить эту страну в полигон для политических экспериментов³⁰.

Парадокс заключается в том, что процессы демократизации на Ближнем Востоке будут действительно отвечать интересам США в долгосрочной перспективе и способны стабилизировать политический климат в регионе. Однако в ближайшее время эти процессы скорее вызовут обратную реакцию – отторжение, рост антиамериканизма, а как следствие – нестабильность в регионе³¹. Кроме того, по мнению американских же экспертов, нельзя говорить о стопроцентной устойчивости «молодых демократий»³². В связи с Ливаном эта мысль особенно актуальна. Уникальная ливанская демократия, существовавшая до середины 70-х годов, основывалась на конфессиональном балансе и практически не регулируемой, но весьма эффективной рыночной экономике. Сейчас ни того, ни другого не существует, и сложно предположить, что в современных условиях в Ливане демократия сможет существовать без вмешательства извне. В лучшем случае она будет нуждаться в значительных объемах финансовой помощи.

При неблагоприятном варианте развития ситуации – в случае роста напряженности в стране и возникновения вооруженных конфликтов всплеск экстремизма может вызвать «эффект домино», который в условиях «Большого Ближнего Востока» затронет даже регионы, непосредственно не относящиеся к арабскому Востоку. В настоящий же момент американская политика в Леванте может усугубить ливанский кризис, спровоцировать нестабильность в Сирии, а в конечном итоге только ускорить нежелательное развитие ситуации в регионе.

Ливан в очередной раз стал заложником политических процессов регионального уровня, и поэтому угроза внутренней стабильности может возникнуть под влиянием внешних факторов, а именно иранского, израильского, палестинского и, несомненно, американского.

В настоящий момент ситуация в Ливане и вокруг него при видимой стабильности таит в себе ряд аспектов, каждый из которых в любой момент может сорвать наметившееся оздоровление ситуации. Проблема конфликтов, подобных ливан-

скому, заключается в том, что их первопричины лежат в плоскости, обозначаемой современными политологами как «human security». В русской трактовке это понятие подразумевает право человека жить в соответствии с его представлениями о собственной идентичности, право защищать свой образ жизни. Вопросы идентичности включают в себя национальность, религию, специфическую трактовку истории, особые политические теории («Географическая Сирия», концепция исламского государства, «Великий Ливан», изоляционистские устремления ливанских христиан и т.д.), уникальный характер внешних связей.

Все это в конечном итоге определяет специфический образ жизни не только этноконфессиональных групп, но и отдельных семейств в Ливане. С одной стороны, подобный плюрализм способствует возникновению открытого универсального общества, каким был Ливан в 60-е годы. С другой стороны, множественность в принципе обуславливает высокую конфликтность ливанского общества, которое в начале 70-х окончательно утратило внутренний баланс и вступило в период то затихающих, то вновь вспыхивающих социально-политических конфликтов.

Решение проблемы безопасности в Ливане вполне возможно, однако при этом необходимо четкое определение соответствующих мер. Понятие безопасности имеет две трактовки: первая – это действия и механизмы по установлению или принуждению к безопасности, различного рода силовые действия или демонстрация силы (в ливанских условиях этот метод нашел воплощение в резолюции СБ ООН № 1559); вторая трактовка – шаги, направленные на создание и поддержание *ощущения* безопасности, т.е. необходимого социально-политического климата (безопасность такого рода существовала в Ливане до начала гражданской войны и основывалась на исправно функционирующем Национальном пакте 1943 г.), способствующего мирному решению политических противоречий.

Именно последний подход, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает специфике основанного на компромиссе ливанского общества. Точечные меры по навязыванию политических решений извне способствуют дисбалансу в обществе и создают потенциальные конфликтные ситуации, когда одна сторона чувствует себя слишком сильной, чтобы идти на компромисс. Другая сторона оказывается слишком слабой и зажатой в угол (в таком положении нередко оказывались ливанские

христиане), а потому готова к любым действиям, чтобы исправить свое положение.

Современная ситуация в Ливане указывает на то, насколько сильно эта страна подвержена внешнему влиянию. Ливан гармонично вписывается в пространство Большого Ближнего Востока, а следовательно, в значительной степени зависит от процессов и тенденций, существующих в регионе. В свою очередь эта страна также принимает участие в формировании регионального политического климата, и в случае сохранения внутривосточной нестабильности и эскалации кризиса внутривосточные и сирийско-ливанские противоречия могут взорвать ситуацию за пределами Ливана и Сирии.

¹ The Free Patriotic Movement Political Program May 2005. – с официального сайта «Свободного патриотического движения» – www.taayyar.org.

² Elections 2005 Lists and Candidates // Lebanon wire.

³ Elections 2005 Lists and Candidates // Lebanon wire.

⁴ The Daily Star, 11.08.2005.

⁵ Lebanon wire, 19.07.2005.

⁶ The Free Patriotic Movement Political Program, May 2005. – с официального сайта «Свободного патриотического движения» – www.taayyar.org.

⁷ Ан-Нахар, 20.09.2005.

⁸ По ст. 49 Конституции Ливанской Республики президент избирается Палатой депутатов (парламентом).

⁹ Ас-Сафир, 21.09.2005.

¹⁰ www.el-kataeb.org – официальный сайт партии «Катаиб», 08.09.2005.

¹¹ Речь идет о документе периода Османской Империи. Закон не налагает практически никаких ограничений на создание политических партий.

¹² The Daily Star, 11.08.2005.

¹³ The Daily Star, 16.08.2005.

¹⁴ Хизб «Хирас аль-Арз». Музаккярат хидма № 4/2005, 04.07.05. С официального сайта партии «Стражи кедр» – www.gotc.com

¹⁵ Байан хизб «Хирас аль-Арз», 13.09.2005, 18.09.2005. С официального сайта партии «Стражи кедр» – www.gotc.com.

¹⁶ Lebanon: a country study. Appendix B // Federal Research Division, Library of Congress. С сайта Библиотеки Конгресса США – www.loc.gov.

¹⁷ www.lebaneseforces.com – информационный ресурс партии «Ливанские силы», 29.08.2005.

¹⁸ Sneifer-Perri, Régina. *Guerres Maronites, 1975–1990*, с. 23.

¹⁹ www.lebaneseforces.com – информационный ресурс партии «Ливанские силы», 17.09.2005.

²⁰ Аль-Хаят, 30.08.2005.

²¹ Ас-Сияса, 15.08.2005.

²² См. *Old Games, New Rules: Conflict on the Israel-Lebanon Border*. International Crisis Group Middle East Report №7, 18.11.2002.

²³ Sneifer-Perri, Régina. *Guerres Maronites, 1975–1990*, с. 83.

²⁴ Выступление профессора Университета Бар-Элан (Израиль) Зеева Ханина в МГИМО(У) МИД России 19.09.2005.

²⁵ *Palestinian refugees in Lebanon and job opportunities* // www.palestine-info.co.uk – Палестинский информационный центр, 06.07.2005.

²⁶ Рассадин П.А. Возможные последствия вывода сирийских войск из Ливана // *Современный Ближний Восток: сирийско-ливанское направление*. Выпуск 8(10). – М., 2005, с. 17.

²⁷ Аль-Мустакбаль, 22.08.2005.

²⁸ Аш-Шарк аль-Аусат, 24.06.2005.

²⁹ *Défense & Sécurité Internationale*. Numero 6 – Juillet 2005.

³⁰ Will the Kissinger Legacy Again Kill Lebanon? // *Executive Intelligence Review*, 08.04.2005.

³¹ *The Future Security Environment in the Middle East. Conflict, Stability, and Political Change*. RAND Corporation, 2004, с. 18.

³² Mapping the global future. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. December 2004, с. 13.

**ЕС – СЕВЕРНАЯ АФРИКА:
КОНТУРЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ**

Отличительной чертой новейшего этапа в развитии интеграционных связей ЕС с арабскими государствами является инициирование Евросоюзом расширения рамок сотрудничества, придание большего динамизма и устойчивости наряду с «традиционным» направлением – хозяйственной интеграцией, сотрудничеству в политической и гуманитарной областях.

**Эволюция «интеграционной стратегии» ЕС
в отношении арабских государств
и факторы, ее предопределившие**

На протяжении всей постколониальной истории регион Северной Африки занимал одно из приоритетных мест во внешней политике Евросоюза. Позиция ЕС определялась комплексом внешнеэкономических и внешнеполитических интересов, разносторонними связями стран Западной Европы с Северной Африкой, сложившимися на протяжении длительного колониального периода и в постколониальную эпоху.

В 60–70-е годы XX в. ЕС и страны региона связывают особые отношения, зафиксированные в соглашениях о сотрудничестве (Co-operation Agreements), которые регулировали главным образом вопросы делового партнерства в хозяйственной сфере, в основном в области взаимной торговли.

Углубление и расширение масштабов разносторонних интеграционных связей, которые охватывали бы важнейшие области не только экономической, но и политической, а также культурной жизни, тормозилось рядом обстоятельств. Главными препятствиями на этом пути были низкий уровень экономического развития стран Северной Африки, резко отличавшийся от уровня промышленно развитых стран Западной Европы, сложившаяся в постколониальный период система авторитарной власти в североафриканских странах, сохранявшийся в них

в первые десятилетия после получения независимости «колонизальный синдром», влияние «холодной войны» на страны региона и на весь комплекс международных отношений в районе Средиземноморья. Немалую роль играли и культурно-цивилизационные различия, характерные для двух крупнейших мировых цивилизаций – христианской и исламской.

Тем не менее с середины 70-х годов в отношениях между ЕС и североафриканскими странами наступил новый этап, который характеризуется сближением между ними, главным образом в экономической области. Между ЕС и североафриканскими странами были заключены соглашения о кооперации, которые регулировали широкий круг вопросов торгово-экономического сотрудничества. Такая политика в странах Северной Африки принесла свои плоды – рынки стран-членов ЕС стали для них ведущими и приоритетными, в странах региона активизировалась деятельность западноевропейского капитала в виде совместных компаний, филиалов европейских банков, других структур. В последние десятилетия доля стран ЕС во внешней торговле отдельных североафриканских государств была стабильно высока и составляла к началу 90-х годов от 1/2 до 2/3 и выше всего внешнеторгового оборота последних. Число европейских фирм и компаний, действующих, к примеру, в такой небольшой североафриканской стране, как Тунис, на этом рубеже, по некоторым оценкам, превысило 1,2 тыс., а в целом число инофирм и СП с участием иностранного капитала достигло 1,6 тыс.¹

С началом 90-х гг. наступает новый (третий) этап в развитии партнерства между ЕС и Северной Африкой. Окончание «холодной войны», политика либеральных экономических реформ и провозглашение курса на укрепление элементов политической демократии в большинстве североафриканских государств, сложившийся к этому времени значительный комплекс взаимных связей и интересов, прежде всего экономических, а также гуманитарных поставили в практическую плоскость обновление отношений ЕС со странами Ближнего Востока и Северной Африки, тем более, что последние все более настойчиво требуют ускорить процесс их интеграции в ЕС (показательно, что Марокко уже в конце 80-х годов подало заявку на то, чтобы стать полноправным членом ЕС). Последний рассматривается как локомотив, способный преодолеть социально-экономическую отсталость се-

вероафриканских государств и кризисные явления в их хозяйственной (и не только) жизни.

Не менее важную роль сыграли и другие, внешние по отношению к странам Северной Африки факторы. В этой связи необходимо подчеркнуть роль происходящей в мире глобализации хозяйственных процессов. Складывающаяся на протяжении главным образом последнего десятилетия система мирохозяйственных связей опирается на мощные региональные экономические группировки – ЕС, НАФТА, АТЭС. Крупные международные торгово-экономические союзы, объединяющие наиболее продвинутые в промышленном и в целом в экономическом отношении страны, заметно активизируют после окончания «холодной войны» усилия по вовлечению в орбиту своей внешнеэкономической и в целом международной деятельности региональные и субрегиональные организации развивающихся стран, а также отдельные государства, представляющие особый интерес в экономическом и политическом плане (как рынки сбыта, источники сырья и энергоносителей, поставщики дешевой рабочей силы, объекты для экспорта капитала).

В постконфронтационную эпоху развитые центры мирового хозяйства рассматривают комплексную политику, направленную на углубление интеграционных связей, как наиболее эффективный путь поддержки усилий, связанных с укреплением стабильности и прогресса в развивающихся государствах, которые к тому же могут стать и становятся ассоциированными, а в перспективе – полноправными членами интеграционных группировок (Кипр, Тунис и другие).

Комплексный подход со стороны ЕС к вопросам сотрудничества с североафриканскими странами, включающий не только экономическую, но и политическую, а также гуманитарную области, становится с 1992 г. важнейшим фактором, стимулирующим развитие интеграционных связей.

По мнению экспертов ЕС, только такой подход позволяет наиболее гармонично решать общие, взаимосвязанные проблемы – экономические, политические, включая военно-политические, в том числе региональной и экономической безопасности, использования морских ресурсов, сохранения (охраны) окружающей среды, а также важнейшие гуманитарные проблемы – защиты прав человека, включая права мигрантов из Северной Африки, развитие культурно-цивилизационных связей и т.д.² Провозгласив новый курс, ЕС с 1 января

1993 г. освободил большинство видов экспортируемой арабскими странами сельскохозяйственной продукции от таможенных сборов. В июне 1995 г. Европейский Совет утверждает программу реформ и усиления средиземноморской политики ЕС на стратегических направлениях, предложенную Европейской комиссией в октябре 1994 г. Она предусматривает формирование к 2010 г. Евро-Средиземноморской экономической зоны (Euro-Mediterranean Economic Area – EMEA) в результате постепенной либерализации торговли в соответствии с двух- и многосторонними соглашениями между государствами региона. Осуществление стратегии, направленной на содействие экономическому развитию (MEDA – Middle East Development Assistance), предусматривает выработку и реализацию правил охраны интеллектуальной собственности (открывает большие возможности для доступа к новейшим технологиям – один из ключевых элементов стратегии экономического подъема региона), соблюдения корпоративного и банковского законодательства (что способствует притоку частного и банковского капитала из стран ЕС – также ключевому элементу стратегии экономического подъема стран Северной Африки и углублению в целом интеграции), создания условий для полной конвертируемости национальных валют арабских стран и т.д. Совет вдвое увеличил сумму предоставляемых партнерам фондов – до почти 5 млрд. экю на период 1995–99 гг. (а затем продлил это соглашение на следующее пятилетие). В ноябре 1995 г. конференция министров стран-членов ЕС и 11 стран Средиземноморья (исключая Ливию, которая находилась под международными санкциями в связи с делом Локерби) учредили постоянный форум-диалог на уровне министров. В заключительном документе министры подтвердили «приверженность демократическим принципам, продолжению сотрудничества в деле контроля над международным криминалом, наркобизнесом и нелегальной миграцией». В июле 1996 г. Европейский Совет одобрил правила MEDA, которые регламентировали юридическую основу сотрудничества ЕС со своими средиземноморскими партнерами, в особенности в области оказания финансовой и технической помощи для поддержки программ структурной адаптации³. Комплексный подход, по мнению политиков и экспертов ЕС, должен обеспечить большую стабильность в регионе, более высокий уровень экономического и социального развития, ослабить нарастающую угрозу со стороны экстреми-

стов исламского толка, нейтрализовать негативные последствия характерного для постколониального периода, но главным образом для 80–90-х годов кризиса государственности в целом ряде стран региона.

В контексте углубления сотрудничества ЕС преследует и другую, не менее важную цель – выработать у партнеров необходимый уровень взаимопонимания и доверия, которые должны стать надежным залогом гармоничного развития сопартнерства, неподвластного столь характерным для ближневосточного региона конъюнктурным изменениям. Это должно подготовить необходимую почву для более тесной интеграции, вступления в будущем государств Средиземноморья в единую организацию с участием стран-членов ЕС (ближайший кандидат на вступление из числа стран Северной Африки – Тунис).

Политика ЕС предполагает не только стимулирование партнерских связей в области экономики, в политической и социокультурной сферах, но и поддержку формирования рыночной экономики, укрепление демократии и, в конечном счете, становление гражданского общества, а также содействие урегулированию конфликтных ситуаций в регионе, налаживание экономического и политического межарабского сотрудничества.

Дополнительным фактором, приведшим к корректировке политики ЕС на южном направлении в сторону более тесного сотрудничества с государствами Северной Африки, стало усиливающееся беспокойство, вызванное относительно низкими темпами экономического развития, медленным повышением жизненного уровня населения и расширением масштабов «социального дна», определенным «застоем» в общественно-политическом развитии, проявившимся кризисом государственности в ряде стран и, как следствие этого, нарастанием угрозы прихода к власти радикальных движений и групп, выступающих под знаменем ислама, как это случилось в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока в 70–80-е годы.

Действительно, результаты экономического развития стран Северной Африки к началу – середине 90-х годов заметно уступали соответствующим показателям, достигнутым развивающимися странами Азии и Латинской Америки, входящими в такие крупные и динамично развивающиеся международные торгово-экономические союзы, как НАФТА, АТЭС. Согласно данным МВФ, в период 1980–1995 гг. темпы экономического

роста в странах региона в расчете на душу населения в среднегодовом выражении снизились на 0,5%, в то время как во всех развивающихся странах они росли в среднем на 2,7%⁴. Хотя ближе к середине 90-х годов ситуация в отдельных странах Северной Африки начала меняться к лучшему, наметившийся экономический подъем и в особенности придание ему стабильности в масштабах региона требуют значительных дополнительных усилий и ресурсов. В тот период они были явно недостаточны, о чем свидетельствовал относительно низкий уровень накоплений и доли иностранных инвестиций в ВВП стран Северной Африки по сравнению с другими динамично развивающимися регионами мира. Согласно данным, приведенным в докладе Мирового банка, в период с начала 80-х по середину 90-х годов доля накоплений в арабских странах, включая страны Северной Африки, составила порядка 13–17%, что заметно уступало соответствующему показателю в целом по развивающимся странам (22–23%) и наиболее экономически продвинутым странам юго-восточной Азии (25–27%). Но даже там, где норма накоплений была высока, как, например, в Алжире (порядка 40–45%), экономика функционировала неэффективно, о чем свидетельствовало большинство макроэкономических показателей. Низкими темпами отличалось и развитие экспортного сектора экономики. Согласно данным Мирового банка, этот критически важный показатель, характеризующий качественные параметры национальных экономик, степень их интегрированности в мировое хозяйство, в отмеченный период существенно отставал от среднемировых темпов. Для большинства стран региона было характерно накопление огромного внешнего долга (порядка 100% ВВП в Алжире и Египте, 60% – в Марокко). Его уровень угрожал коллапсом всей кредитно-финансовой системы государств-должников и свидетельствовал о развитии стран региона на рубеже 80–90-х годов прошлого века, т.е. в дореформенный период, главным образом или в значительной степени за счет внешних ресурсов⁵. Существенное увеличение помощи североафриканским странам в формировании устойчивой рыночной экономики, структур и элементов политической демократии посредством углубления разносторонних интеграционных связей и увеличения объема финансовой помощи рассматривается в ЕС как перспективная и наиболее эффективная политика в решении всего комплекса проблем в конце XX – начале XXI в.

Важным обстоятельством, вызвавшим необходимость переосмысления и обновления политики ЕС в отношении стран южного Средиземноморья и в целом Арабского Востока, стал усилившийся поток мигрантов из арабских стран. К 90-м годам в государствах Западной Европы, прежде всего во Франции, Испании и Италии, сложилась обширная диаспора выходцев из североафриканских стран. По некоторым оценкам, она насчитывала около 5 млн. человек. Положение мигрантов, их роль в этот период нашли отклик у общественности ряда западноевропейских государств. В этих условиях в общественно-политических кругах Европы усилилось стремление не только ограничить приток нелегальных мигрантов, укрепить государственное регулирование миграционных потоков и т.д., но и выработать политику, содействующую ограничению и скорейшей ликвидации негативных факторов, порождающих нелегальную миграцию – тяжелое экономическое положение широких слоев населения, отсутствие или ограничение элементарных демократических свобод и т.д.

Немаловажную роль в выработке нового курса ЕС сыграли также быстрое расширение в регионе масштабов наркобизнеса и незаконной торговли оружием, которые непосредственно затронули страны-члены ЕС, как их внутриполитическую стабильность, так и безопасность в районе Средиземноморья и в более широких географических рамках.

Рост волны религиозного радикализма, выступающего под знаменем ислама, кризис государственности, расползание за пределы региона международного терроризма и другие вызовы конца XX века оказались непосредственно связаны с острейшими социально-экономическими, политическими и гуманитарными проблемами стран Северной Африки (и Арабского Востока в целом).

Все вышеперечисленное образует комплекс проблем экономического, социально-политического и гуманитарного развития стран региона, решение которых, спустя почти четыре десятилетия после обретения политической независимости, оказалось не под силу отдельным государствам, стоявшим, подобно Алжиру, Судану, но и не только, перед глубоким системным кризисом, опасностью разрастания масштабов гражданской войны.

Вместе с тем окончание «холодной войны», другие факторы (создание коалиции, противодействовавшей иракской агрессии

сии против Кувейта, начало процесса политического урегулирования ближневосточного конфликта и т.д.) открыли новые перспективы и возможности для дальнейшей экономической и политической либерализации в арабских странах.

Под влиянием вышеперечисленного круга факторов в 1992 г. ЕС провозгласила так называемую Новую интеграционную стратегию в отношении стран южного Средиземноморья⁶.

**Особенности политики ЕС в отношении
отдельных стран Северной Африки.
Отношение арабских государств
к «новой интеграционной стратегии» ЕС**

ЕС и североафриканские страны проявляют взаимное стремление к углублению сотрудничества, полная интеграция последних в структуры Евросоюза рассматривается ими в качестве перспективной цели. Однако подходы к определению приоритетных сфер и темпов углубления сотрудничества при этом у них заметно различаются.

Политики и эксперты ЕС полагают, что более широкий подход к процессу интеграции с его стороны означает необходимость пройти достаточно длительный и сложный путь к гармонизации интересов партнеров и достижению поставленных ими целей⁷. Ряд североафриканских стран, в особенности Марокко, напротив, пытаются ускорить свое вступление в ЕС, придав большую динамику процессу углубления сотрудничества. Основные мотивы, которыми руководствуются арабские государства в их стремлении к углублению интеграционных связей с ЕС, не столько политические, хотя они и играют большую роль (при этом различную у отдельно взятых государств), сколько экономические. В краткосрочном плане, в ближайшей перспективе это – получение растущей экономической помощи (что особенно важно для Алжира, но не менее – и для Марокко, а также существенно и для других североафриканских государств), доступ к новейшим технологиям, рынкам труда и т.д. Важнейшей целью является снятие барьеров на пути экспорта товаров, произведенных в странах Северной Африки, на рынки государств – членов ЕС. Есть у каждой из стран региона и свои собственные мотивы – надежда скорее преодолеть негативные последствия международных экономических санкций (Ливия), желание опереться на ЕС в преодолении глубокого системного кризиса в условиях противостояния

исламских течений и организаций правящему режиму (Алжир) или в достижении жизненно важных экономических, а также внешнеполитических целей (Марокко, стремящееся использовать более тесные связи с ЕС в интересах промарокканского решения западносахарской проблемы, смягчения острейших социально-экономических проблем).

В целом политические мотивы в подходе к интеграции со стороны арабских государств по вполне понятным причинам слабо артикулированы и связаны с их настороженным отношением к новым политическим инициативам европейских стран на южном направлении.

Прежде всего это касается проблем, относящихся к демократизации политических систем, инициатив ЕС по постепенному формированию отдельных наднациональных органов или вхождения в них (этот путь, как известно, прошли все нынешние члены Евросоюза). Хотя в ряде важных аспектов интересы европейских и арабских партнеров в политической сфере, в военно-политической области, по проблемам региональной безопасности, в области иммиграционной политики имеют точки соприкосновения, именно по этим направлениям интеграционный процесс, несомненно, столкнется с наибольшими трудностями. Темпы продвижения в сфере экономической интеграции, приоритетной для арабских стран, будут в сильной мере зависеть от прогресса в политической области, решения прочих задач, обозначенных в современной интеграционной политике ЕС.

Заметная разнонаправленность интересов и целей ЕС и арабских стран проявилась уже сразу после провозглашения новой интеграционной политики. Так, при подготовке европейско-средиземноморской конференции в Барселоне (1995 г.) по проблемам безопасности Марокко настаивало на внесении изменений в повестку конференции, указывая на приоритетное значение вопросов экономического сотрудничества (и, по сути, уклоняясь от обсуждения и принятия решений по политическим проблемам, включая западносахарскую, проблему соблюдения прав человека, демократизации политической жизни и т.д.). Далее, хотя и сдержанная, но в целом отрицательная реакция ряда североафриканских стран, включая Египет, последовала на предложение о формировании сил быстрого реагирования в районе Средиземноморья с участием европейских и арабских государств. В конце 90-х годов резко обострились отношения

между Рабатом и членами ЕС по вопросу о возобновлении договора о рыболовстве в экономической зоне Марокко.

Со стороны европейских стран звучит в основном критическая оценка позиции, занятой Рабатом по западносахарской проблеме. Оставался нерешенным вопрос о статусе анклавов Мелилья и Сеута, управляемых Испанией, на которые претендует Рабат. И, наконец, летом 2002 г. между Марокко и Испанией произошел конфликт из-за спора о правах на несколько небольших необитаемых островов. Таким образом, неурегулированность ряда территориальных вопросов сохраняется и в настоящее время. Между тем одно из важнейших условий принятия в ЕС, как известно, – отсутствие территориальных споров, в которые была бы втянута страна-кандидат.

Особенно следует отметить, что в североафриканских странах на протяжении длительного периода сформировалась относительно устойчивая (и весьма инертная к трансформации) политическая система, имеющая глубокие исторические корни – режим авторитарного правления, элементы политической демократии здесь ограничены. Показательно, что даже там, где парламентские выборы проводятся на многопартийной основе, они в основном приносят абсолютное число мест правящей партии, да к тому же в почти «карманном» парламенте, не меняя сути правящих режимов, пусть и просвещенных, что немаловажно, но все же авторитарных по своему характеру.

В настоящее время перспективы эволюции правящих режимов и становления устойчивых политических демократий более чем неопределенны. И связано это с несколькими обстоятельствами. Помимо огромной внутренней инерции к изменению, эволюции, заложенной в сложившейся в арабских странах, мусульманском обществе авторитарной системе правления, такая неопределенность возросла в 90-е годы (уже после провозглашения Евросоюзом новой интеграционной стратегии) в условиях беспрецедентного подъема волны исламского радикализма, главной целью которого является создание отнюдь не государства политической демократии в его западноевропейском варианте, а теократического. Трудный и во многом безуспешный практически на протяжении всего последнего десятилетия, начиная с 1992 г., поиск решения проблем, порожденных конфронтацией широкого спектра политических сил, прежде всего исламского толка, с властями в Алжире, показывают высокую степень неопределенности и не-

предсказуемости не только перестройки политической системы, но и развития внутривнутриполитической и во многом производной от нее экономической ситуации, причем как в отдельных странах, так и в регионе в целом.

Более того, противостояние, которое пока в его наиболее острой форме имеет место в Алжире, протекает на фоне серьезного кризиса государственности.

Впрочем, есть и некоторые подвижки в процессе политической демократизации региона на рубеже веков – попытка провести первые на Арабском Востоке прямые выборы президента на альтернативной основе (Алжир), расширение представительства в ряде парламентов оппозиционных партий, формирование правительства из представителей главным образом левого толка (Марокко) и т.д.

Неурегулированность ближневосточного конфликта наряду с периодически обостряющимися междоусобицами также формирует общий неблагоприятный фон для динамичного продвижения по пути интеграции с ЕС, т.к. негативно влияет на инвестиционный климат и, соответственно, сдерживает приток европейских и в целом иностранных частных инвестиций.

Отрицательно сказалась на процессе интеграции война в Персидском заливе начала 90-х годов. Она привела не только к ухудшению междоусобиц, но и серьезно ослабила экономический потенциал ряда стран-доноров. Кроме того, война отнюдь не способствовала укреплению инвестиционного климата во всем ближневосточном регионе.

После прихода к власти в Израиле кабинета во главе с Б.Нетаньяху с середины 90-х годов вновь резко обострились арабо-израильские отношения. Затянувшаяся вплоть до настоящего времени их кризисная фаза привела к торпедированию Ближневосточных экономических саммитов, где значительное место отводилось интеграционным экономическим проектам с участием государств Северной Африки и стран-членов ЕС. Как известно, отдельные страны Северной Африки – Марокко, Египет и Тунис проявили глубокий интерес к этой многовариантной форме экономической интеграции и действовали довольно активно для того, чтобы обеспечить успешное проведение саммитов. В первых экономических саммитах (всего с 1994 по 1997 гг. состоялось 4 раунда – в Касабланке, Аммане, Каире и Дохе) приняли участие представители около 800 крупнейших

мировых корпораций, банков, международных экономических организаций и других экономических структур, объем предполагавшихся сделок на осуществление различных региональных интеграционных проектов превысил 100 млрд. долл.⁸

Межарабская интеграция, в том числе в форме Союза Арабского Магриба, как свидетельствует мировой опыт, – важная составная часть интеграционных процессов, включая сотрудничество с ЕС⁹. Однако межарабские противоречия, в особенности обострение отношений между Алжиром и Марокко из-за западносахарской проблемы, заблокировали процесс становления САМ, который эксперты склонны рассматривать в качестве «лакмусовой бумажки», указывающей на готовность арабов начать движение к полномасштабному сотрудничеству с Европой.

Наряду с отмеченными проблемами политического характера, неоднозначно влияющими на интеграционные процессы между ЕС и странами Северной Африки, существенные различия в темпах их экономического развития и становления рыночной экономики дают основания полагать, что и скорости их интегрирования в ЕС будут различаться. Сказанное находит свое подтверждение в практических шагах, предпринятых в последние годы.

Наибольшие шансы на более быстрое продвижение по этому пути имеет Тунис, интеграция с которым демонстрирует плоды и возможности сотрудничества и уже становится своеобразной моделью для других стран региона. Именно Тунис первым среди североафриканских государств подписал с ЕС в июле 1995 г. Договор об ассоциации, рамки которого отражают новый этап во взаимоотношениях партнеров, объявленный ЕС в 1992 г. Договор вступил в силу в 1996 г., а его важнейшие положения, касающиеся постепенного снижения таможенных пошлин Тунисом в торговле с ЕС – с 1998 г. (симптоматично то, что Тунис начал постепенное сокращение пошлин с 1996 г. – практически на два года раньше обусловленного срока).

Основные статьи и содержание Договора в области экономических отношений предусматривали сохранение на ближайшие 4 года существующих квот на одну из ведущих статей экспорта – оливковое масло и одновременно расширение квот, распространяемых на такие важные статьи экспорта, как картофель, томаты и цветы. Тунис ожидал получения большего доступа к фондам ЕС, связанным с инвести-

циями и поддержкой программ экономических реформ, включая реструктуризацию промышленности. В сентябре 1996 г. Европейская комиссия утвердила выделение для Туниса в рамках программы MEDA (поддержка реформирования экономики) 100 млн. экю, а также 45 млн. для профессиональной подготовки. В целом, по оценке международных экспертов, страна ежегодно нуждается в иностранных инвестициях в объеме не менее 400 млн. долл. для поддержания необходимых темпов экономического роста.

1 января 1997 г., т.е. спустя пять лет после объявления Новой интеграционной стратегии, был подписан Договор об ассоциации Марокко и ЕС (Morocco-European Union Association Agreement), который явился частью обновленной Средиземноморской политики Евросоюза. Договор заменил Соглашение о сотрудничестве (Cooperation Agreement), действовавший с 1 ноября 1978 г. Новый договор – бессрочный. От прежнего его отличает прежде всего согласие партнеров на постепенное формирование единого торгового пространства (Free Trade Area) на основе положений ВТО, предоставление взаимных торговых преференций, развитие партнерства в области предоставления услуг и поддержание политического диалога через учреждение Совета ассоциации (Association Council) на уровне министров и Комитета ассоциации (Association Committee), состоящего из старших чиновников, управляющих реализацией Договора.

Договор намечает отмену в течение 12 лет всех таможенных пошлин и сборов на промышленную продукцию, произведенную в ЕС.

В области сельского хозяйства меры по либерализации взаимной торговли намечено осуществлять по истечении примерно десяти лет с момента провозглашения новой интеграционной политики. Договор предусматривает углубление преференций для Марокко на вывоз ряда сельскохозяйственных товаров, в том числе на экспорт томатов, цитрусовых, молодой картошки и цветов. Квоты на их экспорт в страны ЕС были увеличены.

Что касается продукции рыболовства, Договор намечал свободный доступ на рынки ЕС ведущего вида продукции этой отрасли – консервов сардин с 1999 г., учитывая при этом, что прочая рыбная продукция уже имеет свободный доступ на рынки ЕС с 1976 г.

В Договоре также предусматривается широкое сотрудничество в экономической, финансовой, технической, социальной и культурной областях, в том числе:

- в политической сфере путем организации политического диалога, охватывающего все вопросы и проблемы, в которых партнеры имеют общие интересы;

- во внешней торговле через организацию свободного передвижения как промышленных, так и сельскохозяйственных товаров и формирования зоны свободной торговли (Free Trade Area);

- в области предоставления услуг, осуществления платежей, движения капиталов и конкуренции;

- по хозяйственной кооперации акцент был сделан на развитии и поддержке отраслей, затрагиваемых либерализацией торговли между ЕС и Марокко, а также отраслей, особенно влияющих на экономический рост и создание новых рабочих мест;

- в социальной сфере сотрудничество охватывает процессы трудовой миграции работников, условия их адаптации на территории страны-реципиента;

- культурное сотрудничество имеет целью установление длительного «культурного диалога».

Договор предусматривает реализацию так называемой индикативной программы и связанного с ней комплекса мер (MEDA), включающих поддержку экономических либеральных реформ, содействие компаниям в процессе их структурной реорганизации, в подготовке кадров и развитии совместных компаний.

В 1997 г. Марокко была предоставлена помощь в 120 млн. экю на поддержку реализации программы структурных реформ, еще 40 млн. – на финансирование проектов по развитию системы обеспечения питьевой водой и 15 млн. – на проекты сельскохозяйственного развития.

До этого в середине 90-х годов был перезаключен договор о сотрудничестве в области рыболовства в экономической зоне Марокко, которое позволило этой стране получить большую, чем раньше, компенсацию за лов судами европейских стран, главным образом испанскими и португальскими, а также некоторые новые льготы при сотрудничестве в области рыболовства и переработки морепродуктов.

Прогресс экономического партнерства ЕС обусловлен рядом требований по соблюдению прав человека и демократических принципов во внутривнутриполитической жизни.

Помимо Туниса и Марокко договор об ассоциации с ЕС подписали Алжир и Египет, но произошло это значительно позже – лишь в начале текущего десятилетия. Эти договоры намечают направления и темпы развития партнерства, схожие с зафиксированными в договорах с Тунисом и Марокко¹⁰.

Что касается более долгосрочных перспектив партнерства, связанных с приемом в члены ЕС, то они в сильной мере ограничены так называемыми Маастрихтскими соглашениями, которые устанавливают довольно жесткие рамки для членства в ЕС по ряду важнейших экономических показателей: годовой уровень – «ахиллесова пята» практически всех стран Северной Африки; инфляция не должна превышать 2,7%; дефицит госбюджета – 3%; государственный долг, включая внутренний – 60% ВВП¹¹. Однако достигнутые за годы реформ результаты дают некоторые основания считать, что наиболее успешно развивающиеся экономически страны региона – Тунис, Египет и Марокко при благоприятных условиях смогут преодолеть установленные соглашениями ограничения. При этом не исключено, что придется пожертвовать некоторыми важными социальными и экономическими программами, которые финансировались из госбюджета, и вопрос о том, смогут ли обеспечить эти страны социальную стабильность в условиях ограничения государственных расходов в начале XXI в., остается открытым.

Достаточно сложной является и проблема полной конвертируемости национальных валют арабских стран и их вхождения в единую валютную зону после введения в обращение в странах ЕС евро.

Практика расширения ЕС последних лет за счет приема ряда стран восточного Средиземноморья и Восточной Европы подсказывает, что для относительно безболезненного вхождения в Союз уровень экономического развития должен обеспечивать не менее 3–5 тыс. долл. годового дохода на душу населения. К этой границе пока наиболее близок лишь Тунис, хотя в Ливии этот уровень уже превзойден (но в Ливии – другие проблемы, прежде всего политического характера). В этой связи обращает на себя внимание довольно быстрый рост ВВП в отдельных странах региона в 90-е годы, что позволяет говорить о возможности в течение полутора-двух десятилетий значительно повысить годовой доход на душу населения. На это указывает следующая таблица.

Таблица 1

**Динамика объема ВВП
в странах Северной Африки в 90-е годы**

	Объем ВВП, млрд. долл.		Прирост, %	ВВП на душу населения, долл.		Прирост, %
	1990	1999		1990	1999	
Египет	48,1	75,6	57,4	853	1168	36,9
Алжир	61,9	32,3	-47,9	2483	1097*	-55,8
Ливия	30,2	29,3	-3,0	6838	5621*	-17,8
Марокко	25,8	33,5	29,8	1029	1246*	21,1
Тунис	12,3	19,0	54,3	1510	2063*	36,6

Примечание: * 1997 г.

World Statistics. 2000. UN, N.Y., с. 5, 61, 111, 129, 191; UNCTAD.

Handbook of Statistics. UN. 2000, с. 4.

Данные таблицы указывают на то, что такие страны, как Египет и Тунис, значительно продвинулись в своем экономическом развитии, ВВП в них возрос менее чем за десятилетие более чем наполовину, а в расчете на душу населения – более чем на треть. Этот успех свидетельствует о том, что в обозримой перспективе достижение минимально необходимого для вступления в ЕС уровня экономического развития – задача вполне реальная для стран Северной Африки. Близко к этой группе по темпам экономического роста стоит и Марокко, однако динамика основных макроэкономических показателей в этой стране в 90-е годы – начале XXI в. менее устойчива, чем в Тунисе и Египте, кризисные явления в ее экономике и социальной сфере пока не преодолены¹².

Ситуация в Алжире и Ливии в конце XX в. резко контрастировала с положением в странах первой группы. Глубокий системный кризис в Алжире, в целом неудачная модель экономического развития, сложившаяся в Ливии, и международные санкции против этой страны в 90-е годы отбросили, в особенности первую из них, на позиции более чем десятилетней давности. Опыт стран региона лишний раз убеждает в том, что господство этатистской модели экономики и жестких авторитарных политических режимов содержит потенциальную угрозу и неизбежно порождает глубокий кризис, несовместимый с членством в таком экономическом и политическом союзе, как ЕС.

Однако и в наиболее динамично развивавшихся в эти годы странах региона пока рано говорить о достижении такого уровня, который характеризуется стабильно высоким экономическим ростом. Эксперты отмечают, что все еще сохраняющаяся тесная зависимость национальных экономик от внешних факторов (состояния мировой экономики и ее важнейших сегментов – финансовой сферы, мирового рынка энергоносителей, а также политической конъюнктуры и, соответственно, стабильности поступлений из крупных источников инвалюты, таких как иностранный туризм, переводы эмигрантов, доходы от экспорта энергоносителей и т.д.) своим следствием имеет заметные колебания в темпах роста. Наряду с этим со значительными трудностями сталкивается реализация жизненно важных программ развития экспортного сектора национальных экономик. В этой связи в начале текущего десятилетия отмечается некоторое ухудшение ряда ключевых макроэкономических показателей, в частности, в Египте. Так, темпы прироста ВВП в 2001 г. сократились, по официальным данным, до 4,9% (по неофициальным – до 3%) по сравнению с 6% в 2000 г. Вновь увеличился разрыв между объемами импорта и экспорта, в результате чего ухудшились показатели внешнеторгового баланса. Проведенная впервые за длительный период значительная и многократная девальвация египетского фунта (его курс снизился с примерно 3,4 ег.ф. за 1 долл. США до более 5 ег.ф.), ряд непопулярных мер по ужесточению режима экономии и ограничению импорта привели к снижению активности местных и иностранных инвесторов, падению переводимых эмигрантами средств (всего за 90-е годы в АРЕ из этого источника поступило порядка 60 млрд.долл.). Мировой финансовый кризис конца XX в. хотя и не в такой степени, как в странах юго-восточной Азии и Латинской Америки, все же «докатился» и до арабских государств, способствуя некоторому падению внешних поступлений и отрицательно сказавшись на деятельности еще недостаточно развитых в Египте, Марокко и Тунисе рынков капиталов.

Вместе с тем резкий рост цен на энергоносители в начале XXI в., снятие санкций с Ливии, некоторая стабилизация внутривластного положения, а также возросшая помощь Алжиру со стороны международных доноров и, главным образом, решение проблемы огромного внешнего долга, другие благоприятные факторы внешнего и внутреннего порядка позволили

в последние годы большинству стран Северной Африки ограничить действие неблагоприятных тенденций и улучшить ключевые макроэкономические показатели. В частности, В Алжире и Марокко они превысили 4-процентный рубеж, к этой отметке близок показатель и по Египту; имеющиеся прогнозы благоприятны для Ливии и Туниса¹³.

До провозглашения новой интеграционной политики курс ЕС в отношении юга Средиземноморья главным образом строился на развитии сотрудничества на двусторонней основе. Такой подход сохраняет свое значение и в последнее десятилетие, однако с 1992 г. он все более сочетается с новым направлением в политике ЕС, в которой заметно усиливается акцент на стимулирование многостороннего сотрудничества по нескольким линиям – в рамках сотрудничества ЕС – Средиземноморское сообщество, ЕС – Лига арабских государств, ЕС – Союз Арабского Магриба, путем поощрения межарабской интеграции в формате Союза Арабского Магриба и т.д. Такой подход означает, что в странах объединенной Европы позитивно оценивают возможный вклад в реализацию новой интеграционной политики ныне формирующихся и все более заявляющих о себе субрегиональных и межрегиональных организаций с участием арабских государств.

Инициирование Евросоюзом различных направлений и форм экономического, политического и гуманитарного многостороннего сотрудничества с участием североафриканских государств предполагает, по замыслу авторов нового курса, адекватную реакцию со стороны арабских партнеров, желающих вступить в ЕС. Одним из ключевых моментов в этом плане, который может стать решающим в судьбе государств Северной Африки, является уступка части суверенных прав в пользу наднациональных органов – наднационального юридического органа – суда, общего парламента, исполнительного органа, которому делегированы отдельные функции национальных правительств и т.д. (сформированы странами САМ в 1994 г., однако из-за разногласий, главным образом между Марокко и Алжиром, их деятельность заморожена). Наднациональные органы могут быть созданы и в рамках сотрудничества с ЕС. Авторы обновленной концепции, в частности, исходят из того, что если наднациональные органы не будут созданы и не начнут эффективно функционировать (по аналогии с

ЕС), то полномасштабная интеграция окажется просто химерой.

Немалые различия, отчетливо проявляющиеся между странами Северной Африки в сложившихся в них политических системах, уровнях экономического развития и, как следствие, в подходах к решению внутри- и внешнеполитических проблем, вопросов хозяйственной жизни, не могли не наложить свой отпечаток на позицию каждой из них в отношении партнерства с Евросоюзом.

Как уже отмечалось, географическая близость ЕС – одного из ведущих политических и экономических центров мира наряду с другими факторами предопределяет предрасположенность стран Северной Африки к сближению с Евросоюзом. В силу исторических особенностей, состояния национальных экономик, традиционных внешнеполитических приоритетов и т.п. практически все страны Северной Африки проявляют высокую степень заинтересованности в углублении сотрудничества с объединенной Европой. Тунис и Марокко наиболее динамично продвигаются в развитии делового партнерства с ЕС. Далее следуют Египет и Алжир, также заключившие в начале XXI в. договоры об ассоциации. Общие цели этих стран – войти после 2008 г. в единое торговое пространство с ЕС, предполагающее отмену квот на свои основные экспортные товары (для Марокко и Туниса – на сельскохозяйственную продукцию, товары легкой промышленности, а для Алжира и Египта, а также Ливии – еще и на продукцию нефтехимической отрасли), получить от Евросоюза необходимые для поддержки главным образом своих промышленных предприятий выделяемые объединенной Европой финансовые ресурсы и технологии, инвестиции европейского частного капитала.

Видимо, Тунис, Марокко, Египет и Алжир первыми среди стран региона войдут в средиземноморскую зону свободной торговли, создание которой намечено завершить либо к концу первого десятилетия XXI в., либо несколько позже.

Ливии, Мавритании и Судану – странам, наименее продвинувшимся в обновлении своих политических систем и формировании современных рыночных экономик, вероятно, предстоит пройти более долгий и сложный путь к этой цели. В отличие от первой группы государств Северной Африки этим странам предстоит активизировать свое участие как в процессах экономической интеграции, так и в сфере политического и гумани-

тарного сотрудничества. Симптоматично то, что они изрядно задержались с вхождением в довольно широкий и представительный состав участников Средиземноморского форума, оставаясь на периферии как регионального и межрегионального взаимодействия, так и общественного прогресса в целом.

Асимметрия интересов к сотрудничеству между ЕС и странами Северной Африки в его наиболее глубокой и разносторонней форме, каковой является интеграционный процесс, в отношении последней группы стран еще более значительна (хотя и в этой группе Ливия как крупный экспортер углеводородов в Европу занимает несколько обособленное положение).

**Первые результаты реализации «новой
интеграционной стратегии» в экономической,
политической (военно-политической)
и гуманитарной областях**

Хотя со времени провозглашения новой интеграционной стратегии ЕС прошло немногим более десяти лет и еще меньше (от 1–2 до 5–6 лет) после вступления в силу ряда важнейших договоренностей о партнерстве в хозяйственной сфере, ее результаты, прежде всего в экономической области, в целом можно оценить как позитивные. Что касается политической и гуманитарной сфер, то прогресс здесь менее заметен или весьма ограничен, особенно в Судане, Ливии и Мавритании. Тем не менее и здесь подвижки имеют основополагающее значение для всего процесса экономической и политической интеграции.

Суммируя основные итоги первого десятилетия развития новых партнерских связей между ЕС и странами Северной Африки, следует отметить, что новый курс Евросоюза способствовал наряду с другими факторами стабилизации политики реформ в большинстве стран региона, включая страны с кризисной ситуацией (Алжир, в немалой мере это справедливо и в отношении Марокко). В основе большей стабильности и достигнутого прогресса лежит повышение темпов экономического роста, ощутимый прирост объема ВВП, в том числе в расчете на душу населения.

Это стало возможным благодаря не только поддержке реформ, но и стабильному и сравнительно высокому объему партнерских экономических связей.

Вместе с тем позитивные изменения носят ограниченный характер, т.к. большие различия между двумя регионами практически по всем параметрам социально-экономической и политической жизни, имевшиеся к началу 90-х годов прошлого века, когда была провозглашена новая интеграционная политика ЕС, сохраняются и оказывают значительное воздействие, сговываяют ход развития партнерских связей.

Динамика изменений в одной из ключевых сфер сотрудничества – взаимной торговле двух стран Северной Африки, первыми заключившими договоры с ЕС об ассоциации, указывает на наличие обеих тенденций.

Таблица 2

**Динамика объема взаимной торговли
между странами Северной Африки и Евросоюза
в 90-е годы – начале XXI в.**

	Экспорт в страны ЕС			Импорт из стран ЕС		
	1995 г.	1997 г.	2002 г.	1995 г.	1997 г.	2002 г.
Марокко*	23689	25607	57812	32242	32241	59681
Тунис**	4235	4140	6307	5276	5517	8712

* млн. дирх.

** млн. долл.

The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001, с. 951–952, 1146; The Middle East Economic Digest. L., 2005, № 10, с. 864, 1108–1109.

Необходимо отметить, что взаимный торговый обмен, облегчение доступа товаров на рынки партнеров стран Северной Африки и Европы, как свидетельствуют эта таблица и другие источники, не привели пока к «революции» в торговом обмене между ними. Иными словами, ожидавшегося частью экспертов резкого изменения сложившегося баланса во взаимной торговле в пользу ЕС и «наводнения» рынков североафриканских стран европейскими товарами к концу 90-х годов не произошло. В результате местная промышленность в Тунисе и Марокко до последнего времени не испытывала чрезмерных напряжений, связанных с ростом конкуренции со стороны европейских промышленных производителей, экспортирующих свою продукцию на рынки этих североафриканских государств. Вместе с тем произошел существенный рост экспорта арабских

стран в объединенную Европу, который уравнивался возросшим импортом.

Градуалистский подход к полной отмене таможенных пошлин и иных барьеров на пути взаимной торговли себя оправдал. В немалой степени это определялось тем, что лишь спустя 2–3 года после подписания договора об ассоциации предусматривалось введение в действие положений о постепенной отмене таможенных пошлин (для Туниса – с 1998 г., для Марокко – с 2001 г., для Египта и Алжира – еще позже, с учетом их более позднего присоединения к ЕС в ранге ассоциированных членов).

В целом во второй половине 90-х гг. – начале текущего десятилетия сохраняется высокая доля ЕС во внешней торговле стран региона (от более чем 50% в Египте до 2/3–4/5 – в Марокко, Тунисе, Алжире, Ливии). Как и прежде, доминирует тенденция роста объема взаимной торговли практически по всем странам Северной Африки, как следствие происходящей либерализации торгового обмена между ними и сохранения действия ряда иных фундаментальных для межрегионального партнерства факторов.

Важным показателем прочных позитивных изменений, несмотря на имевшиеся ранее опасения, связанные с намечавшейся полной либерализацией взаимной торговли, является некоторый рост (оливки, цитрусовые, овощи) или сохранение (текстиль, одежда, обувь) объема экспорта отдельных традиционно важных видов экспортной продукции Туниса и Марокко в страны ЕС.

Таблица 3

Динамика экспорта ряда важных сельскохозяйственных товаров из Марокко и Туниса в страны ЕС во второй половине 90-х гг. – начале XXI в.

Страна	Оливки			Текстиль, одежда, обувь					
	1995	1996	1997	1995	1996	1997			
Тунис	230	123	264	2534	2627	2528			
	Цитрусовые			Рыбные консервы			Овощи		
	1995	1996	1997	1995	1996	1997	1995	1996	1997
Марокко	1716	2700	2377	1542	1535	1664	1421	1275	1497

Примечание: данные по Тунису – в млн. долл., по Марокко – в млн. дирх. Объем марокканского экспорта продовольственных товаров в ЕС за указанные годы увеличился с 12392 млн. дирх. до 13090 млн.

Источник: The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001, с. 951–952, 1146.

В целом о динамике в области внешней торговли говорит то, что в 1997–2002 гг. туниcский экспорт рос ежегодно на 14–16% за счет увеличения вывоза за рубеж готовых изделий, прежде всего продукции ведущих отраслей – текстильной, пищевкусовой, кожевенно-обувной, а также горнодобывающей (фосфаты) и химической промышленности, продукции сельского хозяйства. Однако рос и импорт, причем более быстрыми темпами, чем экспорт – на 16–18%. Более быстрый рост импорта в сравнении с экспортом можно было бы трактовать как негативную тенденцию, если бы не ряд обстоятельств. Во-первых, Тунис в условиях либерализации экономики и внешнеэкономических связей стремится скорее модернизировать свою промышленность и повысить ее конкурентоспособность, что вынуждает его закупать в значительных объемах современные технологии, сырье и полуфабрикаты. Во-вторых, страна в 90-е годы значительно расширила источники поступления иностранной валюты, что позволяет ей покрывать увеличивающийся объем импорта без чрезмерной нагрузки для бюджета. И, в-третьих, Тунис последовательно предпринимает меры для достижения большей сбалансированности во внешней торговле, хотя до конца предшествующего десятилетия они были несколько менее эффективны, чем это ожидалось.

Европейский частный капитал проявил несомненный интерес и принял участие в приватизации, довольно активно и в основном успешно проводимой со второй половины 90-х годов в Египте, Марокко, Тунисе. В частности, европейские компании купили значительные пакеты акций энергетических, телекоммуникационных, металлургических компаний, а также некоторых банков, действующих в сфере внешней торговли, промышленности и сельского хозяйства. На основе приватизированных объектов были созданы совместные компании с участием европейского капитала. Все это увеличило приток частного европейского капитала в экономику Египта, Туниса и Марокко. Наряду с тем, что возросли объемы средств, инвестированных в экономику этих стран, эксперты отмечают ослабление зависимости североафриканских государств, прежде всего Туниса и Египта, от внешних источников финансирования. Все это укрепляет инвестици-

онный климат в данной группе стран, способствует расширению их доступа к современным технологиям, в которых они остро нуждаются для модернизации своей экономики, и к капитальным ресурсам, имеющимся в развитых промышленных государствах. Однако пока приток европейских инвестиций не достиг своего пика, т.к. приватизация да и сами реформы в странах региона далеко не завершены. Кроме того, в ряде стран региона – Алжире и Ливии сохраняется неудовлетворительная ситуация с привлечением европейского капитала. В частности, на это указал и президент Алжира А.Бутефлика во время своего визита во Францию в 2001 г.

Таблица 4

Приток прямых иностранных инвестиций в экономику ряда стран Северной Африки в 80–90-е годы,
млн. долл.

	1980 г.	1999 г.
Алжир	349	6
Египет	548	1500
Ливия	-1089	-100
Марокко	89	847
Тунис	335	670*

* 1998 г.

UNCTAD. Handbook of Statistics. 2000. UN, 2000, с. 248.

Ряд государств региона, прежде всего Алжир и Египет, существенно облегчили бремя внешних долгов, львиная доля которых приходилась на страны-члены Лондонского и Парижского клубов.

В сфере передачи новейших технологий основные подвижки были связаны с подготовкой местных компаний к созданию зоны свободной торговли, а также с приходом европейского капитала в приватизированные объекты. С этого времени в них началась необходимая и ожидаемая модернизация с целью повышения эффективности работы и конкурентоспособности. Что касается расширения доступа арабских стран к новейшим технологиям через соответствующие фонды ЕС, то Евросоюз последовательно придерживался принятых на себя обязательств и периодически выделял крупные суммы на реализацию программ модернизации компаний и фирм арабских парт-

неров. Каждая из стран, заключившая соответствующие договоры с ЕС, получила за последнее десятилетие порядка 200–300 и более млн. долл. на эти цели. Это дает представление об уровне технического содействия Евросоюза североафриканским государствам, хотя данный процесс находится лишь в самой начальной стадии, и можно ожидать нарастания сотрудничества именно в этой области по мере усиления конкуренции европейских товаров на рынках арабских стран¹⁴. Крупных сдвигов в области свободного передвижения рабочей силы, главным образом по линии североафриканской миграции в страны ЕС, в последние годы не произошло. Тем не менее сегодня в странах ЕС обращают все большее внимание на ту озабоченность, которую выражают североафриканские страны по поводу своего более свободного доступа на рынки труда в Европе и соблюдения основных прав мигрантов. В соответствующих структурах ЕС ожидалось принятие в Европарламенте закона о соблюдении основных прав мигрантов. Однако масштабы и характер проблемы таковы, что для ее более или менее удовлетворительного решения партнерам потребуется пройти значительный путь и решить ряд жизненно важных проблем – сократить ареалы бедности, снизить уровень безработицы, найти взаимоприемлемые формы решения проблемы незаконной миграции и т.д. В Европе в последние годы активно обсуждаются меры, направленные на ограничение нелегальной миграции и ужесточение условий, регулирующих потоки как трудовой, так и политической миграции.

Следует особо подчеркнуть, что поддержка Евросоюзом (наряду с более широкой международной поддержкой) Алжира на двух- и многосторонней основе позволила предотвратить сползание этой страны к масштабной гражданской войне и коллапсу. В Судане также несколько активизировался переговорный процесс по проблеме Юга и появилась надежда на ее политическое решение, хотя до ожидаемого результата предстоит еще преодолеть немало препятствий, о чем свидетельствует очередное обострение ситуации на юге страны летом 2002 г.

В соответствии с новой политикой ЕС и заключенными договорами Евросоюз примерно вдвое увеличил размеры грантов, предоставляемых арабским странам на реализацию различных социально-экономических проектов, в том числе имеющих многосторонний (интеграционный) характер – до 5 млрд. экю (евро)

на каждое пятилетие (1992–1996 и 1997–2001 гг.). Порядка 40% этих средств получили страны Магриба. Среди проектов и программ – осуществление исследовательских работ, связанных с развитием региональной инфраструктуры, проведение курсов и семинаров, сотрудничество в области охраны окружающей среды.

Эксперты ЕС отмечали в начале 90-х годов значительное недоиспользование выделенных ЕС средств, предназначенных для реализации многосторонних проектов. Поэтому в новой политике акцент делается на поиске новых механизмов и средств, поощряющих североафриканские страны активно использовать ресурсы, выделяемые именно на цели многостороннего сотрудничества в регионе, преодоление политических трений, мешающих достижению данной цели. Одновременно усилен контроль Евросоюза за целевым использованием выделяемых ЕС фондов. Однако практика как 80-х, так и 90-х годов свидетельствует о значительных трудностях в этой области.

Провозглашение ЕС новой интеграционной стратегии в 1992 г. дало необходимый первоначальный импульс процессу усиления межмагрибского сотрудничества. В результате впервые были сформированы структуры и институты Союза Арабского Магриба – высший административный орган САМ – штаб-квартира Союза, парламентский союз, региональный банк, призванный финансировать многосторонние интеграционные проекты в рамках САМ, университет государств-членов САМ. Казалось, наконец, после нескольких десятилетий безуспешных попыток сформировать дееспособный региональный союз государств Магриба эти усилия увенчались первым серьезным успехом. Но новое обострение отношений между двумя ключевыми участниками САМ – Алжиром и Марокко из-за западносахарской проблемы торпедировало эти усилия. В настоящее время межмагрибские структуры практически бездействуют.

Провал попыток ускорить процесс внутрорегиональной интеграции – серьезная неудача, которая и по настоящее время осложняет в целом процесс развития интеграционных связей между ЕС и странами Северной Африки. Однако она не может заблокировать сближение между двумя группами стран. Более того, отдельные страны региона, стремясь снизить ущерб от провала попытки реанимировать САМ, прояв-

ляют новые инициативы по развитию такого сотрудничества, но уже на двусторонней основе. В частности, активно продвигаются двусторонние проекты в области либерализации торговых отношений, свободы передвижения рабочей силы и капиталов, создания единой энергетической системы, сооружения транссевероафриканской автомобильной и железнодорожной сети, совместных газо- и нефтепроводов и другие. В отдельных из этих проектов на двух-, трех- или многосторонней основе участвуют Египет, Ливия, Алжир, Тунис и Марокко. Таким образом, несмотря на замораживание деятельности созданных в первой половине 90-х годов межмагрибских интеграционных структур, сам процесс углубления партнерства в рамках региона продолжает развиваться в новых формах и в более широких масштабах.

Проводимые за последние годы встречи и консультации стран ЕС и Северной Африки как на двух-, так и на многосторонней основе, в том числе в рамках Средиземноморского форума, позволяют более точно оценить результаты интеграционного процесса.

Так, на 8-м Средиземноморском форуме (Танжер, май 2001 г.) участниками, в число которых, в частности, вошли Египет, Марокко, Тунис, Алжир, было отмечено, что в арабских странах ощущается заметный дефицит инвестиционных ресурсов, что тормозит экономический рост и решение связанных с этим многих ключевых проблем региона. Тем самым было подтверждено, что выделяемых ЕС ресурсов, а также мер, призванных стимулировать инвестиции в экономику арабских стран, пока недостаточно. Согласно имеющимся оценкам, объем ежегодно привлекаемых всеми странами южного Средиземноморья из Европы прямых инвестиций в середине – второй половине 90-х годов составлял около 3 млрд. долл. при потребностях в 5–6 млрд.¹⁵ Острота проблемы привлечения европейских инвестиций поставила вопрос о необходимости дополнительных усилий и мер, связанных с решением этой задачи. Европа выступает, как и прежде, с более осторожных позиций, предлагая созвать специальную сессию Средиземноморского форума.

Арабские партнеры выдвигают более решительные предложения: как можно скорее создать Евро-Средиземноморское экономическое пространство, что облегчит приток капиталов в регион. Различия, как и близость подходов обеих сторон по

этому ключевому вопросу, весьма симптоматичны. Вряд ли позиции сторон в ближайшей перспективе полностью сближаются, т.к. ЕС, от которого зависит выделение новых значительных дополнительных средств, склонен будет пойти на это, лишь получив веские для такого шага аргументы в виде успешного завершения экономических реформ, формирования устойчивого и массового местного предпринимательского слоя, прочно занявшего ключевые позиции в национальной экономике, серьезных подвижек в области демократизации политической жизни, формирования гражданского общества, включая устранение бюрократических пут на пути свободного развития рыночной экономики. Вместе с тем стороны пришли к принципиальному согласию, и это важно подчеркнуть, относительно необходимости принятия дополнительных мер в этом направлении, снимающих препятствия на пути движения капиталов.

Некоторые подвижки наметились в области более динамичного продвижения по пути межарабской интеграции, заблокированной противоречиями между арабскими странами, в том числе Алжиром и Марокко. Египет, Тунис, Марокко и одна из стран Магрика и активная участница Ближневосточных экономических саммитов – Иордания заявили в 2001 г. о создании в ближайшей перспективе между ними зоны свободного передвижения товаров, капиталов и рабочей силы – некоего аналога арабского Общего рынка.

Реалистично оценивая достигнутое, участники Форума отметили более низкие темпы продвижения интеграционных процессов, чем это ожидалось ранее, и проблематичность завершения к 2010 г. формирования единого экономического пространства в регионе Средиземноморья. Впрочем, такая констатация не ставит под сомнение достигнутый в последний период прогресс и саму цель.

Форум, по сути, констатировал сохранение прежних расхождений в вопросе о свободе перемещения рабочей силы между европейскими и арабскими странами, что, впрочем, не удивительно, т.к. реализация этого принципа возможна лишь при определенных условиях, не оказывающих негативного влияния на рынок труда в европейских странах, не угрожающих их внутренней безопасности.

Наряду с этим стороны явно недостаточно продвинулись в области активизации двустороннего диалога по всему кругу гуманитарных проблем, что, в частности, отмечалось и участ-

никами Стокгольмской конференции, посвященной вопросам сотрудничества между ЕС и странами юга Средиземноморья¹⁶.

**Интеграционные процессы между ЕС
и странами Северной Африки
и российско-арабское сотрудничество.**

**Значение опыта развития комплекса
интеграционных связей между ЕС
и североафриканскими странами для России**

Интеграционная политика Евросоюза в отношении стран южного Средиземноморья в своих основных аспектах сулит успех в силу целого ряда факторов, имеющих фундаментальный характер. Несмотря на значительные объективные сложности, стороны постепенно продвигаются к достижению более тесного и разностороннего партнерства.

Однако масштабы стоящих перед североафриканскими странами проблем оставляют значительное поле деятельности для сотрудничества с другими государствами, организациями и регионами, включая такого традиционного партнера арабских стран, как Россия.

Перспективы российско-арабского сотрудничества в свете новой интеграционной политики ЕС на южном направлении пока не сводятся к ответу на вопрос, будет ли Россия вытеснена из сферы делового партнерства европейскими конкурентами или нет, – у сторон имеется внушительный потенциал для его развития. Однако динамично меняющиеся условия сотрудничества между ЕС и странами Северной Африки (как и между США и государствами региона), главным образом постепенная либерализация торговых отношений, резкий рост – практически удвоение объема помощи ЕС, а также наметившийся приток европейского частного капитала уже влияют на российско-арабские торгово-экономические связи, и это влияние, без сомнения, будет возрастать. Поэтому проблема приспособления партнеров к новой хозяйственной среде приобретает с каждым годом все большую актуальность.

В свете нынешнего курса ЕС в отношении стран Северной Африки российским коммерческим и государственным структурам уже в ближайшей или обозримой перспективе предстоит столкнуться с новыми реалиями, к которым необходимо было готовиться «еще вчера». Среди них следует отметить такие, как:

– рост конкуренции российским товарам, технологиям и различным видам услуг на рынках стран Северной Африки в условиях притока европейских товаров и технологий;

– повышение стандартов, ужесточение требований, предъявляемых к качеству, цене и т.п. в отношении российских товаров и услуг со стороны арабских партнеров;

– более жесткая привязка развития экономического сотрудничества и помощи к партнерству в политической сфере.

С высокой степенью вероятности (несмотря на имеющиеся острые разногласия, порой кризисные ситуации, возникающие в отношениях отдельных североафриканских государств со странами-членами ЕС) можно ожидать развития партнерства в военно-политической области и сужения сотрудничества с другими, прежде традиционными партнерами, включая РФ. На это указывает, в частности, опыт российско-египетского сотрудничества, активизация с конца 90-х годов позиций и инициатив США в регионе (параллельно с ЕС). В этой связи обращает на себя внимание широкомасштабная программа сотрудничества, которая была предложена ряду североафриканских стран Соединенными Штатами во время визита зам. госсекретаря в Северную Африку в 1997 г. (ее объем – 5 млрд. долл. сопоставим с фондами, выделяемыми на эти цели ЕС).

Россия обладает возможностями и в условиях обострения конкурентной борьбы не только сохранить, но и расширить свою нишу в важном и перспективном для ее экономики регионе Северной Африки¹⁷. Однако промедление с реализацией комплексной концепции активной внешнеэкономической стратегии РФ на ближневосточном направлении может обернуться уже в ближайшей перспективе утратой ряда важных позиций, включая экспорт продукции машиностроения.

Заключение

Первый опыт по формированию единого торгового пространства, включающего страны ЕС и южного Средиземноморья, стимулированию более глубоких – интеграционных (кооперационных) экономических, политических и гуманитарных связей в период, охватывающий 90-е годы – начало XXI в., подтвердил ожидаемые трудности и узкие места, как и наиболее оптимальные и перспективные направления развития партнерских связей на новом, более высоком уровне.

Предстоящее десятилетие будет решающим с точки зрения достижения важнейших целей и задач в области сотрудничества и углубления интеграции между партнерами, т.к. именно в этот период намечено в основном завершить либеральные экономические реформы в арабских странах, сформировать единое торговое пространство (и создать или укрепить уже имеющиеся основы для единого экономического пространства), охватывающее ЕС и страны южного Средиземноморья.

Однако круг факторов, препятствующих или осложняющих ход интеграционного процесса, и прежде всего наиболее фундаментальные из них – разрыв в уровнях экономического развития и глубокие различия в политических системах сохраняют свое значение и в начале XXI в. Хотя их влияние не является непреодолимым препятствием на пути развития партнерства в рамках новой интеграционной политики ЕС, оно оставляет открытым вопросы о темпах и формах углубления сотрудничества на его ключевых направлениях. В этой связи надо признать, что несмотря на стремление партнеров к расширению масштабов сотрудничества, скорейшему продвижению к согласованным формам, целям интеграции, последняя в ряде важных аспектов отстает, как показало последнее десятилетие XX в., от намеченного. Вероятно, партнерам предстоит существенная корректировка всей программы сотрудничества. Ее эффективность во многом, если не в первую очередь, зависит от целенаправленных инициатив в ключевых сферах партнерства самих арабских государств.

В свете вышесказанного для внешнеполитического и экономического курса РФ на североафриканском направлении важно учитывать динамику и масштабы интеграционных процессов между ЕС и странами региона с тем, чтобы не утратить имеющиеся позиции и не быть вытесненными из важных экономических и иных сфер сотрудничества.

¹ International Trade Statistics Yearbook. 1999. UN, N.Y. 1999; The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001; <http://www.arab.net/Algeria, Libya, Morocco, Sudan, Tunisia>.

² Tim Niblock. The Realms within which Regional Cooperation and Integration could be Fostered. L., с. 45–53.

³ www.coe.int/comm/index_en.html

⁴ Financial Times. L., 12.11.1996.

⁵ <http://www.arab.net/Algeria, Libya, Morocco, Sudan, Tunisia>.

⁶ The Middle East and Europe. The Integrated Communities Approach. Ed. by G. Nonneman.L., 1992, c. 3–10.

⁷ Nonneman G. Problems facing Cooperation and Integration Attempts in the Middle East.L., 2002, c. 33–45.

⁸ Regional Economic Development and Cooperation. The Middle East and North Africa Economic Summit. Casablanca 30 October – 1 November 1994; The Middle East and North Africa Economic Conference. Amman, Jordan 29–31 October 1995.

⁹ EC Commission. Internal paper on regional integration (mimeo). Brussels, 9 April 1991, c. 15.

¹⁰ www.coe.int/comm/index_en.html

¹¹ The Mediterranean Policy of the European Union. – The Middle East and North Africa. Regional Survey of the World. 1995. L., c. 228–229.

¹² <http://www.arab.net/> Morocco.

¹³ Middle East Economic Digest. L., 2005, № 10, c. 55.

¹⁴ The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001.

¹⁵ World Bank. Annual Report. Wash., 2001.

¹⁶ The Stockholm Conclusions. Euro Mediterranean Workshop «Dialogue Between Cultures and Civilizations». Stockholm. 23–24 April 1998.

¹⁷ Ближний Восток и современность. Вып. 12. М., 2001.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РФ

**Материалы конференции
«Российско-сирийские отношения: традиции и перспективы»,
19 января 2005 г.**

СЛОВО О ХАФЕЗЕ АСАДЕ

Визит президента Сирийской Арабской Республики Башара Асада в Россию – несомненно, крупное международное событие. В Москву приезжает глава государства, с которым нас связывают тесные дружественные отношения, являющиеся одной из опор российского присутствия на Ближнем Востоке. Сирия занимает весомую самостоятельную позицию в кризисном регионе глобального значения. Наконец, Сирия в настоящее время подвергается интенсивному внешнему давлению и нуждается в поддержке.

Дружественное сотрудничество между нашими странами имеет многолетнюю историю. Но его особая активизация неразрывно связана с именем покойного президента САР Хафеза Асада, чью линию успешно и последовательно продолжает его сын Башар Асад.

Я имел честь не раз встречаться (только в Сирии – Дамаске и Латакии – 6–7 раз) и подолгу беседовать с Хафезом Асадом. Последний раз он принимал меня в августе 1991 г. (за 48 часов до путча ГКЧП). Послание президента СССР, которое я привез, и 5-часовая беседа были посвящены предстоявшей в октябре 1991 г. в Мадриде конференции по Ближнему Востоку.

Я очень ценил доброе и уважительное отношение ко мне главы сирийского государства (об этом он говорил М.С.Горбачеву), ибо сирийский президент был личностью, очень умным и проницательным человеком, большим политиком и сильной и властной фигурой, внушавшей не только почтение своим «подданным», но и уважение тем, кто его недолюбливал в арабском мире и за его пределами. Неблаговолившая к нему западная печать, фаворитами которой были марокканский и иорданский короли, а также египетский президент Мубарак, не однажды называла сирийского руководителя самым крупным государственным и политическим деятелем на Ближнем Востоке.

В политике Хафез Асад был одновременно и жесток и гибок. Он обладал тонким политическим инстинктом и завидной выдержкой, умел талантливо «держаться паузы» в политике, терпеливо поджидая, когда ситуация созреет для *действия*. В контактах, переговорах Хафез Асад опирался на свое обаяние, на способность быть обходительным, излучать теплоту. На официальных беседах он говорил помногу. Память у него была великолепная, и он любил повспоминать. Но это была не болтливость, а тактика: собеседник как бы тонул в «море» его рассуждений и воспоминаний, размягчался. Асад же, в конечном счете, всегда четко доводил до собеседника все, что хотел сказать, используя подходящие детали из прошлого.

Сирийский президент был человеком принципиальным, твердо придерживающимся своих убеждений, и заставить его отступить от них, представляется мне, являлось задачей вряд ли вообще выполнимой. Во всяком случае, советскому руководству – Брежневу и другим – это практически не удавалось.

Может быть, самая концентрированная и самая короткая характеристика Хафеза Асада – как государственного и политического деятеля, как личности – состоит в том, что он сумел бессменно в течение более 30 лет (до самой смерти) возглавлять Сирию, до этого слывшую страной переворотов.

Для нас, россиян, особое значение имеет то, что Хафез Асад хорошо и искренне относился к нашей стране, как стране великой и привлекательной, как к государству, солидарному со стремлением арабов к независимости и самостоятельности в политике. Свою роль играла и теплая память о времени, проведенном в СССР в ходе летной подготовки. Об этом времени он любил вспоминать (часто шутливо), обращаясь к нему и на переговорах с советскими представителями, в том числе на высшем уровне. Однажды мне случилось быть свидетелем этого – на встрече в Кремле. Подробно, с видимым удовольствием, смеясь, рассказывал сирийский президент, как с несколькими своими товарищами неправильно перешел улицу у Военторга (военного универмага на бывшем Калининском проспекте), как их остановил милиционер и долго отчитывал, приговаривая: «Вот все грузины такие, всегда нарушают». А они никак не могли втолковать, что они не грузины, а иностранцы, сирийцы.

Асад, несомненно, в немалой степени «повинен» в том, что наша страна стала весьма популярной в Сирии. Даже от-

кровенное пренебрежение арабами в российской внешней политике козыревских лет не подорвало этого отношения. Когда Асад на встрече с Горбачевым в апреле 1987 г. говорил, что «дружба с Советским Союзом стала делом всех патриотически настроенных сирийцев», это не было одними лишь словами.

Время уже показало, что президент Башар аль-Асад в этом вопросе верен наследству своего отца. Тем более оснований у России поддержать Сирию в настоящий момент в проведении самостоятельной, миролюбивой и конструктивной политики. К тому же для России сотрудничество с Сирией может сыграть позитивную, учитывая ее национальные интересы, роль и в динамике отношений с мусульманским миром.

Уже давно настала для России пора «возвращаться» на Ближний Восток, не довольствуясь лишь рамками формальных процедур, в которых она не играет никакой существенной роли.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Наша конференция проводится в рамках мероприятий, связанных с предстоящим государственным визитом Президента Сирийской Арабской Республики господина Башара Асада в Российскую Федерацию. Нам приятно, что Посольство САР в Москве в лице Чрезвычайного и Полномочного Посла господина Вахиба Фаделя, с которым Дипломатическую академию связывают многие годы сотрудничества, и Ассоциация сирийских граждан в РФ выступили с предложением провести это мероприятие в стенах Дипломатической академии МИД РФ.

Нам представляется, что этот выбор не был случайным. Дипломаты Российской империи, Советского Союза, а позже Российской Федерации на разных этапах новой и новейшей истории сыграли главную роль в становлении и развитии российско-сирийских отношений.

Дипломатическая академия МИД РФ как учебное и научное заведение вносила и вносит заметный вклад в развитие этих отношений прежде всего тем, что подготовила за 70 лет своего существования несколько поколений советских и российских дипломатов, вооружает своих слушателей обширной и достоверной информацией о странах Ближнего Востока, в том числе и о Сирии. Среди преподавателей и ученых, работающих в ДА, есть дипломаты и известные востоковеды-арабисты, немало лет проработавшие в Сирии и хорошо знающие Сирию и ее народ. Их работы представлены на стенде в холле.

В разные годы среди аспирантов ДА были и граждане Сирии, которые успешно защитили диссертации. Дипломатическая академия МИД РФ имеет соглашение о сотрудничестве с Институтом политических наук САР.

Таким образом, Дипломатическую академию МИД РФ и ее сотрудников с Сирийской Арабской Республикой связывают тесные узы. И мы надеемся, что данная конференция придаст дополнительный стимул развитию этих связей.

Дипломатические отношения между СССР и Сирийской Арабской Республикой были установлены, как известно, в июле 1944 г. Это явилось отражением, с одной стороны, того, что российско-сирийские отношения (религиозные, культурные, экономические и пр.) имеют длительную историю. Вместе с тем в этом нашло выражение и то, что советские люди с сочувствием следили за героической борьбой сирийского народа за свободу и независимость. Советский Союз оказал Сирийской Республике реальную поддержку в ее становлении как независимого государства. СССР был единственной великой державой в СБ ООН, твердо вставшей на сторону Сирии в 1946 г. и сыгравшей решающую роль в обеспечении вывода иностранных войск с ее территории.

В 1957 г. было подписано первое соглашение об экономическом сотрудничестве между СССР и Сирией. В последующие годы Советский Союз оказал содействие в осуществлении таких важных проектов социально-экономического развития, как создание национальной нефтяной промышленности, строительство железных дорог и т.д. Сооружение Евфратского гидроузла – одного из крупнейших гидроэнергетических комплексов на Ближнем Востоке – по праву рассматривается как символ советско-сирийской дружбы.

Исключительный вклад в развитие российско-сирийских отношений внес покойный президент САР Хафез Асад – выдающийся политический деятель современности. Во многом благодаря его личной инициативе, в 1980 г. был подписан исторический Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР. Плодотворное сотрудничество, сложившееся между нашими государствами, охватило политическую, партийную, торгово-экономическую, военную и культурную области.

Мы уверены, что государственный визит президента САР Башара Асада откроет новую главу в богатой истории российско-сирийских отношений, поднимет их на качественно новый уровень.

Одним из организаторов данной конференции выступает Ассоциация сирийских граждан в РФ, которая прилагает большие усилия, направленные на развитие отношений между САР и РФ, в том числе в сфере бизнеса, межличностных связей. Насколько нам известно, эта ассоциация объединяет почти 6 тыс. выходцев из Сирии, проживающих в России. К этому следует прибавить около 40 тыс. смешанных сирийско-российских семей. Это огромный человеческий потенциал развития российско-сирийских отношений.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО
ПОСЛА СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
г-на Вахиба Фаделя

Уважаемый господин Юрий Фокин,
Ректор Дипломатической академии МИД РФ,
Уважаемые господа Послы,
Дамы и господа!

Разрешите прежде всего поблагодарить Вас за то, что Вы приняли наше приглашение, выразить искреннюю радость по поводу нашей встречи, тем более, что здесь присутствуют выдающиеся российские и арабские политики и ученые. Эта встреча проходит накануне первого и чрезвычайно важного государственного визита Президента Сирии Башара Асада в Российскую Федерацию. Надеемся, что этот визит будет иметь большое позитивное значение для двусторонних отношений, явится важным поворотным пунктом в развитии сотрудничества и дружбы между нашими странами, даст мощный импульс дальнейшему развитию наших традиционно конструктивных отношений, в строительство которых на основе доверия, взаимного уважения и общих интересов между нашими народами внес большой вклад покойный президент Хафез Асад. Они были образцом бескорыстных, искренних отношений, доказали свою пользу и эффективность в течение прошлых десятилетий. Какие бы бурные события ни сотрясали наш регион, эти отношения показали, что Сирия всегда выполняет свои обязательства, является надежным партнером и остается верной своим принципам и ценностям.

Хотел бы особо поблагодарить уважаемое Министерство иностранных дел и Дипломатическую академию дружественной России за организацию этой конференции и за их принципиальную позицию в укреплении российско-арабских отношений. Наши отношения на протяжении всей их истории были наполнены духом сотрудничества и взаимопонимания. Они не имели

черных страниц, как это бывало в отношениях между многими другими нациями. Они строились на том, что объединяло наши цивилизации, на исламо-христианском диалоге, арабско-русском православном братстве. Известно, что сирийская православная церковь сыграла важную роль в истории русской православной церкви. Достаточно вспомнить о том, что митрополит Сирин (из Сирии) был первым главой русской православной церкви, что Российское императорское палестинское общество способствовало созданию десятков школ в регионе, появлению из «нахды» – таких литераторов, как Михаил Нуайме и другие.

Краткий обзор истории этих отношений показывает: в пятидесятые годы прошлого века они вылились в широкомасштабное и очень важное по своему значению сотрудничество в военной, экономической, научной, культурной и других областях. Советский Союз разрушил монополию на поставки оружия в наш регион, оказывал содействие в осуществлении десятков крупных проектов: Асуанского гидроузла, Евфратского гидрокомплекса, заводов, электростанций, проектов в области сельского хозяйства и др. При содействии Советского Союза были подготовлены десятки тысяч специалистов и ученых, которые до сих пор играют большую роль в жизни арабских стран.

Отношения между Дамаском и Москвой строились на доверии, имели стратегическое значение. Координировались политические шаги в рамках Договора о дружбе и сотрудничестве 1980 г., который служил интересам наших народов и государств и миру во всем мире.

В девяностые годы в сотрудничестве между нашими странами произошел откат вследствие глубоких перемен в России.

В последнее время проявились важные изменения в политических и стратегических позициях России в духе нашего общего видения и реалистических представлений о строительстве справедливой, демократической системы международных отношений. Россия с ее большими возможностями в качестве постоянного члена Совета безопасности ООН и одного из коспонсоров мирного процесса на Ближнем Востоке играет важную роль в установлении мира, стабильности и безопасности в регионе.

Перед нашими странами открыты широкие перспективы сотрудничества во всех областях. Краткий обзор наших отно-

шений выявляет близость и тождественность позиций обеих стран по большинству важнейших проблем современности, что является главной опорой сотрудничества.

Необходимость создания многополярного мира на основе принципов ООН и международного права, справедливости и гуманизма, свободного от идеологических расколов, противоборства между блоками, очевидна. Отсюда вытекает общее понимание роли ООН в качестве главного строителя международных отношений, реализующего стремление народов к установлению законности вместо права силы и гегемонии. Мы убеждены в том, что Россия как великая держава в силу своего культурного наследия, научного, военного и геополитического веса является главной опорой стабильности и равновесия в мире. Речь идет о многополярности в смысле равноправного сотрудничества в решении проблем современности и создания будущего справедливого миропорядка, отвергающего войны и разрушительные проекты наподобие «борьбы цивилизаций и религий» или «Восток-Запад», или «Север-Юг», или миф о «цивилизованных» и «нецивилизованных» народах, семитах, хамитах, арийцах и т.д. Мы считаем, что у нас с Россией есть общее видение того, что касается отрицания произвола и расизма, а также веры в то, что человеческая цивилизация едина, она представляет собой непрерывный процесс взаимодействия, эволюции, взаимообогащения, формирует прочную основу для взаимного уважения, понимания и доверия.

Проблема терроризма и его угроза безопасности народов и всего мира, связанные с ней осложнения вследствие использования некоторыми этого бесчеловечного явления в своих эгоистических интересах, широко известны.

Мы в арабских странах и прежде всего в Сирии испытали на себе все ужасы терроризма, дав пример решительной борьбы против него. Наш покойный лидер Хафез Асад еще в 1986 г. призвал к коллективному отпору терроризму как всеобщему злу, предложил созвать международную конференцию, которая даст определение этому явлению и его сути, разработает международные юридические нормы для борьбы с ним, ликвидации всех его корней и причин. Необходимо различать терроризм и право народов на сопротивление оккупации, которое гарантируют международные конвенции, моральные ценности

и принципы, так как некоторые стали представлять защитника родины террористом, а террориста-оккупанта – жертвой.

Чеченская проблема, созданная и финансируемая силами, планы которых угрожают самому существованию России, используется для подрыва российско-арабских отношений, для создания дымовой завесы. Мы с самого начала этой войны заняли твердую принципиальную позицию. Мы выступаем за территориальную целостность России, незыблемость ее суверенитета, осуждаем все террористические акты, направленные против ее граждан, ее безопасности и стабильности. Вызывает удовлетворение то, что президент В.В.Путин после бесланской трагедии ясно указал на те силы, которые все еще считают, что Россия представляет собой угрозу как ядерная держава и эту угрозу необходимо ликвидировать.

Позиция по арабо-израильскому конфликту состоит в том, что обе стороны верят в справедливое, всеобъемлющее, мирное решение кризиса в соответствии с нормами международного права и принципом «земля в обмен на мир». Сирия и арабские государства всегда заявляли о своем мирном подходе к решению, подчеркивали, что мир является их стратегическим выбором. Президент Башар Асад заявлял о готовности Сирии к возобновлению переговоров на вышеупомянутых основах без предварительных условий. Россия играет конструктивную роль в мирном урегулировании, придерживаясь твердой принципиальной позиции, выступая за справедливое, всеобъемлющее мирное урегулирование на основе резолюций ООН, призывающих к прекращению оккупации и агрессии против палестинского народа, к созданию независимого палестинского государства на палестинской земле. Россия поддержала арабские инициативы, особенно инициативу арабского саммита в Бейруте, заслужив тем самым высокую оценку арабского мира. Это очень важно, учитывая, что Израиль уклоняется от решения вопроса по существу, изобретает самые разные предлоги для противодействия установлению мира, стремится увековечить оккупацию и продолжать карательные акции против палестинского народа. К этому также следует добавить попытки некоторых сил применять двойные стандарты при выполнении резолюций ООН.

Обе страны занимают также близкие позиции по иракской проблеме, выступая за территориальную целостность и независимость Ирака, за политическое урегулирование и национальное примирение внутри страны, за право иракского народа

самому решать свою судьбу и быть хозяином своих богатств и природных ресурсов.

Для арабского и для российского общества характерна религиозная терпимость. Нас объединяют основы исторического сосуществования между исламской и христианской цивилизациями. В этом мы также видим проявление стабильности и прогресса России в качестве силы, поддерживающей арабский и исламский мир, отвергающей планы «борьбы цивилизаций», направленные прежде всего против арабо-исламского мира и России.

Обе наши страны выступают за нераспространение оружия массового поражения, избавление Ближнего Востока от ядерного оружия. Сирия неоднократно предлагала сделать наш регион зоной, свободной от оружия массового поражения, особенно ядерного, большим арсеналом которого владеет Израиль, что представляет угрозу безопасности региона и прилегающих к нему государств.

Говоря о перспективах сотрудничества, необходимо упомянуть соглашения, подписанные между САР и РФ, а также важнейшие намечаемые проекты. Среди них:

- Соглашение о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве -1993 г.

- Соглашение об избежании двойного налогообложения – 12.09.2000 г.

- Соглашение о сотрудничестве в области туризма- 23.02.1998 г.

- Соглашение о культурном сотрудничестве – 1995 г.

- Исполнительная программа в рамках Соглашения о культурном сотрудничестве на 2001–2002–2003 гг. подписана в Москве в 2001 г.

Меморандум о взаимопонимании между министерствами здравоохранения обеих стран в области медицины и охраны здоровья.

Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой РФ и Федерацией торговых палат САР – 2000 г.

- Долгосрочная исполнительная программа в рамках Соглашения о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве – 15.04.1993 г.

- Сформирована российско-сирийская межправительственная комиссия для развития сотрудничества.

Недавно по инициативе Федерации торгово-промышленных палат Сирии и Торгово-промышленной палаты России был создан Российско-сирийский деловой совет, который начнет свою работу в Москве в ходе визита Президента САР Башара Асада. Сирийская сторона собирается представить список сирийских проектов, предлагаемых для двустороннего сотрудничества в сфере промышленности, сельского хозяйства, нефтяном секторе, в сфере использования минеральных ресурсов, местном управлении. Это целый пакет проектов, которые свидетельствуют о серьезных намерениях развивать сотрудничество на государственном уровне и в сфере бизнеса.

Мы расцениваем государственный визит Президента Башара Асада в Россию как важное событие и начало широкого сотрудничества во всех областях между нашими странами, которое будет способствовать укреплению славных традиций наших отношений, осуществлению нашего постоянного желания видеть сильную Россию основным участником строительства безопасного мира, в котором правят справедливость, мир и сотрудничество.

Спасибо за внимание.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИЧЕСТВА – ОБОЮДНАЯ ЗАДАЧА

Как явствует из названия нашей сегодняшней встречи, сирийско-российские отношения уже стали традиционными. Они имеют глубокие корни, уходящие в прошлое на многие десятилетия, к 60-м годам прошлого века. В июле 2004 г. мы отмечали 60-летие установления дипломатических отношений между нашими странами.

Нужно сразу сказать, что покойный президент Хафез Асад очень много сделал для развития этих отношений, понимая всю стратегическую значимость дружбы и сотрудничества между Сирией и бывшим Советским Союзом.

В начале 80-х годов между Дамаском и Москвой был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве, имевший целью укрепить двусторонние отношения. Мы рады, что сегодня в этом зале присутствует один из тех, кто участвовал в разработке этого Договора, а именно: г-н Юрий Фокин, ректор этой известнейшей Академии.

Говоря о сирийско-российских отношениях, следует отметить, что они не являются какой-то абстрактной, «заоблачной» философской категорией. Эти отношения имеют прочную основу в реальной жизни и воплощены в многочисленных объектах инфраструктуры, которые были возведены в Сирии с помощью Советского Союза. Признавая оказанную Сирии огромную помощь в самых различных областях и испытывая за это чувство самой искренней благодарности к российскому народу, мы должны подчеркнуть, что наши отношения не сводились к односторонней помощи, а были, если можно так сказать, дорогой с двусторонним движением, т.е. отношениями действительно равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в интересах как сирийского, так и российского народов.

К сожалению, в 90-е годы, особенно в их первой половине, сирийско-российские отношения пережили определенный спад,

что произошло не по вине Сирии, а вследствие ряда объективных факторов, действовавших в России, которая находилась тогда на этапе перехода к рыночной экономике и меняла свою внешнюю политику в сторону активизации отношений с США и странами Запада. Это сопровождалось значительным ослаблением внимания к сотрудничеству со странами Азии, Африки и Латинской Америки. В связи с этим мне вспоминается высказывание Мао Цзедуна, который говорил, что для того, чтобы выпрямить палку, ее сначала нужно согнуть. Понятно, что в то время Россия слишком сильно «перегнула палку».

Однако несмотря на все это, Сирия осталась верна идеалам дружбы с Россией. Дамаск отверг все попытки побудить его занять антироссийскую позицию. Официальные российские представители никогда не делали каких-либо враждебных России заявлений – ни в ООН, ни в каких-либо других международных организациях. Четкую и однозначную позицию Сирия заняла и по чеченскому вопросу, считая Чечню неотъемлемой частью территории России. Позиция Сирии полностью соответствует дружественному характеру отношений между двумя нашими странами.

Сейчас имеются все необходимые предпосылки для возрождения сирийско-российских отношений, их восстановления в прежнем объеме и дальнейшего развития не только в политической, но и в экономической, торговой, культурной и других сферах. Предстоящий официальный визит президента Башара Асада в Россию и его переговоры с президентом Владимиром Путиным вселяют в нас надежду и уверенность в том, что прежняя дружба и тесное сотрудничество между сирийским и российским народами будут восстановлены.

Несмотря на искусственно раздуваемую в последнее время некоторыми российскими и зарубежными средствами массовой информации антироссийскую и антисирийскую шумиху в связи со «сделкой о поставках ракет», из проведенных нами в последние дни встреч и переговоров с нашими российскими друзьями мы знаем, что многие авторитетные в российском обществе люди, а также рядовые граждане выражают радость и глубокое удовлетворение тем, что предстоящий визит президента Башара Асада в Москву, который мы все так долго ждали, наконец, становится реальностью.

Наши интересы совпадают во многих областях. У обеих стран много общего, поэтому у них много того, о чем можно говорить.

Ситуация на Ближнем Востоке остается чрезвычайно сложной вследствие непримиримой позиции Израиля и продолжающейся оккупации арабских территорий, а также в результате американской авантюры в Ираке. И здесь, как говорит присутствующий на нашей сегодняшней встрече генерал Леонид Ивашов, следует называть вещи своими именами: агрессию нужно назвать агрессией, а не «военной операцией», оккупацию – оккупацией, а не «установлением контроля», разрушительные действия – разрушительными действиями, а не «гуманитарной помощью» или пресловутым «распространением демократии».

Мы испытываем благодарность в отношении России за ее позицию по проблемам нашего региона и за ее признание основных принципов мирного процесса на Ближнем Востоке. Эта позиция проявляется, в частности, в признании того факта, что Сирия играет основную, ключевую роль в этом процессе и что установление мира в регионе невозможно без освобождения принадлежащих Сирии Голанских высот, а также других оккупированных Израилем арабских территорий и без создания независимого Палестинского государства, как и без прекращения оккупации Ирака и вывода оттуда всех иностранных войск. Мы приветствуем позицию России, выступающей за создание многополярного мира и против политики «двойных стандартов» в решении международных проблем.

А теперь позвольте мне сказать несколько слов о сирийском землячестве в России, которое является относительно молодым и насчитывает несколько тысяч сирийцев, большинство из которых приняли российское гражданство, женились на русских девушках, а их дети говорят как на арабском, так и на русском языках. Среди них есть выдающиеся бизнесмены, деятели культуры и литературы, научные работники, врачи и инженеры. Другими словами, они заняты в самых разных сферах жизни и деятельности российского общества и не отделяют себя от него. Что касается Сирии, то там насчитывается около 35 тыс. выпускников советских и российских вузов, создавших два года назад свою довольно крупную ассоциацию. Они питают самые теплые чувства к России, а многие занимают высокие посты, в том числе министерские. Наверное, нет другой страны в мире, за исключением социалистических стран и бывших советских республик, где русский язык получил бы столь же широкое распространение, как в Сирии.

Выступая на первой конференции сирийских эмигрантов, состоявшейся в Дамаске в октябре прошлого года, президент Башар Асад призвал нас быть подлинными послами Сирии в странах эмиграции, оставаться преданными нашей исконной родине и своему новому отечеству, в котором мы теперь живем. И в этом нет никакого противоречия. Мы выполняем этот призыв и считаем его своим руководством к действию. Возможно, одним из самых больших достижений наших двусторонних отношений, которым можно гордиться, как это подчеркивают российские специалисты по арабским странам, является то дружеское и чрезвычайно теплое чувство, которое сирийцы испытывают к России. Это ощущает всякий, кто приезжает в Сирию и сталкивается с тем огромным интересом, который сирийцы проявляют к событиям в России, желая ей успехов и процветания.

Мы, представители сирийского землячества, благодарим Дипломатическую Академию при Министерстве иностранных дел РФ за предоставленную возможность организовать эту важную встречу, посвященную визиту президента Башара Асада в Москву. Мы надеемся, что руководство Академии и лично ее уважаемый ректор г-н Юрий Фокин согласится сделать подобные встречи ежегодными с тем, чтобы на них собирались лучшие представители российского и сирийского бизнеса.

СИРИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Происходящие сегодня на Ближнем Востоке процессы объективно ставят регион в центр мировой политики и оказывают все возрастающее влияние на общую ситуацию в мире, во многом определяя взаимоотношения США, Европы и России в XXI в. Действительно, политическая ситуация на Ближнем Востоке отличается значительной подвижностью, многоуровневой комплексностью и слабой предсказуемостью развития дальнейших событий. А складывающиеся сегодня тенденции, которым, очевидно, суждено в будущем определять развитие региона, имеют зачастую разновекторную направленность и скорость протекания. При этом «проблемный пакет» региона отнюдь не исчерпывается арабо-израильским конфликтом, хотя он и оказывает самое непосредственное воздействие на все составляющие «конфликтного потенциала» Ближнего Востока. Речь идет прежде всего о тесной Взаимосвязи проблемы смены властных поколений с эффективностью экономических реформ и демократических преобразований на Ближнем Востоке. Это особенно актуально с учетом того, что 70% населения региона – люди моложе 30 лет.

Если уже в ближайшие годы Ближний Восток будет находиться в центре международных усилий по установлению новой системы международных отношений, то тем самым регион в значительной степени будет определять основные направления мировой политики. Данное обстоятельство, несомненно, повлияет и на рост интереса к региону со стороны российской общественности. А также поставит новые требования перед наукой и политическими организациями России, занимающимися ее связями с международным окружением.

Науке, изучающей ближневосточный регион, будет необходимо лучше разбираться во внешней политике и политике безопасности. Российским политическим и управленческим структурам, очевидно, предстоит переосмыслить свои приоритеты. Центральное значение Ближнего Востока как сцены меж-

дународной политики должно означать большую компетентность кадров внешнеполитических институтов государства, работающих по региону Ближнего Востока, причем как в центре, так и за рубежом. Это важно еще и потому, что формирующиеся на Ближнем Востоке новые геополитические реалии и тлеющие в регионе конфликты непосредственным образом затрагивают национальные интересы России, в том числе на Кавказе и в Средней Азии. Сохраняется и значение ближневосточного региона для России в качестве одного из основных источников энергоресурсов, важнейшего узла мировых коммуникаций, емкого рынка сбыта товаров. Поэтому проблема нахождения гармоничного сочетания западного и восточного направлений российской внешней политики, с точки зрения укрепления авторитета России на международной арене и стабилизации социально-экономической ситуации в стране, становится крайне актуальной.

С начала текущего столетия политика России на Ближнем Востоке значительно активизировалась. Хорошо известны российские инициативы и практические шаги российской дипломатии, в том числе в рамках коллективных усилий по разблокированию мирного процесса на Ближнем Востоке и разрешению острых региональных конфликтов, снижению степени их международной опасности. Россия поддержала программу реформ для Ближнего Востока при том понимании, что процесс должен идти изнутри и осуществляться с учетом интересов ближневосточных государств, и выразила готовность принять активное участие в этом процессе.

Динамично развиваются отношения с отдельными государствами региона, причем как с традиционными российскими партнерами на Ближнем Востоке, так и теми странами, отношения с которыми были восстановлены в конце 80-х – начале 90-х годов, в том числе и с Израилем. Конечно, речь не идет об автоматическом восстановлении прежней структуры политических и экономических связей со странами региона, поскольку и Россия, и Ближний Восток, и мир в целом сильно изменились за последние десять-пятнадцать лет. В новых международных условиях двустороннее и региональное сотрудничество развивается на основе позитивного прежнего опыта, но при новом понимании как интересов России, так и ближневосточных государств. Общие закономерности и региональные особенности ближневосточной политики России, в той или иной степени ха-

ракетные для всех стран Ближнего Востока, проявляются и в отношениях с Сирией, которая по праву имеет сегодня статус региональной державы на Арабском Востоке и оказывает возрастающее влияние на ход важнейших процессов в регионе.

Сегодняшняя Сирия переживает переходный период своей новейшей истории, который отличается многоуровневым характером. Происходящие в Сирии процессы имеют, конечно, свою специфику, но в то же время могут служить региональной моделью реформ в условиях смены правящих элит и внешней нестабильности. В ряду других стран Арабского Востока Сирия по многим показателям более восприимчива к демократическим преобразованиям. Политические институты Сирии глубоко внедрены в структуру общества. Население в массе своей неплохо образовано и политически активно. Существует достаточно дееспособный средний класс. Оппозиционные силы носят системный характер, отвергают насилие как средство достижения политических перемен и готовы на основе диалога с властью поддержать ее программу постепенного перехода к демократии. И главное – страной управляет президент «надежды», чьи планы реформ не только пользуются поддержкой значительной части сирийского общества, но и породили в нем надежду на перемены к лучшему. Сменивший Х.Асада после его кончины в июне 2000 г. новый сирийский президент Башар Асад продолжил начатые его отцом преобразования и приступил к социально-экономическим и политическим реформам. В отличие от прежней власти сегодняшнее политическое руководство САР отдает явный приоритет решению экономических задач с целью создания условий для последующей демократизации. Одновременно новое политическое руководство вынуждено выстраивать политику реформ таким образом, чтобы она не противоречила по основным параметрам прежним государственным установкам.

Сирия действительно играет активную роль в ближневосточных делах, но не может полностью контролировать развитие важнейших событий в регионе. Поэтому региональная ситуация и отношения с соседними странами и ведущими мировыми державами серьезно влияют на развитие внутренних процессов в стране.

Сирию связывают с Россией полувековая история отношений дружбы и сотрудничества, пик которых пришелся на 80-е годы прошлого столетия. Военно-политическая и экономиче-

ская поддержка СССР молодой Сирийской Республики в годы «холодной войны» явилась мощным фактором в деле обеспечения поступательного развития Сирии по пути национальной независимости, завоевания ею экономической самостоятельности, создания современных вооруженных сил и превращения Сирии во влиятельную региональную силу. Со своей стороны, Дамаск являлся нашим надежным внешнеполитическим партнером и одной из главных опор советской внешней политики на Ближнем Востоке. Данное обстоятельство заложило прочный фундамент последующего развития российско-сирийских отношений и после распада СССР. Конечно, сегодня ситуация в мире и на Ближнем Востоке, в частности, коренным образом изменилась. Однако, не абсолютизируя «сирийский фактор», необходимо в то же время отметить, что одним из возможных путей наполнения конкретным содержанием ближневосточной политики России, прежде всего ее миротворческих усилий, а соответственно, повышения роли и места России в мировой политике служит задействование того потенциала, который наши страны накопили в ходе испытанного десятилетиями двустороннего сотрудничества в политической, военно-технической и экономической областях.

Характерно, что по наиболее острым проблемам региона позиции России и Сирии во многом совпадают, что проявилось, в частности, во время ставших регулярными в последние годы политических контактов, в том числе на высшем уровне. Как и Россия, Сирия поддержала решение иракской проблемы мирным путем и заинтересована в скорейшей нормализации обстановки в Ираке.

Исходя из своих интересов стабилизации региона и придания импульса реформам, сирийское руководство продолжает искать справедливое и всеобъемлющее решение ближневосточного конфликта. В этой связи Сирия поддерживает усилия России и других членов «квартета» по реализации положений «дорожной карты», которые также предусматривают продвижение на сиро-ливанском направлении ближневосточного урегулирования. Дамаск также не отвергает идею созыва международной мирной конференции по Ближнему Востоку, полагая, что всеобъемлющий и прочный мир в регионе может быть достигнут только в ходе многосторонних переговоров при активном участии России в качестве коспонсора, а не наблюдателя ближневосточного мирного процесса. В этой связи развитие

двусторонних российско-сирийских отношений и, соответственно, повышение роли России в миротворческом процессе на Ближнем Востоке способны придать ему дополнительный импульс и наполнить новым содержанием роль основных региональных участников конфликта в его разрешении. Восстановление в полном объеме сотрудничества Сирии и России при активной внешнеполитической роли России на Ближнем Востоке способно сыграть позитивную роль в обеспечении баланса сил и интересов в регионе, способствовать успешному разрешению острых региональных проблем. Тем более, что позиции Москвы и большинства арабских стран по ключевым вопросам развития политической ситуации в регионе в целом совпадают.

Россия сохраняет свою значимость для Сирии в качестве потенциально важного партнера в области экономического и военно-технического сотрудничества. Состоявшийся в январе 2003 г. визит в Россию вице-президента Сирии А.Х.Хаддама, несомненно, явился важным событием в области российско-сирийских связей. Созданные и эксплуатируемые при российском содействии объекты сотрудничества сыграли и продолжают играть важную роль в экономике Сирии. В ходе состоявшегося за последние два года обмена многочисленными визитами российских и сирийских экономических делегаций был подписан ряд важных соглашений в области развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Это создало благоприятные условия внешнеэкономической деятельности для российских организаций на сирийском рынке, а также открыло новые области сотрудничества с Сирией в финансово-банковской, инвестиционно-кредитной сферах, туризме и других областях.

Серьезным тормозом для выравнивания всех сфер российско-сирийских отношений являлась неурегулированность проблемы сирийской задолженности России, которая, есть основания полагать, будет успешно решена в ходе предстоящего визита Б.Асада в Москву. Осложнение обстановки вокруг Сирии после войны в Ираке и пробуксовка мирного ближневосточного процесса повышают значимость для сирийского руководства усиления российского присутствия на Ближнем Востоке, в том числе на региональном рынке вооружений. При этом Сирия не стремится к заключению военных союзов с ведущими мировыми державами, но хочет сбалансировать отношения с ними в интересах укрепления своих позиций в регионе в рам-

ках своего нового внешнеполитического курса и стратегии национальной безопасности. Россия как член СБ ООН и клуба ведущих мировых индустриальных стран может оказать существенную помощь Сирии в выстраивании взаимоотношений с ее региональными и международными партнерами.

Намеченный на конец января 2005 г. государственный визит в нашу страну президента Сирии Башара Асада призван придать новый импульс российско-сирийским отношениям, вывести их на качественно новый уровень, а также, несомненно, может способствовать повышению роли России в ближневосточных делах.

**СИРИЯ ПРИ БАШАРЕ АСАДЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ**

Война в Ираке и ее последствия внесли серьезные изменения в геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. Одним из важных уроков иракской войны для арабских стран, в том числе и Сирии, стало то, что иракские службы безопасности и однопартийная система власти оказались не способны защитить страну от внешней агрессии. Под воздействием внешнего фактора изменилось и общественное мнение в арабских странах. И хотя сирийские граждане в массе своей поддерживали своего президента во время иракской войны, и даже оппозиция на время отодвинула в сторону требования политических свобод и демократии, в самом сирийском руководстве не могли не признать, что Сирия должна готовиться к переменам. Благодаря жесткой государственнической политике Х.Асада Сирия получила возможность не зависеть от внешних факторов и в течение довольно длительного времени достаточно эффективно противостоять международному давлению в условиях региональных кризисов. В значительной степени эта способность объяснялась и той геополитической ситуацией в регионе и мире, в условиях которой формировался и эволюционировал режим Х.Асада.

Сегодня ситуация на Ближнем Востоке и в мире в целом изменилась кардинальным образом. Новое политическое руководство во главе с Б.Асадом столкнулось с комплексом неблагоприятных проблем. Это и потенциально опасная обстановка, складывающаяся вокруг Сирии, и очень непростое социально-экономическое положение в стране, и необходимость более радикальных реформ, ожидание которых в сирийском обществе может достаточно быстро пропасть, если не будет подпитываться конкретными делами.

После прихода к власти в июле 2000 г. Б.Асад сумел выстроить свою систему политической власти. В то же время в

традиционных правящих элитах Б.Асада были склонны рассматривать больше как преемника Х.Асада, управляющего доставшимся ему в наследство сильным, жестко структурированным государством. Действительно, новая власть пока не смогла создать свой собственный политический имидж и воспринимается в старых образах. Публичная критика политики прежнего режима и его ошибок все еще находится под запретом, а в окружении Б.Асада по-прежнему много советников из числа соратников бывшего президента. Новой власти все еще приходится доказывать свою силу и способность к управлению государством. Однако годы, прошедшие после прихода к руководству Б.Асада, показали, что он способен твердо следовать избранному курсу даже в условиях противоречий внутри самой системы. За последний год Б.Асад существенно омолодил сирийскую политическую элиту, постарался привить ей новую политическую культуру и тем самым существенно расширил базу собственной поддержки внутри основных механизмов власти – партии, госаппарате, силовых структурах. Он также смог наполнить реальным содержанием работу «второстепенных» при Х.Асаде структур, таких как парламент, НПФ, общественных организаций, профессиональных и студенческих союзов, что являлось залогом углубления демократических преобразований.

В то же время взятый на вооружение Б.Асадом курс «преемственность ради реформ» имел под собой глубокое политическое обоснование. Сохраняя неизменными в целом рамки прежней системы, Б.Асад тем самым получил возможность осуществлять поэтапную программу реформ без видимой угрозы нарушения баланса сил в правящей элите и социальных потрясений в обществе. К тому же прежние структуры власти по-прежнему пользовались поддержкой среди немалой части населения. Большинство сельских жителей, представителей среднего класса и часть госслужащих среднего звена, выражая недовольство состоянием экономики, откровенным богатством некоторых представителей правящей элиты, коррупцией в высших эшелонах власти, считали тем не менее, что своим относительным благополучием они во многом обязаны социальной политике ПАСВ 60–70-х годов. В сирийском обществе до сих пор сохранялось удовлетворение результатами политики арабского национализма Х.Асада и длительной политической стабильностью выстро-

енного им режима. Подобные настроения президент и его окружение реформаторов не могли не учитывать, хотя власть и чувствует себя достаточно уверенно. Действительно, сегодня властным позициям Б.Асада внутри страны ничего не угрожает. Любые изменения в рамках действующей конституции определяются прежде всего желанием самого президента. Вероятные политические соперники не имеют легальных возможностей создать серьезную оппозицию с широкой социальной базой поддержки. Такое положение во многом созвучно чаяниям сирийских граждан, многие из которых еще помнят эпоху военных переворотов 50–60-х годов и не желают ее возвращения.

Более молодые сирийцы не хотят повторения кровавых событий конца 70-х – начала 80-х годов, связанных с мятежом «Братьев – мусульман». Память об этом периоде делает весьма непопулярными в сирийском обществе исламистские движения, призывающие к террору и вооруженному восстанию. Но в стране растет влияние так называемых «исламских либералов», в основном суннитского толка. Их представители, в том числе публично отказавшиеся от насилия как средства политической борьбы некоторые отряды сирийского движения «Братьев-мусульман», претендуют на активное участие в управлении государством под лозунгом демократической реформы ислама. Правящая ПАСВ, в политическом дискурсе которой по-прежнему центральное место занимает идея арабского единства, с одной стороны, укрепляет связи с приверженцами национального партикуляризма типа Сирийской национально-социальной партии (в конце 2004 г. официально включена в состав НПФ. – А.В.), а с другой, ищет контакты с представителями «умеренных» исламских движений. Признавая снижение популярности ПАСВ и ее идей в сирийском обществе, партийные идеологи вынуждены сегодня считаться с растущей общественной поддержкой исламского движения в Сирии, особенно среди молодежи, составляющей не менее 50% населения. Вместе с тем партийные руководители понимают, что любые реформы обречены на провал в случае, если от участия в них будут отстранены либерально настроенные исламские модернисты. В этой связи ведущая прежде конфессиональная составляющая режима постепенно отходит на задний план в выстраивании новой системы власти. И хотя сам президент и его

ближайшее окружение, многие ключевые фигуры государства являются представителями алавитской общины, растущее число новых социально-экономических и политических институтов государства постепенно формирует новый принцип кадровых назначений, не связанный напрямую с конфессиональной структурой общества. Есть основания полагать, что по мере приближения президентских выборов в 2007 г. указанные тенденции будут усиливаться и приобретать более рельефные формы.

Сегодняшняя власть в Сирии может позволить себе подобные трансформации. Опираясь на достижения прежней политики экономической либерализации, которая обеспечила верхушке среднего класса в целом безбедное существование, Б.Асад проводил более жесткую фискальную политику, способствовавшую улучшению жизни большинства государственных служащих. К тому же власть контролирует все инструменты прежнего режима и может использовать их по своему усмотрению, когда сочтет это необходимым. В то же время Б.Асад поставил репрессивный аппарат под более жесткий контроль политической власти, а самим репрессиям власти стараются придать форму законности. Осужденный недавно на несколько месяцев тюрьмы и уволенный с работы по личному указанию нового министра внутренних дел Г.Канаана высокопоставленный офицер полиции, набросившийся с кулаками на рядового сирийца во время выяснения обстоятельств ДТП, – лишь один из ряда примеров новой политики властей в этой деликатной сфере. Граждане Сирии получили возможность более открыто выражать свои взгляды (пока в основном в иностранных СМИ и Интернете. – А.В.) и свободно выезжать за рубеж. Несмотря на беспрецедентность развернувшихся на страницах официальной сирийской прессы (Тишрин, Ас-Саура. – А.В.) в конце ноября-декабря 2004 г. дискуссий о роли местных спецслужб и методах их работы, сирийские органы безопасности по-прежнему служат главным инструментом контроля за развитием основных политических процессов в Сирии.

В то же время в сегодняшней Сирии ведутся острые дискуссии о возможных путях развития страны. Ряд молодых партийных руководителей среднего звена ПАСВ считал необходимым реформировать отдельные звенья ПАСВ и принять закон о партиях, который позволил бы создать основу

для большего политического плюрализма и проведения выборов в парламент на альтернативной основе. Ориентированные на реформы технократы в правительстве доказывали обязательность ускорения реформы экономики и административного аппарата. Действительно, Б.Асад и его команда технократов сделали своим приоритетом экономическую и административную реформу. Был принят целый ряд новых законов и декретов с целью модернизации экономических структур и активизации частного предпринимательства. Однако исполнение новых законов шло медленно и с трудом в результате сопротивления бюрократии. На самом деле успех экономических преобразований во многом зависит не только от административной реформы, но и требует также широкой политической либерализации, чтобы создать привлекательный инвестиционный климат в Сирии. Одновременно политическому руководству САР придется продолжить работу над расширением состава участников внутри политических и государственных институтов, прежде всего за счет привлечения новых бизнесэлит, технократов, интеллигенции к работе в парламентских структурах. В современных условиях с учетом складывающейся вокруг САР обстановки такая демократизация невозможна без контроля сверху и согласия в правящих элитах страны на основе некоторой доли консерватизма в сочетании с умеренно либеральными реформаторскими воззрениями, в том числе исламского толка.

Современные задачи внутриполитического развития САР во многом подвержены воздействию внешних факторов. К сожалению, сегодня такое воздействие происходит для Сирии со знаком минус. Если бы вслед за войной в Ираке США удалось реализовать свой план демократизации, это возможно усилило бы внутреннее давление в Сирии и других странах региона в пользу перемен. Это в равной степени относится и к процессу арабо-израильского мирного урегулирования, где Сирия играет далеко не последнюю роль. В условиях мира на Ближнем Востоке Сирии значительно быстрее и проще было бы осуществлять программу реформ, и наоборот. Исходя из своих интересов, стабилизации региона и придания импульса реформам, сирийское руководство продолжает искать справедливое и всеобъемлющее решение ближневосточного конфликта. Последовавший вслед за

смертью бывшего премьер-министра Ливана Р.Харири незапланированный быстрый вывод сирийских войск и спецслужб из Ливана ставит перед политическим руководством САР весьма непростые задачи в этом вопросе. Активизация ближневосточной политики России и наполнение ее конкретным содержанием в виде пакета новых оригинальных идей и предложений по выходу из кризиса, несомненно, окажет позитивное воздействие на процессы модернизации в Сирии и выведет наши двусторонние отношения на новый качественный уровень.

Отношения России и Сирии имеют долгую историю дружбы и сотрудничества. Военно-политическая и экономическая поддержка СССР молодой Сирийской Республики в годы «холодной войны» явилась мощным фактором в деле обеспечения поступательного развития Сирии по пути национальной независимости, завоевания ею экономической самостоятельности, создания современных вооруженных сил и превращения Сирии во влиятельную региональную силу. Данное обстоятельство заложило прочный фундамент последующего развития российско-сирийских отношений после распада СССР. Сложившиеся к моменту распада СССР советско-сирийские отношения характеризовались учетом и соблюдением интересов как супердержавы, так и ее регионального партнера. В Сирии работали, учились и проживали более 6 тыс. советских граждан и гражданок. В СССР учились десятки тысяч сирийцев как в гражданских, так и в военных учебных заведениях. Многие женились и создавали в Сирии смешанные семьи. До 1984 г. в Дамаске успешно действовала «Ассоциация выпускников аспирантур». Ассоциация была призвана содействовать распространению знаний в различных областях гуманитарной деятельности и объединяла в своих рядах около 50 тыс. сирийцев и других арабов, защитивших диссертации в основном в СССР, государствах Восточной Европы. Многие из них занимали высокие посты в местных структурах власти. Нельзя забывать и о том, что в Сирии проживает около 200 тыс. человек, выходцев из различных республик, краев и областей бывшего СССР, главным образом Северного Кавказа и Армении, которые в массе своей тесно связаны со своей этнической родиной родственными, культурными, религиозными связями. На этом фоне происходящие в нашей стране процессы особенно болез-

ненно воспринимались сирийцами – как простыми людьми, так и власть придержащими.

Распад СССР и последовавшая вслед за этим односторонняя переориентация внешней политики новой России на Запад оказали серьезное воздействие на внешнеполитическую доктрину САР и поставили Дамаск перед необходимостью пересмотра своей региональной стратегии. В течение довольно длительного времени ключевым компонентом сирийской концепции национальной безопасности служил Советский Союз, который рассматривался в Дамаске в качестве главного источника военной помощи и политической поддержки и прежде всего стратегического партнера Сирии в случае вооруженного конфликта в соответствии со статьей 6 советско-сирийского договора о дружбе 1980 г. После 1991 г. Россия перешла на новые, коммерческие условия расчетов с зарубежными партнерами, в т.ч. и с Сирией в вопросах военно-технического сотрудничества (ВТС). В результате в данной области российско-сирийских отношений наметился определенный спад, который был также вызван несогласованностью подходов сторон к урегулированию сирийской задолженности по госкредитам бывшего СССР.

Несмотря на «новую философию» во внешней политике России, на практике географические и стратегические параметры российско-сирийских связей не могли быть безусловно и однозначно сняты. Новая Россия, как и прежде, нуждалась в стратегических союзниках на Ближнем Востоке. Тем более, что другой наш традиционный стратегический партнер в регионе – Ирак – оказался полностью изолирован и «выключен» из сферы российского влияния в результате блокады и жесткого режима санкций. Йемен был занят внутренними «разборками» и решением пограничных вопросов. ООП готовилась к реализации сепаратных договоренностей с Израилем при активном посредничестве Запада. Афганистан все глубже погружался в пучину гражданской войны, Иран «отходил» от последствий длительной и кровопролитной войны с Ираком. Отношения с Израилем только набирали темп. Поиск новых стратегических партнеров в арабских монархиях Персидского залива не приносил быстрых и желаемых результатов.

Новые геополитические раскладки в регионе не могли также полностью устроить и Сирию. Существенно смягчив

свою позицию по БВУ и проведя серию двусторонних переговоров и встреч с израильтянами при посредничестве американцев, сирийцы так и не смогли решить своей основной задачи – освобождения Голанских высот. В то же время все явственнее проступающие контуры нового мирового порядка, создаваемого США для Ближнего Востока, ставили Дамаск перед нелегкой дилеммой. Изменить систему власти в стране со всеми вытекающими последствиями и стать составной частью этого порядка, либо найти не столь радикальный и разрушительный алгоритм для более или менее мирного сосуществования с новой реальностью. В условиях перехода нашей страны на новые, рыночные принципы оказания военной помощи САР и высоких цен на современные образцы российских вооружений сирийское руководство осуществляло поиск альтернативных партнеров в области ВТС. Отмена государствами Западной Европы в 1994 г. жесткого эмбарго на военные поставки в САР не повлияла существенным образом на расширение связей этих государств с Дамаском в оборонной сфере из-за сохраняющейся напряженности в сирийско-израильских отношениях. Сотрудничество ограничивалось в основном продажей небольших партий техники двойного назначения, в основном средств связи и транспорта, а также закупкой запчастей к уже поставленному вооружению. Исключение составляла Франция, президент которой накануне своего визита в Дамаск осенью 1996 г. выразил готовность положительно рассмотреть возможные заявки сирийцев на приобретение самолетов типа «Мираж-2000».

Не получили существенного развития и военные связи Сирии с государствами Восточной Европы. После приобретения в одной из этих стран в начале 90-х годов некоторых видов ВВТ, которые имели серьезные технические недостатки, сирийцы с осторожностью стали относиться к новым предложениям восточноевропейских партнеров. Контакты в военной области с бывшими советскими республиками Арменией, Украиной, Белоруссией, Грузией, Казахстаном, Азербайджаном и Узбекистаном носили преимущественно характер разовых сделок, поскольку в условиях отсутствия в этих странах надлежащего государственного контроля за военными поставками и кризисного состояния военно-промышленного комплекса сделки осуществлялись главным образом через

представителей частных компаний, научно-производственных объединений и заводов-изготовителей. С определенными трудностями сталкивалось военное сотрудничество с КНДР и Китаем. Отказ Пекина поставлять Сирии наступательные виды оружия и высокая стоимость предлагаемых образцов военной техники при их относительно невысоком качестве тормозили военное сотрудничество с Китаем.

В то же время, учитывая сохраняющуюся неопределенность в вопросах мира с Израилем и некоторые трения в отношениях Дамаска с другими своими соседями, военно-политическое руководство Сирии уделяло постоянное внимание повышению боеспособности национальных вооруженных сил, рассматривая их как один из важнейших факторов противостояния Израилю, необходимый элемент при решении региональных политических проблем, а также основную опору правящего режима внутри страны. С этой точки зрения сирийцы всегда рассматривали Россию в качестве своего основного партнера по ВТС, источника приобретения современных видов вооружений.

Несмотря на то, что начиная с 1992 г. российско-сирийское торгово-экономическое и техническое сотрудничество сталкивалось с трудностями, обусловленными главным образом нерешенностью вопросов, связанных с погашением советских кредитов и прекращением государственной поддержки российского экспорта в Сирию, Россия сохраняла свою значимость для САР в качестве потенциально важного экономического партнера. При содействии российских организаций в Сирии осуществлялось строительство гидроузла «Тишрин» на реке Евфрат, продолжалось проектирование, ирригационное строительство и освоение земель на массиве Мескене и в районе Халеба, оказывалось содействие в нефтегазодобыче и по ряду других объектов. Созданные и эксплуатируемые при российском содействии объекты сотрудничества играли важную роль в экономике Сирии. В середине 90-х годов они обеспечивали выработку 1/3 электроэнергии в стране, добычу около 30% нефти, орошение свыше 50 тыс. га засушливых земель на массиве Западное Мескене и в прибрежной зоне.

После 1995 г. российское руководство предприняло ряд активных политико-дипломатических действий с тем, чтобы восстановить прежние позиции России в ближневосточном

регионе. Прежде всего Россия стремилась укрепить свой статус коспонсора мирного процесса в регионе. В декабре 1996 г. Россия выступила с предложением организовать встречу глав государств с участием Израиля, палестинцев и арабских стран с тем, чтобы оживить мадридскую формулу вообще и возобновить многосторонние переговоры, в частности. Это было особенно важно для России с точки зрения обеспечения ее участия и учета российских государственных интересов в ходе формирования новых геополитических реалий в регионе. К тому же многосторонние переговоры представляют собой уникальный в своем роде механизм, где при российском сопредседательстве было начато обсуждение проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В 1996–1997 гг. российский министр иностранных дел провел серию переговоров с руководством ряда арабских государств, Израиля и ПНА. В мае 1997 г. российская дипломатия предпринимала усилия по созданию благоприятного климата в арабо-израильских переговорах, пытаясь убедить Сирию и Иран оказать соответствующее давление на радикальные движения и группировки в регионе, стремившиеся торпедировать палестино-израильское примирение. В результате Дамаск и Тегеран в принципе согласились с необходимостью бороться с терроризмом «в любой ситуации и при всех обстоятельствах». В ноябре 1997 г. заместитель министра иностранных дел РФ В.В.Посувалюк был назначен спецпредставителем российского президента на арабо-израильских мирных переговорах со статусом и функциями, аналогичными американцу Д.Росу. В рамках этих усилий российской дипломатией был сделан акцент на потенциальные выгоды для России от ее традиционно тесных связей с Сирией и палестинцами¹.

В 1997 г. Россия и Сирия возобновили переговоры об условиях выплаты Сирией задолженности российской стороне (около 11 млрд. долл.). В июне 1997 г. российская сторона дала понять, что Россия стремится урегулировать этот вопрос путем диалога, и он не должен стать преградой на пути развития двустороннего сотрудничества в различных областях. Неоправданно жесткие по сравнению с индийским (отсрочка на 40 лет) и иорданским (более 80% задолженности списано) прецедентами требования к сирийцам оборачивались, в конечном итоге, против самой России. Дамаск, су-

дя по всему, уже фактически адаптировался к прохладным отношениям с Москвой и не испытывал острой необходимости в скорейшем урегулировании проблемы долгов. Россия же, помимо упущенной выгоды, несла прямые экономические потери. Росла просроченная задолженность (около 7 млрд. долл. на середину 1997 г.), что еще более усложняло возможность выхода в перспективе на взаимоприемлемые условия по выплате долга².

В конце 1997 г. Россия инициировала сотрудничество между российским Минатомом и сирийской компанией по атомной энергии. Сирийская сторона проявила заинтересованность в проведении соответствующих переговоров для определения возможных направлений сотрудничества и подписания соответствующего меморандума. В заявлении российского правительства говорилось о необходимости развития отношений в данной области³.

Активизировалось и российско-сирийское ВТС. Еще весной 1992 г. в Дамаске прошли соответствующие переговоры делегации ГК «Росвооружение» с сирийской стороной по контрактам, заключенным в 1992–1993 гг. Летом этого же года в России побывала представительная военная сирийская делегация с целью подписания контрактов на изготовление и поставку в САР некоторых видов современных вооружений. В июне 1997 г. российский посол в Дамаске заявил о возобновлении поставок российского оружия в Сирию, а позднее в некоторые западные и арабские СМИ просочилась информация о состоявшихся в августе 1997 г. российско-сирийских переговорах о поставках в САР российских ВВТ на сумму в 3 млрд. долл. при финансовой поддержке Ирана. Особую заинтересованность сирийская сторона проявила к закупкам современных образцов ВВТ, в частности, самолетов МИГ-31, МИГ-29, Су-27, Су-22, вертолетов Ка-50, танков Т-90, комплексов ПВО С-300, средств связи и радиоэлектронной борьбы⁴.

Летом 1999 г. после 12-летнего перерыва в Россию с официальным визитом приехал президент Сирии Х.Асад. Как показали состоявшиеся переговоры, Х.Асад не забыл того позитива, который имел Дамаск от особых отношений с Москвой, и верил в потенциал обновленной России. Сирийский президент хорошо понимал, что крепкие связи с Россией могут только помочь его преемнику в управлении страной

в переходный период. Переговоры Х.Асада с российским руководством и предшествовавшие этому визиты в Москву министра иностранных дел САР Ф.Шараа и высокопоставленной сирийской военной делегации придали новый импульс российско-сирийским отношениям, в т.ч. в сфере ВТС.

Действительно, Россия, как и прежде, является основным экспортером ВВТ в Сирию, а результаты последних российско-сирийских контактов в области торгово-экономических связей внушают надежду на то, что экономическая составляющая наших отношений может значительно окрепнуть. Определенные перспективы для расширения двусторонних связей с САР все же имелись. В качестве важного «катализатора» российско-сирийских отношений в Дамаске рассматривали закупки в России современных видов вооружений. ВТС России и Сирии служило одним из немногих примеров, когда возобновление полномасштабного сотрудничества не нуждалось в предварительных «смотринах», не требовало обязательного тестирования на прочность партнерских отношений и долговременность интересов. В перспективе при условии достижения конкретных положительных результатов на переговорах с Израилем политическое руководство САР неизбежно столкнется с необходимостью масштабной перестройки национальных вооруженных сил в плане их модернизации и качественного обновления, сокращения численности личного состава (по некоторым данным, на 80–100 тыс. чел.) с соответствующими изменениями в их оргштатной структуре. С учетом того, что на сегодня вооруженные силы САР более чем на 80% оснащены военной техникой российского производства, только Россия способна обеспечить предстоящую большую работу по обновлению имеющегося парка российского вооружения и военной техники, по оценке возможности продления их ресурсов, проведения ремонта и модификации, соблюдения технологической преемственности и технической совместимости.

Для России расширение ВТС с Сирией имело тем более важное значение, поскольку за последние годы первая значительно ослабила позиции на ближневосточном рынке вооружений. Активизация сотрудничества с Сирией в военной области, помимо прямой экономической выгоды (в первой половине 90-х годов сирийцы передали российской стороне заявки на закупку ВВТ стоимостью до 5 млрд. долл.), могла

бы способствовать возрождению на принципиально новой основе двусторонних экономических связей. Так, с учетом особой роли офицерского корпуса в Сирии, определяющее влияние которого на развитие внутривнутриполитических процессов в САР, судя по всему, сохранится в обозримой перспективе, развитие двустороннего ВТС могло бы заложить прочные стабилизирующие основы в наших двусторонних отношениях на длительную перспективу.

Серьезным тормозом для выравнивания всех сфер российско-сирийских отношений являлась неурегулированность проблемы сирийской задолженности России. Затягивание с решением этого вопроса не только играло на руку противникам российско-сирийских отношений, но могло, в конечном итоге, привести к ситуации, когда Россия полностью утратила бы перспективу возвращения долга, в т.ч. на выгодных в целом для себя условиях (открытие валютной и товарных линий на сотни миллионов долларов ежегодно, например). Судя по всему, решению именно этих насущных задач и был посвящен визит в Москву в конце января 2001 г. сирийской экономической делегации⁵.

Ранее, в сентябре 2000 г., в ходе переговоров российской экономической делегации в Дамаске был подписан ряд соглашений в области торгово-экономического обмена, наиболее важным из которых является соглашение об избежании двойного налогообложения, открывающее широкие возможности для развития двусторонних торгово-экономических связей как по линии государственных, так и частно-коммерческих предприятий. Достигнутые успехи нуждались в закреплении и развитии конкретными делами. Для этого у обеих сторон имелись все объективные и субъективные предпосылки.

За годы сотрудничества при техническом содействии советских организаций в Сирии построено немало важных для ее экономики объектов, причем в базовых для сирийской экономики отраслях, прежде всего в области энергетики, нефти, ирригационном и транспортном строительстве, черной металлургии и других отраслях. Сегодня по разным причинам многие из этих объектов фактически бездействуют. Сооружение некоторых приостановлено, другие нуждаются в переоснащении и модернизации оборудования. Несмотря на то, что госсектор в Сирии постепенно утрачивает свои былые позиции, его роль в переходный для сирийской экономи-

ки период в качестве социального амортизатора и определенного средства подпитки национальной буржуазии остается весьма существенной. Поэтому было бы оправданным сегодня не только продолжить сотрудничество по строящимся и построенным объектам, но и принять участие в сооружении новых объектов и выполнении работ в таких традиционных для российско-сирийского сотрудничества областях, как энергетика, сооружение ТЭС, ЛЭП, нефтяная и газовая промышленность, содействие в выполнении разведочных и эксплуатационных буровых работ, строительство нефтепроводов, газопроводов, нефтехранилищ, в металлургии, в области ирригационного и водохозяйственного строительства, освоения земель в Приморском районе и т.п. Тем более, что в условиях, когда большинство западных, прежде всего американских, рынков может в ближайшее время оказаться закрытыми для экспорта продукции отечественной металлургии, российским промышленникам и предпринимателям стоило бы обратить более пристальное внимание на государства Ближнего и Среднего Востока, особенно те страны, где при нашем содействии создавались отрасли тяжелой промышленности.

Однако ограничивать сферу нашего сотрудничества только традиционными отраслями было бы неверным. Сегодня в Сирии активно развиваются новые для этой страны производства в области связи, телекоммуникаций, информатики. Новый сирийский лидер лично курирует это направление и не только потому, что он раньше возглавлял Сирийскую ассоциацию по информатике и компьютеризации, ряд руководящих членов которой сегодня занимает высокие посты в новом правительстве, но и потому, что без развития этих производств серьезно говорить о безопасности Сирии в XXI в. вряд ли возможно. С учетом имеющихся в России оригинальных «ноу-хау» в этой сфере, которые не уступают западным аналогам, а по некоторым параметрам даже превосходят их, соответствующие российские организации могли бы принять более активное участие в продвижении своих проектов на сирийский рынок. Еще одной важной сферой приложения совместных усилий является сотрудничество в гуманитарной области. Это обучение и подготовка сирийских специалистов (в больших, нежели сегодня объемах) в российских вузах, которые, если верить прогнозам отечествен-

ных демографов, могут уже в ближайшие несколько лет испытывать нехватку студентов, а также создание совместных научных центров и ассоциаций, проведение научных симпозиумов и конференций, издание рекламно-книжной продукции по актуальным проблемам двусторонних отношений и положения в регионе. Некоторые из указанных проектов могут оказаться весьма выгодными. Будучи малозатратными с финансовой точки зрения, они тем не менее могут сыграть важную роль в информационно-рекламном обеспечении как российского, так и сирийского бизнеса, без чего в принципе невозможно представить налаживание продуктивных деловых связей.

Характерно, что по наиболее острым проблемам региона позиции России и Сирии во многом совпадают, что проявилось, в частности, во время телефонного разговора Владимира Путина с Башаром Асадом в ноябре 2002 г. Как и Россия, Сирия голосовала за принятие СБ ООН резолюции № 1441 по Ираку, поддерживая решение иракской проблемы мирным путем. Дамаск выступает за стабильность и предсказуемость развития военно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в регионах, прилегающих к нашим границам, границам СНГ. В этой связи Сирия поддерживает идею созыва международной мирной конференции по Ближнему Востоку, полагая, что всеобъемлющий и прочный мир в регионе может быть достигнут только в ходе многосторонних переговоров при активном участии России в качестве коспонсора ближневосточного мирного процесса. Как заявил министр иностранных дел России в ходе своего визита в Дамаск летом 2004 г., подключение Сирии и Ливана к реализации проекта «Дорожной карты» могло бы обеспечить его успешное продвижение.

Состоявшийся в январе 2003 г. визит в Россию вице-президента Сирии А.Х.Хаддама, несомненно, явился важным событием в области российско-сирийских связей. В 2002 г. в ходе переговоров российских и сирийских экономических делегаций в Москве и Дамаске был подписан ряд важных соглашений в области развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Это создало благоприятные условия для внешнеэкономической деятельности российских организаций на сирийском рынке, а также открыло новые области сотрудничества с Сирией в финансово-

банковской, инвестиционно-кредитной сферах, туризме и других областях. В ноябре 2003 г. российская компания «Татнефть» выиграла тендер на разведку и эксплуатацию одного из крупных нефтяных полей в САР⁶.

Серьезным тормозом для выравнивания всех сфер российско-сирийских отношений по-прежнему являлась неурегулированность проблемы сирийской задолженности России. Очевидно, о решении этих проблем шла речь в ходе переговоров в Дамаске в начале декабря 2003 г. заместителя министра финансов России А.Улюкаева с сирийским премьером Н.Отри, министром финансов САР М.Хусейном⁷. Осложнение военно-политической обстановки вокруг Сирии после войны в Ираке и пробуксовка мирного ближневосточного процесса заставили сирийское руководство вспомнить, что «старый друг – лучше новых двух». В первой декаде декабря 2003 г. в Дамаске с визитом находился заместитель министра иностранных дел России А.Салтанов, который был принят Б.Асадом и передал ему личное послание президента В.Путина⁸.

Для России немаловажное значение имеет тот факт, что сирийский порт Тартус являлся единственным в Средиземном море пунктом материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМФ РФ на безвалютной основе. 23 февраля 2004 г. по российскому телевидению (канал РТР) прошел репортаж о восстановлении российского ПМТО в Тартусе, готовящемся к принятию российской военной эскадры. С учетом преемственности в политике нынешнего сирийского президента есть основания полагать, что Б.Асад не забыл того позитива, который был создан его отцом в двусторонних российско-сирийских отношениях, и будет способствовать их дальнейшему укреплению и выведению их на качественно новый уровень.

Данное предположение нашло полное подтверждение во время государственного визита сирийского президента в Москву в 20-х числах января 2005 г. По оценке Б.Асада, высказанной в ходе закрытой встречи с представителями арабских, главным образом сирийских, и некоторых российских СМИ, результаты переговоров с российским руководством «превзошли все ожидания» Сирии от этого визита⁹. Действительно, списание около 80% сирийского долга, заключение 6 соглашений в торгово-экономической и культурной сфере, вероятность поставок современных российских вооружений в САР означали не только политическую поддержку России

позиции Сирии, но и создавали важные предпосылки для формирования новой внешнеполитической стратегии России на Ближнем Востоке. При этом восстановление в полном объеме российско-сирийских отношений не направлено против какой-либо третьей стороны в регионе и не ставит целью противодействие интересам ведущих мировых держав на Ближнем Востоке. Речь, скорее, может идти о попытках Сирии и России создать совместно с другими государствами региона и ведущими членами мирового сообщества условия для формирования на Ближнем Востоке нового климата международных отношений, более сбалансированных и безопасных. Ведь как для России, так и для Сирии императивом внешней политики служат обеспечение собственных экономических интересов развития своих стран и решение проблем их безопасности.

Происходящие сегодня на Ближнем Востоке процессы объективно ставят регион в центр мировой политики и оказывают все возрастающее влияние на общую ситуацию в мире, во многом определяя взаимоотношения США, Европы и России в XXI в. Если уже в ближайшие годы Ближний Восток будет находиться в центре международных усилий по установлению новой системы международных отношений, то тем самым регион в значительной степени будет определять основные параметры развития мировой политики. Данное обстоятельство, несомненно, повлияет и на рост интереса к региону со стороны российской общественности. А также поставит новые требования перед наукой и политическими организациями России, занимающимися ее связями с международным окружением. Науке, изучающей ближневосточный регион, будет необходимо лучше разбираться во внешней политике и политике безопасности.

Российским политическим и управленческим структурам, очевидно, предстоит переосмыслить свои приоритеты. Центральное значение Ближнего Востока как сцены международной политики означает большую компетентность кадров внешнеполитических институтов государства в отношении региона Ближнего Востока, причем как в центре, так и за рубежом. Поэтому проблема нахождения гармоничного сочетания западного и восточного направлений российской внешней политики с точки зрения укрепления авторитета России на между-

народной арене и стабилизации социально-экономической ситуации в стране становится крайне актуальной.

¹ Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003, с. 130.

² Cordesman A.H. Israel and Syria: The New Strategic and Military Realities after the Death of Hafez Assad. CSIS. Wash., 2000, с. 12–14; If Its Syria: Syrian Military Forces and Capabilities. CSIS. Wash., 2003, с. 2–12.

³ Modern Syria. From Ottoman Rule to Pivotal Role in THE Middle East. Brighton, 1999, с. 75, 93–95.

⁴ Аль-Васат, 11.08.1997.

⁵ Дипкурьер НГ, 15.02.2001, с. 15.

⁶ Interfax, 27.11.2003.

⁷ Аль-Баас, 03.12.2003.

⁸ Аль-Баас, 05.12.2003.

⁹ Ахмедов В.М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. М., 2005, с. 187.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКО-СИРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Название нашей конференции – «Российско-сирийские отношения: традиции и перспективы». Действительно, отношения между нашими народами имеют давнюю, почти четырехвековую традицию, выходящую далеко за исторические рамки официальных межгосударственных отношений, установленных, как известно, в июле 1944 г.

Интерес жителей древней Руси к Сирии (так исторически назывались территории современных Сирии, Ливана и Палестины) был связан с тем, что для них это – святая земля, земля, где зародилось христианство. Первые знания о Сирии приходили на Русь благодаря церковным связям с православными Антиохийским и Иерусалимским патриархатами, а также рассказам паломников.

Самым древним из дошедших до нас письменных памятников, рассказывающих о Сирии и ее народе, было знаменитое «Хождение Даниила, игумена Русской земли», совершенное в Палестину в 1106–1107 гг.

В 1652 г. в Дамаск заезжал келарь Троице-Сергиевской лавры Арсений Суханов, который был послан тогдашним главой Русской православной церкви для описания «святых мест и греческих церковных чинов». Сведения, которые он собрал, явились основанием для внесения важных изменений в богослужебные книги и церковные обряды на Руси.

В конце XVIII в. вышло в свет первое русское светское сочинение о Сирии – «Дневные записки» российского офицера С.П. Плещеева.

Начиная с первой половины XIX в. на русском языке появляются серьезные научные труды о Сирии, среди которых особое место занимают «Записки русского врача...» А.А.Рафаловича, консульские донесения и отчеты Константина Михайловича Базили, военно-топографические обозрения подполковника

русской армии П.П.Львова и др. Кстати, по свидетельству современников, дом российского консула в Бейруте К.М.Базили в 40–50-е годы XIX в. был культурным центром сирийской православной общины. К.М.Базили способствовал восстановлению в Сирии православной типографии, а также открытию при местных религиозных центрах около 20 православных школ.

Было и встречное движение в форме пробуждающегося интереса в Сирии к России. Академик И.Ю.Крачковский отмечает, что уже в XVI в. взоры определенных кругов сирийской интеллигенции «начали обращаться к России». Растет число сирийцев, которые по разным причинам оказываются в России. При царе Алексее Михайловиче в Россию дважды (в 1654–1656 гг. и 1666–1668 гг.) приезжал Патриарх Антиохийский Макарий, сыгравший большую роль в процессе церковных реформ, инициированных патриархом Никоном. Существует подробное описание этих путешествий, составленное сыном патриарха Макария Павлом. Переведенное на русский язык сирийцем – профессором Муркосом, долго работавшим в России, это описание является очень важным источником для внутренней истории Московской Руси.

Любопытно, что Павел упоминает о том, что под Москвой они с отцом встретили выходца из Сирии, который служил воеводой в России.

Российско-сирийские связи не ограничивались культурой и религией. Уже в середине XIX в. Россия занимала четвертое место после Англии, Франции и Египта в общем объеме товаров, ввозимых в Сирию. Из России привозились пшеница, кукуруза, а также железо. Например, в 1850 г. в порт Бейрута прибыли 13 судов под российским флагом. В 1852 г. из 13 грузов хлопка, вывезенных из Сирии, шесть грузов было отправлено в Россию.

Усилению интереса к России в Сирии способствовало созданное в 1882 г. Императорское Палестинское общество. Его возглавлял дядя императора Николая Второго Великий князь Сергей Александрович. Под эгидой этого общества была создана целая сеть православных школ и педагогических училищ в Сирии, Ливане и Палестине, в которых работали и русские преподаватели. Причем, по свидетельству уже упоминавшегося академика И.Ю.Крачковского, эти школы «по своим педагогическим установкам часто оказывались выше богато оборудованных учреждений разных западноевропейских и американских миссий. Знание русского языка редко находило себе прак-

тическое применение в дальнейшей деятельности питомцев, но прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь...»¹

Лучшие выпускники этих школ направлялись за счет Императорского Палестинского общества на учебу в Россию. Одним из таких учеников был ставший впоследствии всемирно известным писателем Михаил Нуайме, который окончил в 1911 г. Полтавскую духовную семинарию. Кстати, известности Михаила Нуайме в Европе способствовали публикации российских востоковедов о его произведениях.

Следует сказать, что вообще русская арабистика как наука возникла и достигла высокого уровня развития, благодаря прежде всего связям России с Сирией, Ливаном и Палестиной. Такие известные во всем мире российские ученые-арабисты, как О.И.Сенковский, И.Ю.Крачковский, А.Е.Крымский в разное время посетили этот регион и посвятили ему многие свои научные работы. Российские ученые-арабисты своими переводами и публикациями, в том числе и на европейских языках, способствовали тому, что в научный оборот были введены произведения Абу аль-Аля аль-Маарри, Амина ар-Рейхани и других выдающихся представителей сирийско-ливанской литературы. Академик И.Ю.Крачковский открыл для всего мира «сиро-американскую» литературу.

Первыми преподавателями арабского языка в России были выходцы из Сирии. Среди них был, например, Ириней Нофаль, приехавший в Россию в 1860 г. Заметный вклад в развитие советской арабистики внесла уроженка Назарета Оде-Васильева, преподававшая арабский язык, в том числе и в нашей Дипломатической академии.

По-видимому, сирийцев, учившихся в России по линии Императорского Палестинского общества, было немало. Михаил Нуайме в своих воспоминаниях об учебе в школе, созданной этим обществом, пишет о преподавателе в ней, который получил образование в России и который, по его словам, «был первым, кто пробудил в нас патриотические чувства...»². Нуайме пишет и о своем земляке, который раньше его на год начал учебу в Полтаве.

О значении, которое придавала Россия отношениям с Сирией, свидетельствует тот факт, что до 1914 г. она имела там 7 консульских представительств: в Бейруте, Алеппо, Дамаске, Сайде, Хаме, Триполи и Латакии.

С началом Первой мировой войны по известным причинам связи между Россией и Сирией надолго прерываются, чтобы возобновиться уже в совершенно новых условиях – после того, как Франция была вынуждена признать независимость, на первых порах формальную, Сирийской Республики.

21 июля 1944 г. на имя наркома иностранных дел СССР Молотова В.М. пришло послание министра иностранных дел Сирийской Республики Джамиля Мардам Бея, в котором говорилось: «Сирия, движимая своим восхищением перед советским народом, усилия и успехи которого в великой борьбе демократии против духа завоеваний и господства дают основу для законных надежд на будущую свободу и равенство для всех больших и малых наций..., была бы счастлива установить и поддерживать с Советским Союзом дружественные дипломатические отношения».

О том, насколько серьезно руководство СССР отнеслось к этому посланию, несмотря на то, что еще не вся территория Советского Союза была освобождена от фашистских захватчиков, свидетельствует тот факт, что уже в том же месяце были установлены дипломатические отношения между двумя государствами. Известие об этом было встречено с большим воодушевлением широкими народными массами Сирии.

В связи с установлением дипломатических отношений между Сирийской Республикой и СССР дамаская газета писала: «Мы с большим удовлетворением принимаем установление дружественных отношений с Советским Союзом, который несет на себе тяжелое бремя нынешней войны и принес самые большие жертвы»³.

Газета «Аль-Ислах», издававшаяся в Алеппо, в номере за это же число в статье под заголовком «Мы с радостью принимаем это событие и хотели бы высказать нашу признательность Советскому Союзу» писала: «Мы благодарим Советский Союз за его позицию, которая доказывает искренность его принципов и добрые чувства...».

В ноябре 1944 г. Патриарх Антиохийский и всего Востока Александр III через советского посла поздравил советский народ с 27-й годовщиной основания Советского Союза и выразил пожелание приехать в Москву для участия в Совещании высшего православного духовенства для избрания патриарха. Такая поездка действительно состоялась, знаменуя собой непрерывающуюся связь Русской православной церкви с

Антиохийским патриархатом. Патриарха Антиохийского и всего Востока в этой поездке сопровождал патриарх Хомский, который прекрасно владел русским языком, так как в свое время учился в России.

О характере отношений, которые установились между СССР и Сирией, свидетельствует тот факт, что в марте 1945 г. Советское правительство по просьбе сирийского правительства, которое пошло в этом вопросе против воли Франции, фактически сохранявшей мандат над Сирией, согласилось принять на себя защиту интересов Сирии в Японии.

Советский Союз поддержал просьбу Сирийской Республики о ее участии в Международной конференции в Сан-Франциско, в результате которой было принято решение о создании ООН. В связи с этим в телеграмме президента СР Шукри Куатли на имя Сталина от 2 апреля 1945 г. говорилось: «Я счастлив выразить Вашему Превосходительству свою самую горячую благодарность за благородную позицию правительства СССР и его великого вождя в отношении законной просьбы Сирии об участии в конференции в Сан-Франциско. Я пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Ваше Превосходительство в чувстве благодарности, которое питает Сирия в отношении СССР, за ту поддержку, которую она не перестает находить у его выдающегося вождя и его уважаемого Правительства».

Как известно, Франция отказывалась выводить свои войска из Сирии и требовала для себя особых привилегий на территории этой страны. Дело дошло до того, что самолеты Франции подвергли бомбардировке Дамаск и другие города Сирии.

Председатель Совета министров СР, временно исполнявший и обязанности министра иностранных дел Камиль Мардам Бей в своей телеграмме от 23 мая 1945 г. на имя Сталина обратился за поддержкой к СССР. В этой телеграмме, в частности, говорилось: «Ваше Превосходительство признало независимость Сирии и исключило предоставление каких бы то ни было привилегий. Франция, однако, требует привилегий, которые нарушают независимость и законные права Сирии. Заботясь о том, чтобы поддержать порядок на Ближнем Востоке и не прибегать к крайним мерам, способным открыть новую фазу кровопролитных военных действий после окончания войны в Европе, сирийское правительство ходатайствует о Вашем благосклонном вмешательстве для того, чтобы добиться от Франции вывода ее войск и уважения суверенитета Сирии».

Реакция Советского Союза была быстрой и решительной. Уже 2 июня 1945 г. газета «Правда» и другие советские СМИ опубликовали сообщение Информбюро Наркоминдел СССР о том, что Советское правительство обратилось с особым заявлением к правительству Франции, а также к правительствам США и Китая, в котором отмечалось, что события в Сирии и Ливане не соответствуют духу решений, принятых в Думбартон-Оксе, и целям происходящей в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций. Поэтому Советское правительство считает, что должны быть приняты срочные меры к тому, чтобы прекратить военные действия в Сирии и Ливане и уладить возникший конфликт мирным порядком.

Самые различные политические силы в Сирии выражали признательность Советскому Союзу за его твердую позицию, которая помогла прекратить агрессию Франции против их страны. Весьма красноречивая телеграмма на имя Сталина поступила из Рио-де-Жанейро 5 июня 1945 г. «От имени нескольких тысяч сирийцев и ливанцев, живущих в Бразилии, мы выражаем искреннюю благодарность за Вашу твердую позицию в отстаивании демократии и свободы наций и защите суверенитета Сирии и Ливана, признанного Вашим правительством, против французской агрессии. С почтением президент сирийско-ливанского комитета Ризоалла Хаддад».

Как известно, в результате закулисных переговоров Англия и Франция 13 декабря 1945 г. заключили соглашение о дальнейшей оккупации Сирии и Ливана.

В феврале 1946 г. правительства Сирии и Ливана вынесли на обсуждение в СБ ООН вопрос об эвакуации иностранных войск. Их требование было поддержано делегациями Советского Союза, Польши, Египта и Мексики. Но поставленная на голосование резолюция США, отражавшая интересы Англии и Франции, практически замораживала решение проблемы. В связи с этим Советский Союз, впервые в истории этой организации используя право вето, воспрепятствовал принятию решения, не отвечавшего национальным интересам Сирии и Ливана.

Англия и Франция в марте 1946 г. были вынуждены согласиться на вывод своих войск с территорий обеих стран.

День 17 апреля 1946 г., когда последний чужеземный солдат покинул территорию Сирии, ежегодно отмечается в Сирии как национальный праздник – День национальной независимости.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что становлению и успешному развитию многоплановых отношений независимой Сирии с Советским Союзом, которые достигли расцвета в 70–80-е годы XX столетия, во многом способствовали те богатые традиции, которые были заложены в течение почти четырех столетий взаимных контактов многих поколений представителей русского и сирийского народов. Задача нынешних и будущих поколений дипломатов, ученых, бизнесменов и всех граждан Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики – продолжить и обогатить эти традиции содержанием, соответствующим новой эпохе. Как представляется, данная конференция, которая проводится накануне государственного визита Президента САР Башара Асада в Москву и организаторами которой выступают, помимо Дипломатической академии МИД РФ, Посольство САР в Москве и Ассоциация сирийских граждан в РФ, призвана внести важный вклад в решение этой задачи.

Со своей стороны, Дипломатическая академия МИД РФ, которая располагает большим научным потенциалом, в том числе в лице ученых-востоковедов, работающих на кафедре восточных языков и на других кафедрах, а также в Институте актуальных международных проблем ДА МИД РФ, значительными техническими возможностями и опытом, готова сотрудничать и в дальнейшем с сирийской стороной в реализации совместных научно-исследовательских и учебных проектов.

¹ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.-Ленинград: Изво АН СССР, 1955. Т. 1. С. 55.

² Нуайме М. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980, с. 11.

³ Аль-Инша, 29.07.1944.

РОССИЯ-СИРИЯ: НОВЫЕ РЕАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Отношения между РФ и САР пережили длительный период охлаждения в связи с серьезными обстоятельствами. Оба государства оказались разведенными по своим ячейкам из-за разрушившихся политико-идеологических скреп, созданных во времена холодной войны и биполярного мира для противостояния общему противнику. В тот период Сирия была полноправным партнером Советского Союза и его стратегическим союзником на Ближнем Востоке. Общность целей и задач на внешнеполитической арене вылилась в многомерное сотрудничество двух государств и партий. Это сотрудничество превратилось для обеих сторон в абсолютно необходимый императив в условиях мировой и региональной политической реальности тех лет. Оба союзника выигрывали от тесного взаимодействия, от координации своих шагов, что делало их способными противостоять воздействию противных сил и адекватно парировать практически любой враждебный выпад, направленный на дестабилизацию ближневосточной ситуации, обстановки вокруг Сирии и отношений между двумя дружественными государствами.

Важным элементом всестороннего взаимодействия между двумя партнерами были контакты в экономической сфере. Именно они служили свидетельством зрелости сотрудничества, придавали политическим отношениям необходимую весомость и значимость, ориентировали на перспективу экономические механизмы обеих стран.

Торговые отношения регулировались долгосрочными соглашениями от 1965 г., в соответствии с которыми предусматривалось предоставление сторонам режима наибольшего благоприятствования во всех вопросах, связанных с внешнеторговой деятельностью, а сама торговля велась на базе списков товаров для взаимных поставок на сбалансированной основе.

Текущий товарооборот совершался на основе соответствующих соглашений, подписывавшихся на пятилетние сроки, и протоколов о поставках конкретных товаров и имущества. Расчеты регулировались платежным соглашением от 1965 г. в клиринговых фунтах стерлингов. На то время это был почти оптимальный механизм сотрудничества, рассчитанный на функционирование в условиях, гарантированных самой природой отношений, установившихся между партийным и государственным руководством. Они имели теплый, доверительный характер, и в силу этого обеспечивали бесперебойность действия в равной степени не только механизмов принятия политических решений, но и разработки и проведения в жизнь мер экономического порядка.

Десятилетия сотрудничества подтвердили, что Сирия была достойным экономическим партнером Советского Союза, неуклонно выполняющим взятые на себя обязательства. Подобная верность договоренностям и соглашениям может с полным основанием рассматриваться как залог и свидетельство способности и далее выступать в роли безотказного и заинтересованного партнера уже России.

Это тем более важно, что экономические интересы Сирии в отношениях с Россией весомо подкрепляются политическими устремлениями. Сирия питает исторически возникшие симпатии к русскому народу, а ее народ продолжает верить в необходимость следования идеалам дружбы, которые сложились, в том числе, и на уровне ощущений сирийской улицы. Поэтому демонстрируемое Сирией стойкое желание видеть в России могущественную силу, способную проводить национально ориентированную внешнюю политику и подкреплять ее значимыми экономическими действиями, заслуживает самого пристального внимания. В связи с этим очень кстати начавшаяся активизация арабского вектора российского внешнеполитического курса вообще и сирийской его ветви, в частности. Это, безусловно, шаг в верном направлении, который может принести большую пользу для восстановления авторитета и имиджа России в арабском и мусульманском мире как в его политическом, так и экономическом варианте.

В советский период Сирия была одним из наиболее динамичных внешнеэкономических партнеров нашей страны. Динамика взаимной торговли определялась восходящими показателями. К 1990 г. товарооборот вырос почти в 30 раз, экспорт – в 57 раз,

а импорт – в 10 раз. Но в целом удельный вес Сирии в совокупном товарообороте был небольшим и составлял к указанной дате всего 0,6%. Но важно то, что эти цифры были реальными и отражали действительные потребности экономического обмена. Последовавшее их падение было во многом следствием изменения внутренней экономической ситуации как в СССР, так и в Сирии.

Основная часть советского экспорта в Сирию, составлявшая примерно 80%, формировалась за счет поставок машин, оборудования и транспортных средств. Сирия направляла в СССР продукцию традиционного местного экспорта, включая нефть, хлопок, фосфаты, шерсть, кожи, ткани, трикотаж, товары ширпотреба, которые на внутреннем советском рынке были в дефиците и пользовались повышенным спросом. В целом торговля ориентировала на то, чтобы за счет взаимных поставок удовлетворять спрос на товары инвестиционного и потребительского назначения и на то, чтобы погашать предоставлявшиеся советской стороной кредиты.

В отличие от собственно торговли экономическое и техническое содействие всегда было более важным аспектом отношений. Оно помогало Сирии преодолевать отставание, мобилизовывать естественные ресурсы, укреплять экономический потенциал. Отличительной чертой отношений в этой области было то, что с советской стороны содействие оказывалось преимущественно государственному сектору, который рассматривался как основа экономического развития, эффективное средство мобилизации накоплений и выполнения заданий пятилетних планов, положенных Сирией в основу регулирования своего экономического роста.

СССР внес большой вклад в создание энергетической базы Сирии, объектов хозяйственной инфраструктуры, освоение земель и т.п. К 1990 г. в Сирии были реализованы около 90 объектов и тем сотрудничества в базовых отраслях при техническом содействии СССР. С помощью нашей страны удалось существенно повысить органическое строение капитала и технологический уровень ряда отраслей сирийской промышленности за счет передачи соответствующих технологий и поставок механизмов, машин и оборудования. Были подготовлены десятки тысяч квалифицированных рабочих и специалистов для работы на производстве, в сфере управления, во многих других областях.

Столь развитое сотрудничество не могло не рождать и серьезные проблемы. Они преодолевались, но в ряде случаев влияли на эффективность показателей. Крупной проблемой была эффективность использования кредитов в рамках проектов технико-экономического содействия. Производной от нее была проблема сроков погашения кредитов. Другие трудности смыкались с финансовыми операциями и валютными расчетами, строившимися на клиринговых началах. Ведь применявшиеся для этого разные системы счетов не были абсолютно идеальными. Во многом их составляющие зависели от факторов, которые складывались за пределами советско-сирийских отношений.

Научно-техническое сотрудничество было еще одним важным аспектом совместной деятельности. Сирия получала помощь в разведке полезных ископаемых, в подготовке карт, в уточнении геологического строения своей территории и в оптимизации водопользования. В свете сказанного многое было сделано для улучшения схем использования национального земельного фонда. На вершине исследований в этой области стоит совместный космический полет, который мог бы стать началом долговременных разработок обоюдно выгодных тем и проектов. Однако позитивная динамика в осуществлении этой и других программ оказалась прерванной общим ходом событий в межгосударственных делах.

Как отмечалось, сотрудничество было разносторонним и насыщенным, в него с обеих сторон были втянуты десятки отраслей, сотни предприятий, многие тысячи специалистов разных профилей. Взаимодействие осуществлялось по множеству каналов, иницируя самые разные схемы его построения. Кроме того, следует принять во внимание, что оба государства по ряду параметров могли рассматриваться как до определенной степени родственные. Это касается общего стиля руководства, масштабов воздействия идеологии на функционирование экономических механизмов, засилья государства в организации и ведении собственно хозяйственной деятельности, применения безальтернативных методов директивного планирования, определения основных параметров и направлений развития, бюрократических методов управления. В результате из-за чрезмерной централизации могли возникать нештатные ситуации. Особенно на стадии реализации проектов или тем, в которых участвовали конкретные учреждения. В равной мере из-

лишняя централизация управления и принятия решений не всегда обеспечивала стыковку текущих планов и проектов, затягивая их согласование и сроки исполнения. Недостатки в управлении хозяйственных функций могли создавать сбои в механизмах сотрудничества, а затратные методы, нередко применявшиеся обеими сторонами даже в рутинной экономической деятельности, существенно сказывались на эффективности и результатах совместной работы на разных направлениях.

Однако это были преимущественно огрехи организационно-технического порядка, которые изживались в процессе накопления опыта взаимного общения, углубления взаимопонимания и знания особенностей постановки дела в структурах, участвовавших в рабочих проектах. Они отнюдь не угрожали взаимовыгодным контактам и являлись безусловно преходящими моментами, полное изживание которых было только вопросом времени.

Развал сотрудничества был вызван, как отмечалось, более серьезными обстоятельствами, спровоцированными значительным ухудшением экономической ситуации в обоих государствах. Они стали ареной развертывания инфляционных тенденций, ухудшения конъюнктуры, сокращения производства. Резкий спад в отношениях имел объективный характер и был обусловлен, помимо прочего, также и тем, что в мире в тот период оформлялись совершенно новые тенденции во взаимодействии различных государств. На первый план выходили процессы глобализации, проблемы иного качества формирования мирового экономического пространства, появления экономических группировок, составлявшихся не только по политической принадлежности, но и по степени зрелости рыночной экономики их членов. Смена вех в системной организации мировой торговли могла сама по себе нарушить принципы ведения советско-российско-сирийских отношений. Они могли оказаться несоответствующими и неадаптируемыми к новым условиям и потребовать существенного обновления. Тем более, что некоторые проблемы на этой почве уже возникали. Ведь удобства клиринговых расчетов обеспечивались главным образом в период стабильных валют и устойчивых паритетов. Когда изменились внутренние и внешние условия, кредитно-расчетная сфера, устроенная исключительно на клиринговых началах, с течением времени привела не только к потерям, но и к накоплению на этой почве напряженности и непонимания

между сторонами. Попытки изменить ситуацию за счет привязки расчетов к фунту стерлингов при выдаче и погашении кредитов или введения плавающих курсов валют без твердо фиксированных паритетов или использования корзины валют в качестве гарантии от валютных рисков не привели к позитивным результатам, а лишь усложнили систему взаимных расчетов.

Большое значение на этом фоне для сужения базы отношений имели смена вех во внешнеполитических приоритетах, перенесение центра тяжести на новые объекты для сотрудничества на мировом экономическом пространстве. В этих условиях стал реальностью отход от фактически союзнических отношений, которые декларировались Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирией. Обеспечивавшийся этим договором особый статус этой последней был утрачен, и это также внесло свою лепту в сужение базы отношений с Россией. В результате были сведены до минимума торговый обмен и помощь. Их абсолютные показатели, по некоторым данным, снизились за два-три года в начале 90-х годов с 2,3 млрд. долл. до 160 млн. долл. На первое место вышли проблемы правопреемственности и сирийского долга.

Оживить ситуацию не смогли и подписанные тогда же соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве на новый пятилетний срок. Слишком велики были разногласия, которые возобладали в российско-сирийских отношениях более чем на десятилетний период.

Сведение отношений к минимуму было предопределено всем ходом исторического развития в последнем десятилетии прошлого века в силу масштабных причин, принципиально изменивших картину мира. В подобных обстоятельствах восстановление прежних отношений даже в ограниченных пределах представляло большую проблему. Тем более что к началу нового века Россия еще не вышла из переходного периода, хотя было многое сделано для внедрения рыночной модели хозяйствования. Реформы существенно преобразили рельеф экономического пространства страны, но внутриэкономические проблемы для нее все еще являются объектом большего внимания, чем выход на рынки развивающихся государств в качестве торгового партнера их или инвестора крупных капиталов.

Стратегические задачи государства пока не ориентированы в весомой степени на программы техно-экономического сотрудничества и помощи менее развитым странам. Отсюда –

ограниченная способность кредитования экспортно-импортных операций и технической помощи странам третьего мира, в том числе и арабским. Соответственно, ослабла роль экономической составляющей восстановления или налаживания новых контактов с ними, равно как и снизился интерес к региону, требуемый для реанимации экономических и иных отношений с зарубежным Востоком.

Между тем очевидно, что только государство способно мобилизовать крайне необходимую для подобных ситуаций поддержку в виде всей своей внешнеполитической, дипломатической и пропагандистской мощи и обеспечить соответствующий эффект на избранном направлении. На этом фоне официальный переговорный процесс с Сирией по вопросам хозяйственного спектра осуществлялся эпизодически, а неофициальные инициативы отдельных российских представителей не покрывали всего поля возможного сотрудничества.

Инициативные контакты отдельных предприятий с потенциальными сирийскими партнерами нередко оканчивались с нулевым результатом. Примеры успешной торгово-экономической деятельности были редки и не создавали благоприятного видения перспектив сотрудничества. Однако в то же время они указывают на сохраняющийся интерес к Сирии как к деловому партнеру, имеющему рынок, конъюнктура которого в целом может быть привлекательна для российских поставщиков. Эти примеры могут рассматриваться и как доказательство необходимости канализировать разрозненные устремления российских товаропроизводителей, защитить их от недобросовестных пользователей продукции и потребителей услуг по государственной линии. В равной мере подобное относится и к сирийской стороне.

В том, что оказались утраченными динамизм и наполненность экономических отношений и торговых связей, сыграло свою роль и отсутствие импульсов со стороны самой Сирии, что имело свое объяснение.

Ситуация здесь (применительно к особенностям ее внешней торговли вообще и торгово-экономических контактов с Россией, в частности) определялась несколькими обстоятельствами. Страна находится в состоянии вялотекущего экономического кризиса, возникшего под влиянием объективных факторов (противостояние с Израилем, оборонные расходы и спровоцированная этим слабость бюджетов развития). Кроме

того, сказывается обстановка предреформенного периода. В стране создаются предпосылки перехода от централизованной экономики к рыночной организации. Процесс осуществляется эволюционным путем, но это создает ситуацию застревания уже на начальном этапе реструктурирования национальной экономики, неизбежного в свете новых веяний в стране и в мире. Пока же малоэффективный госсектор продолжает определять суть социально-экономических процессов в государстве. Частное предпринимательство занимает выжидательные позиции.

Социально-экономические преобразования весьма непросты по своему характеру и последствиям. Им сопутствуют соперничество разных экономических групп в борьбе за влияние на рынке, неизбежные кадровые перестановки в руководящих слоях влиятельных ведомств экономического блока, столкновение старых и новых бизнес-элит, вообще серьезная встряска всей системы экономического устройства общества, теряющего привычные ориентиры. В этих условиях всегда нелегко сверху формировать новый экономический дискурс, вводить новые правила регуляции хозяйственной среды, закладывать основы нового законотворчества в экономической сфере и находить возможности определить свое место в системе новых экономических координат, устанавливаемых мировым рынком.

Подобные нововведения приходится осуществлять в борьбе за преодоление стагнации и в рамках преобладания старых экономических форм, препятствующих большей открытости экономической системы, экономической либерализации и созданию экономического пространства, законы функционирования которого приближаются к международным стандартам.

Именно успехи на этом фронте будут определять меру социально-экономического прогресса в Сирии, ее место в системе обеспечения экономической стабилизации в регионе и ее роль в системе международного разделения труда. Именно сейчас в обстановке беспрецедентного американского проникновения в арабо-мусульманский ареал и попыток последнего противостоять этому жесткому наступлению закладываются основы функционирования Сирии как авторитетного государства на Ближнем Востоке. Они ассоциируются прежде всего с необходимостью сохранения статуса региональной державы, а важнейшим признаком ее является экономическая мощь, про-

изводственный потенциал, другие реалии, гарантирующие возможность экономически противостоять внешнему давлению, проведения независимой внешней политики и следования национальным интересам.

Экономические обстоятельства в большей степени, чем политические, содействовали размежеванию между Сирией и Россией. Между тем, и это кажется очевидным, оба государства имеют одинаковый вектор социального развития экономики, хотя движение по нему осуществляется с достаточно большим временным разрывом, в результате чего складывается внешнее впечатление, что движение это разнонаправленное, хотя правильнее речь вести о разнотемповости.

Тем более в этих условиях сотрудничество с Россией для Сирии может восприниматься как безусловный императив. В текущих обстоятельствах Сирия фактически остается один на один с серьезными экономическими и политическими проблемами современности. Интеграционное движение в арабском мире терпит поражение, и арабский общий рынок, в котором могло бы найтись место и Сирии, остается отдаленной перспективой. В рамках средиземноморского сотрудничества в ЕС также нет заметного прогресса, и Сирия основательно разочарована в будущем этого проекта и видением своей роли в нем. Возможности вступления в ВТО при нынешней ситуации и противодействии США предстают чрезвычайно размытыми. В совокупности эти реалии нынешнего дня оставляют Сирию в своего рода изоляции от основных интеграционно-экономических процессов, протекающих в мире.

В этих обстоятельствах естественным шагом было движение в сторону России как к крупной и дружественной стране, к чему подвигали не только реалии геоэкономического и геополитического порядка, но и потребности внутриэкономического развития. Ведь Россия в качестве правопреемницы Советского Союза, имевшего большой авторитет и вес в арабском мире и в собственно Сирии, все еще воспринимается как солидный партнер, унаследовавший все положительные стороны своего предшественника. Подобное отношение, помимо прочего, подкрепляется и тем, что в Сирии сохраняется необходимость в обновлении установленного советского оборудования, в поставках запчастей для него, в обучении персонала и т.п., т.е. в таких операциях и действиях, которые могут быть лучше всего осуществлены именно при содействии России.

Для России же промедление в этой области чревато окончательной утратой позиций в Сирии. Образовавшийся вакуум быстро заполняется активностью третьих стран, рассматривающих Сирию либо как близкого исторического партнера (Франция и некоторые другие страны ЕС), либо как выгодный рынок для сбыта промышленной и иной продукции со стороны таких товаропроизводителей, как Китай или новые индустриальные страны ЮВА. Тем более, что в собственно хозяйственном сегменте сирийско-российских отношений возник особо ощутимый вакуум после резкого падения объемов даже челночной торговли, поддерживавшейся в основном благодаря усилиям сирийских предпринимателей. Но и такая альтернативная торговля даже в короткий период своего расцвета, когда в России существовал товарный голод, по определению была слабым паллиативом торгово-экономическим контактам по межгосударственной линии. По существу, она была последним рубежом, за которым мог последовать необратимый откат российской продукции с сирийского рынка.

Свертывание российской экономической активности сопровождалось неминуемой утратой гуманитарных контактов с Сирией. За годы сотрудничества в ней был создан очень большой потенциал взаимного доверия, который без перманентной подпитки подвержен интенсивному размыванию. Активный деловой, профсоюзный, культурный, спортивный обмен всегда был важной частью политики в отношении Сирии. Тем более, что эта страна очень многое впитала и усвоила из практики бывшего СССР в экономической и социальной сферах. Сохранение такого мощного гуманитарного наследия должно, наверное, быть первейшей заботой российского государства.

Такой подход поможет сохранить и такой не потерявший до сих пор своего значения фактор, как традиционная симпатия обладающих определенным влиянием сегментов деловых кругов страны, известной части партийно-политических структур и достаточно авторитетных групп внутри военных кругов, испытывающих приязнь и сочувствие ко всему, имеющему советско-российское происхождение.

Далее. Сирийские вооруженные силы в подавляющей своей части оснащены советским оружием и техникой, которые вырабатывают свой ресурс и выводятся из эксплуатации. Это создает колоссальную потребность в модернизации и запасных частях, в поставках спецоборудования и т.п. Кроме того, ныне

имеются новые образцы оружия, и Сирия, если хочет оставаться региональной державой, должна заботиться об обновлении парка вооружений, источником которых может служить Россия. Все это включается в потенциал экономического взаимодействия с Сирией и может служить к выгоде России.

Заложенные в этой сфере возможности указывают на то, что Сирия и ныне способна служить в качестве выгодного партнера России на Ближнем Востоке. В этих обстоятельствах России относительно легко реализовать наработанный задел и восстановить в той или иной форме свое присутствие в Сирии, стимулировать экономические отношения с этой важной страной арабского мира.

Ключом к именно такому развитию событий, видимо, с полным основанием можно считать решение проблемы сирийского долга, длительное время бывшего труднопреодолимым препятствием на пути восстановления российско-сирийского сотрудничества. Ныне соглашение по этому поводу достигнуто. И если исходить из соображений государственной целесообразности при возобновлении полноценных отношений с Сирией, то это был своевременный шаг, снявший напряженность в отношениях между двумя государствами и открывший их рынки друг другу.

Прошедший период дает возможность трезво оценить положительные и негативные составляющие во взаимодействии двух государств. Именно сейчас, когда подходы к сближению между РФ и САР будут определяться только соображениями политической и экономической целесообразности, возможны весьма продуктивные демарши навстречу друг другу. Встречные действия, основанные на компромиссе и сознательно нацеленные на восстановление блока связей, приносящих прежде обоюдную пользу, могут оказаться востребованными как знак поворота лицом к арабскому, мусульманскому миру. Это имеет особое значение в условиях адаптации к новому мировому порядку и к сопровождающим его глобальным вызовам. Здоровый прагматизм в этом случае может оказаться значительно более прочной скрепой, чем общность доктринарских положений, чье совпадение никогда не было полным и носило конъюнктурный характер.

Очевидно, что искусственные конструкции в виде идеологических догм более не могут служить единственной посылкой строительства международных отношений. Тем не менее некий

естественный эквивалент идеологического обеспечения внешних интересов должен присутствовать в сфере международных связей. Он выступает как важная гарантия их преемственности и предсказуемости. Этот эквивалент, видимо, имеет смысл трактовать как важный императив даже в условиях господствующей в мире прагматичной рыночной идеологии, утвердившейся в качестве магистрального дискурса мирового экономического порядка. Фактически все союзы современности строятся на общности интересов и целей, а особой гарантией их продления во времени является именно сходство политических философий и экономических доктрин, являющихся суть современными идеологиями.

Для РФ и САР эпоха идеологического родства как побудительного начала экономических и иных связей закончилась. Но и сейчас необходимо найти нечто, что поможет заменить старые идеологические скрепы, делавшие отношения более объемными и доверительными. Такой альтернативой может стать идея духовной, гуманитарной близости между народами, опирающаяся на базис разветвленного и объемного экономического и технического сотрудничества.

С сирийской стороны она подпитывается исторической памятью и благодарностью за то, что СССР «стоял в одном окопе» с Сирией в наиболее драматические моменты ее новейшей истории.

На обиходном уровне такая идея персонифицируется в сохраняющихся симпатиях к советскому и русскому, в уважении и интересе к нашей культуре, в восприятии русского национального характера как близкого к сирийскому. На официальном уровне эта идея воплощается в историзме и особой близости советско-сирийских отношений, в сходстве представлений об обоюдной пользе согласованных действий, в верности партнерским и союзническим обязательствам.

Подобная идея имеет сторонников и в нынешнем российском истеблишменте, которые считают сирийское и арабское направление стратегическим для российской дипломатии и внешней политики. Она кроется в рациональном консерватизме, который обеспечивает эволюционность развития отношений и является системным признаком нового, демократического отражения общественных процессов в мировой политике.

С российской стороны новые отношения могут стимулироваться всеобщей русской склонностью к гуманизму, готовно-

стью в трудное время прийти на помощь, стремлением сблизиться с зарубежным миром ислама. Не последнюю роль здесь играет геополитическое осознание Россией своего места в мире. Евразийский менталитет всегда придавал особый смысл российской восточной политике, позициям на Востоке, которые были исконным противовесом западному направлению в российском внешнеполитическом дискурсе.

Раунд сближения позволяет сделать некоторые общие наблюдения, которые помогают лучше понять позиции сторон относительно текущих проблем.

Происходящее следует, видимо, понимать так, что:

- прошедший период может трактоваться не как время разлада, а как этап подготовки к сближению в новых исторических условиях, потребовавших всестороннего осмысления и поиска новых механизмов взаимодействия;

- возобновление контактов стало возможным потому, что обе стороны осознали необходимость и своевременность реанимации экономических и других отношений;

- Сирия не смогла или не захотела в полной мере реализовать шанс на сближение с Западом в масштабах, позволяющих воспользоваться преимуществами близких отношений с экономически продвинутыми системами, заинтересованными в насаждении своих стандартов свободы, демократии, рынка. Таким образом, Сирия явно резервирует возможность для наращивания сотрудничества с альтернативными партнерами, не в последнюю очередь и с Россией.

Россия осознала необходимость широкой диверсификации внешнеэкономических связей. Они должны включать и страны арабского мира, без сотрудничества с которыми российские национальные интересы, видимо, не могут быть реализованы с достаточной полнотой.

Упорядочение отношений с некогда приоритетным партнером и подготовка благоприятных условий для внешнеэкономической деятельности на его поле должны создать предпосылки для нормального функционирования капитала, обслуживающего экономические проекты, и для выстраивания системы поддержки российского бизнеса в конкретной арабской стране, а в перспективе и в сопредельной зоне.

Валовой подход к экономическому сотрудничеству едва ли будет возможен в новых условиях экономического сотрудничества. Его направления обретут избирательность в силу объек-

тивных причин, связанных с экономическими условиями жизнеобеспечения в обоих государствах. Тем не менее у РФ есть возможности предложить САР продукцию и инвестиционные товары, адаптированные к потребностям этой последней, равно как и сирийские товаропроизводители способны предложить российским контрагентам потребительские товары, имеющие повышенный спрос на российском рынке.

Замещение государственных органов во внешнеторговом обмене частным капиталом заставит прибегать к более тонким, рыночным механизмам регулирования обмена. Это с неизбежностью породит новое качество в системе поддержания внешнеторговых контактов, приблизит российскую, а также и сирийскую внешнеэкономическую практику к международно-признанным правилам.

Исключительная емкость российского внутреннего рынка может стать мощным стимулом для сирийской промышленности, которая ныне всеми мерами стремится повысить конкурентоспособность своей продукции, добиться соответствия международным стандартам качества, что важно для взыскательных российских импортеров. Но и не сертифицированная добротная продукция может найти своего потребителя в России и наоборот, как временная мера в условиях товарного дефицита и в целях максимально быстрого наполнения межстранового торгового обмена конкретным содержанием.

Инвестиционное сотрудничество – мощный резерв взаимного проникновения в экономическую сферу. Налаживание этого процесса требует благоприятных условий, отработанных механизмов в отношениях между сирийской и российской сторонами. Однако потенциально такого рода сотрудничество в первую очередь эффективно в рекреационно-туристской и санаторно-курортной сферах. Сельское хозяйство и промышленность – второй эшелон сотрудничества, серьезный и перспективный канал установления деловых отношений в области бизнеса. Сотрудничество в развитии производственной инфраструктуры также формирует обещающее направление внешнеэкономической деятельности. Ведь потребности Сирии в такого рода сооружениях и объектах велики, а равно масштабны и возможности России и ее прежний опыт в этой деятельности.

Подготовка кадров и регулярный культурный обмен – традиционные направления в государственной политике. Эта

сфера имеет выраженный экономический аспект, дополняющий сугубо хозяйственные контакты между государствами.

Научное сотрудничество в интересах национального хозяйства составляет естественное продолжение этапа, увенчавшегося совместными космическими исследованиями середины 80-х годов прошлого века. Оно может стать важным стимулом углубления российско-сирийских экономических связей в новом столетии.

Совершенно очевидно, что в экономических и иных отношениях между Россией и Сирией существует устоявшаяся традиция. И именно она должна служить проводником новых инициатив и идей. Для их реализации нужны только доброжелательный диалог, политическая воля и осознанный национальный интерес. Эти компоненты в полной мере присутствуют в нашем случае, что и было продемонстрировано встречами лидеров двух государств.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин**: "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский**: "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко**: "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар**: "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн**: "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов**: "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов**: "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна.**

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян**: "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко**: "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов**: "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов**: "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
161. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

2006 г.

162. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
163. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
164. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru
--

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East ".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays)
Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century"
158. "The Contemporary Middle East" № 25, (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26, (collection of essays)
160. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.M.Mokhova**
161. "'Leftists" in the Middle East: Libyan experience" by **A.V.Rjasov**

2006 г.

162. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
163. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
164. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Подписано в печать 09.04.2006 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 16,75 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 100

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»